



12. III
31

Handwritten signature or initials in black ink, possibly reading "S. S. S." or similar, written in a cursive style.

ИНВЕНТАР

Музею №

749

12. III

31.

ОТГОЛОСКИ

1458
346

ОТГОЛОСКИ

—

СТИХОТВОРЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГЕРБЕЛЯ

—

1 - 2

—



САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1858

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 31 октября 1857 г.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

РІ 20
Г-37

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ



1.

ВЪ ДОРОГУ, ВЪ ДОРОГУ!...

Гоголь.

(Посв. Н. Я. Макарову).

Одинъ я бродилъ по аллеямъ густымъ
Родного лицейскаго сада,
И снова мелькали предъ взоромъ моимъ
Деревья, дорожки, ограда:

Тѣ самыя липы, та ива, тотъ вязъ,
Подъ лиственной тѣнью которыхъ
Такъ сладко мечталось... дремалось не разъ
Подъ ихъ нескончаемый шорохъ.

По прежнему садъ былъ тѣнистъ и угрюмъ,
По прежнему вѣялъ прохладой,
И, полный какихъ-то таинственныхъ думъ,
Нависъ надъ высокой оградой;

И даже тропинка, любимая мной,
По прежнему въ чащѣ терялась,
По прежнему въ ней извивалась змѣй,
И ива надъ нею склонялась.

Глядѣлъ я — въ душѣ все яснѣй и яснѣй
Прошедшіе дни оживали,
И милые образы старыхъ друзей
Опять предо мной возникали:

Они проносились одинъ за другимъ,
Какъ тѣни подъ пологомъ ночи,
Являлись и вновь исчезали, какъ дымъ,
И снова глядѣли мнѣ въ очи.

Я сердцемъ встрѣчалъ ихъ, я сердцемъ слѣдилъ
Ихъ мирный полѣтъ, и, лелѣемъ
Завѣтнымъ прошедшимъ, мечталъ — и бродилъ
По темнымъ лицейскимъ аллеямъ.

Въ дорогу, въ дорогу! — ужь жизненный путь
Ковромъ предо мной разостлался...
Въ дорогу! — часы за часами бѣгутъ,
А я еще въ путь не собрался.

Но прежде чѣмъ путь свой избрать я рѣшусь —
Мой путь, не богатый дарами,
Къ кому, какъ не къ вамъ, я душой обращусь?...
И я преклоняюсь предъ вами, —

Предъ вами, которые здѣсь до меня
Росли въ этомъ самомъ Лицеѣ,
Здѣсь такъ же мечтали въ саду, какъ и я,
И можетъ быть въ этой аллеѣ;

А нынѣ, во славу родимой земли,
Пропѣвъ пѣсни вѣщія міру,
Въ сырую могилу съ собой унесли
Вѣнокъ и разбитую лиру;

Къ кому я изъ дѣтства стремлюся душой,
И чьи благородныя тѣни
Незримо витають теперь надо мной,
Покинувъ могильныя сѣни:

И ты, возмужавшій въ безвѣстной тиши,
Людей сердецѣдецъ великой,
Проникнувшій духомъ въ тайникъ ихъ души,
Какъ будто бы былъ ихъ владыкой;

Творецъ «Ревизора», пѣвецъ «Вечеровъ» —
Степей подиѣпровскихъ и Сѣчи...
Кто, полнъ вдохновенья, ужé былъ готовъ
Начать величавыя рѣчи...

Ты, славное имя въ безсмертья скрижалъ
Вписавшій чертами созданья,
Въ которомъ улыбка скрываетъ печаль
И смѣхъ заглушаетъ рыданья.

И ты, живописецъ неправды людской ,
Разскащикъ вседневныхъ дѣяній,
Интригъ измельчавшихъ и спѣси смѣшной,
А съ ними и слёзь и страданій ;

Пѣвецъ Малороссіи милой своей ,
Съ ея вѣковыми садами,
Гдѣ въ кущѣ черемухъ поётъ соловей,
И вѣтеръ играетъ листьями ;

Пѣвецъ ея неба, полей и лѣсовъ ,
Съ крестами ея у дороги
Надъ прахомъ умершихъ въ пути чумаковъ ,
Вдали отъ родимой берлоги...

Широкій путь жизни ужь мѣнитъ давно
Меня на борьбу и тревогу !
Часы прозвучали — и такъ рѣшено —
Въ дорогу, въ дорогу, въ дорогу !

II.

ОРЛЕАНСКОЙ ДѢВѢ.

Изъ Шиллера.

Стараясь исказить твой образъ благородный,
Тебя насмѣшка въ грязь хотѣла затоптать;
Враждуя цѣлый вѣкъ съ прекраснымъ, умъ холодный
Не вѣритъ ни въ добро, ни въ Божью благодать,
Ни въ ангеловъ святыхъ, и, полный святотатства,
Стремится у души украсть ея богатства.

Но бѣдное дитя — поэзія святая,
Такая-жъ скромная пастушка, какъ и ты,
Священныя права заслугъ возвращая,
Взнесла тебя къ звѣздамъ на крыліяхъ мечты.
Ты создана душой — и, окруженный славой,
Переживетъ вѣка твой образъ величавой.

Міръ любитъ помрачать невѣриемъ холоднымъ
Все то, что высоко, что блещетъ и горитъ ;
Но есть еще сердца съ стремленьемъ благороднымъ
И съ вѣрою во всё, что сердцу говоритъ.
Пускай клевететь Момъ и тѣшить вкусъ народный :
Лишь благородный умъ чтить образъ благородный !

III.

ПРОХОЖІЙ.

На дворѣ темно и грязно ;
Вѣтеръ ивами шумить ,
Да въ окно однообразно
Дождикъ хлещетъ и стучить .

Я подсѣлъ къ окну и слышу
Тихій шорохъ надъ собой :
То вода течетъ подъ крышу
Водосточною трубой .

Тёмно въ комнатѣ холодной . . .
Вкругъ ни звука — все молчитъ ,
Лишь въ углу сверчокъ голодный ,
Надрываяся, кричитъ .

Вотъ прояснило немножко —
Свѣтъ зажегся въ сторонѣ,
Отразился сквозь окошко
И забѣгалъ по стѣнѣ:

Обогнувши изгороду,
Кто-то вышелъ съ фонарёмъ,
И сквозь темень-непогоду
Пробирается съ трудомъ.

Кто онъ, путникъ одинокой?
Тяжелы его шаги:
Что ни шагъ — въ грязи глубокой
Тяжко вязнуть сапоги.

Онъ ступаетъ осторожно;
Освѣщенный фонарёмъ,
Онъ тоскливо и тревожно
Озирается кругомъ;

Онъ плетется стороною;
Онъ ворчитъ — усталъ горюнь,
И заботливой рукою
Подбираетъ свой зипунъ...

Но и этотъ свѣтъ далёкой,
Видно, вѣтеръ потушилъ,
И окрестность мракъ глубокой
Снова залилъ, затошилъ.

Вѣтеръ стонетъ, вѣтеръ злится,
Дождикъ въ стекла такъ и бѣётъ,
И лишь слышно, какъ бранится
Запоздалый пѣшеходъ.

IV.

УЗНИЦА.

Изъ А. Шенье.

« Сгибается колосъ, щадимый косою ;
Тисковъ виноградъ не боится весною,
Впивая росы благодать ;
Не такъ ли и я молода и прекрасна ?
Пусть доля моя тяжела и несчастна, —
Но я не хочу умирать !

« Пусть стоишь взираешь на смерть равнодушно :
Я плачу, — склоняюсь по вѣтру послушно,
Въ надеждѣ подняться скорѣй.
Есть въ жизни и счастье, есть въ жизни и горе !
И медь не безъ горечи ; развѣ есть море
Безъ бурь и подводныхъ камней ?

« Въ душѣ возникаютъ мечты-чаровницы:
Напрасно тѣснятъ меня стѣны темницы, —
Вѣдь крылья надежды со мной!
Не такъ ли, избѣгнувъ силковъ птицелова,
Еще беззаботнѣе въ воздухѣ снова
Кружится пѣвецъ луговой? »

« И мнѣ ли погибнуть? — вѣдь я засыпаю
Спокойно, и день мой такъ тихъ: я не знаю
Терзанія совѣсти злой.
И здѣсь, гдѣ лишь горе одно обитаетъ,
Мое появленье надежду рождаетъ
На лицахъ, убитыхъ тоской. »

« Мой путь не оконченъ: не зная тревоги,
Изъ этихъ деревьевъ безгранной дороги
Минула лишь первая я.
На жизненномъ пирѣ я лишь на мгновенье
Къ устамъ подносила фіаль наслажденья,
Въ рукахъ моихъ полный питья. »

« Съ весной я знакома, хочу непременно
Дождаться и жатвы, хочу постепенно,
Какъ солнце, окончить мой годъ.
Разсвѣтная роза, любимица Флоры,
Я видѣла только сіянье Авроры —
Пусть же и день мой пройдетъ! »



« О, смерть, удалися! и сердцу иному,
Въ бѣдахъ сокрушенному, сердцу больному
Спѣши утѣшенье подать.

Весной еще темныя сѣни найду я,
Въ поэзіи — пѣсни, въ любви — поцѣлуи,
И я не хочу умирать! »

Такъ, самъ обреченный цѣпямъ и страданьямъ,
Внималъ я въ темницѣ мольбамъ и стenanьямъ
Несчастной сосѣдки моей;
И, сбросивши иго снѣдающей муки,
Я вылилъ стихами чудесные звуки
Ея заунывныхъ рѣчей...

У.

ИЗНАКОМКА.

Изъ Шиллера.

Когда весна, благоухая,
Сзывала первый хоръ пѣвцовъ,
Являлась дѣва молодая
Въ долину бѣдныхъ пастуховъ.

Она родилась не въ долинѣ,
Никто семьи ея не зналъ;
И слѣдъ скрывался, какъ въ пустынѣ,
Лишь милый призракъ исчезалъ.

И, чуя дѣвы приближенъе,
Стремилось все на встрѣчу къ ней,
Хотя внушалъ благогозѣнъе
Холодный блескъ ея очей.

Она съ плодами приносила
Цвѣты чарующей весны:
Иное грѣло ихъ свѣтило
Иной счастливой стороны.

И возвращалися съ плодами,
Съ цвѣтами пышными домой —
И отрокъ съ свѣтлыми кудрями,
И старецъ немощный съ клюкой.

Привѣтомъ всѣхъ она встрѣчала;
Но для любящейся четы
Подарокъ лучшій сберегала:
Дарила лучшіе цвѣты.

ПѢВЦЫ МИНУВШАГО ВРЕМЕНИ.

Изъ Шиллера.

Гдѣ они? — гдѣ, о скажите, найду я пѣвцовъ вдох-
новенныхъ,
Чье животворное слово внимавшій народъ чаро-
вало?
Пѣли о небѣ они, людей на землѣ воспѣвали,
И высоко возносили нашъ духъ на крыліяхъ пѣ-
сни.
О, еще живы пѣвцы! но нѣтъ подвиговъ, власт-
ныхъ заставить
Смолкшую лиру очнуться; нѣтъ чуткаго уха. Счаст-
ливы
Барды счастливаго вѣка! изъ устъ въ уста и изъ
рода

Передавалось въ родъ — ихъ, сердцу понятное,
слово.

Съ благоговѣньемъ, приличнымъ богамъ, привѣт-
ствовалъ каждый

Все, что словомъ и кистью творилъ всеобъемлю-
щей гений.

Чувствомъ внимавшихъ — пѣвецъ питалъ свой бо-
жественный пламень, —

Да, питалъ — очищалъ... Счастливецъ! голосъ на-
рода

Звонко въ себѣ отражалъ его вдохновенныя пѣсни,

И еще на землѣ ему божество представлялось;

Нынѣ жъ и сердцемъ его поэтъ едва постигаетъ.

VII.

ПЕРЕДЪ КАМИНОМЪ.

Люблю я въ позднемъ сентябрѣ
Сидѣть и грѣтся предъ каминомъ,
Когда погода на дворѣ
Бушуетъ грознымъ властелиномъ;

Когда въ окошко дождь стучить,
По стекламъ струйками сбѣгая,
Или слезинками дрожить,
Одну другою нагоняя, —

А въ полѣ вѣтеръ, между тѣмъ,
Какъ звѣрь голодный, завываетъ,
И словно сердится — зачѣмъ
Его погрѣться не пускаютъ.

И много, много разныхъ думъ,
Одна смѣняся другою,
Тогда приходитъ мнѣ на умъ...
Сижу — и думаю, порою,

Что въ это время кто-нибудь
Сквозь мракъ и дождь, въ ямской телегѣ,
Быть можетъ, ѣдетъ въ дальній путь,
Не смѣя мыслить о ночлегѣ...

Напрасно онъ воротникомъ
Лицо отъ вѣтра закрываетъ:
Шинель, пробитая дождёмъ,
Его давно не защищаетъ...

И возникаютъ предо мной
Необозримыя Карпаты,
И нашъ бивакъ во тьмѣ ночной,
И наши спящіе солдаты...

И снова сплю я подъ дождёмъ,
Въ грязи, подъ мокрою шинелью,
И снится мнѣ нашъ старый домъ,
Съ каминомъ, съ теплою постелью...

VIII.

ВЪ КАРПАТАХЪ.

Встаютъ предо мною Карпатскія горы —
Всё выше, синѣй, надъ грядою гряда, —
Влекуть за собой изумленные взоры
Куда-то далеко, куда-то — туда,
Гдѣ вѣтеръ шумить, да гуляютъ мятели,
Гдѣ съ буйною вьюгою въ вѣчной борьбѣ,
На скатахъ качаются черныя ели,
И машутъ вѣтвями и мánятъ къ себѣ,
Гдѣ все непривѣтно, пустынно и дико,
Гдѣ только кружится пернатый владыко —
Могучій орель, да со ската на скать,
Весь въ пѣнѣ и брызгахъ, гремитъ водопадъ...

Утёсы нависли надъ самой доро́гой,
Что въ кручѣ скалистой пробилась съ трудомъ :
Змѣей проползла надъ медвѣжьей берлогой
И лѣпится рядомъ съ орлинымъ гнѣздомъ...

IX.

НА СМЕРТЬ ВОРОБЬЯ ЛЕЗБІИ.

Изъ Катумла.

Плачьте, граціи, со мною,
Съ поколѣніемъ людей,
Одарѣнныхъ красотою!
Умерь бѣдный воробей
Милой дѣвушки моей,
Воробей — утѣха милой,
Радость друга моего,
Тотъ, кого она хранила
Пуще глаза своего.
Какъ онъ ласковъ былъ съ тобою!...
Какъ младенецъ мать свою,
Зналъ онъ милую мою;
Неразлученъ съ госпожою,
Онъ попрыгивалъ вобругъ,
И чирикашемъ, порою,
Веселилъ и нѣжилъ слухъ.

А теперь, увы! онъ бродить
По печальнымъ берегамъ
Той рѣки, съ которой къ намъ
Вновь никто ужъ не приходитъ.
Прочь изъ глазъ, скорѣе прочь,
Смерти сумрачная ночь,
Уносящая съ собою
Все, что блещетъ красотою!...
А онъ былъ такъ дорогъ ей —
Этотъ ласковый — тобою
Похищенный воробей.
О, судьба!... о, мой несчастный!
Черезъ тебя глаза прекрасной,
Милой дѣвушки моей
Отъ горячихъ слёзъ распухли,
Покраснѣли и потухли.

X.

РАЗДѢЛЪ ЗЕМЛИ.

Изъ Шиллера.

(Посв. А. А. Фету).

— Возьмите свѣтъ! онъ вашъ! — сказалъ благой Зевесъ
Людскому племени, съ высотъ своихъ небесъ:
— Я вамъ дарю его! — въ наслѣдіе возьмите;
Но межъ собой его по братски раздѣлите. —

Сказалъ — и мигомъ все, кому Богъ руки далъ,
Спѣшитъ устроиться; хлопочетъ старъ и малъ:
Вмигъ пахарь завладѣлъ полями и лугами,
Охотникъ въ лѣсъ ушелъ за хищными звѣрями;

Купецъ товарами набилъ амбары, домъ...
Смиранный жрецъ боговъ бесѣдуетъ съ виномъ;
Владѣлецъ затворилъ дороги и плотины,
И требуетъ со всѣхъ законной десятины.

Затѣмъ, когда раздѣлъ давно былъ совершёнъ,
Пришелъ поэтъ, — пришелъ изъ странъ далекихъ онъ...
И овладѣла имъ тяжелая кручина:
Ужъ все на всей землѣ имѣло господина.

« О горе, горе мнѣ! такъ я забыть одинъ,
« Одинъ изъ всѣхъ людей, я — твой покорный сынъ? »
Такъ жалобно взывалъ любимецъ Аполлона,
Припавши къ ступенямъ юпитерова трона.

— Не ты ль парилъ душой въ странѣ волшебныхъ сновъ!
Сказалъ ему Зевесъ: — что жъ ропщешь на боговъ?
И гдѣ, скажи мнѣ, былъ ты при раздѣлѣ свѣта? —
« Съ тобою! » былъ отвѣтъ смиреннаго поэта:

« Мой взоръ твой свѣтлый ликъ въ восторгѣ созерцалъ,
« Мой слухъ гармоніи міровъ твоихъ внималъ;
« И, погрузясь душой въ сіянье золотое,
« Прости, я потерялъ наслѣдіе земное. »

Зевесъ ему въ отвѣтъ: — Вся рѣздана земля,
Ужъ больше не мои ни воды, ни поля;
Но если въ небесахъ захочешь жить со мною,
То небо навсегда отверсто предъ тобою. —

ХІ.

СЕГОДНЯ МНѢ ИСПОЛНИЛОСЬ 36 ЛѢТЪ.

Миссолонги, 23 января 1824 г.

Изъ Байрона.

(Посв. М. Л. Михайлову).

О, сердце, замолчи! пора забыть страданья...
Ужé любви ни въ комъ тебѣ не возбудить;
Но если возбуждать её не въ состояньи,
Все жь я хочу еще любить!

Какъ листья, дни мои поблѣкли и завяли;
Цвѣты моей любви оборваны грозой,
И вотъ — грызущій червь, упреки и печали
Одни остались со мной.

Какъ гибельный вулканъ, средь глади водъ безбрежной,
Мой внутренній огонь клокочетъ съ давнихъ поръ;
Не свѣточъ онъ зажжетъ, таинственный и нѣжный,
А погребальный мой костеръ.

Ни страха, ни надеждъ, ни гордаго страданья,
Ни пламени любви, растроченной въ борьбѣ,
Я раздѣлять теперь ужé не въ состояньѣ,
 Неся ихъ цѣпи на себѣ...

Но здѣсь ли и теперь, когда всё жаждетъ боя,
Такая мысль могла возстать въ умѣ моёмъ,
Гдѣ слава лаврами вѣнчаетъ гробъ героя,
 Или чело его вѣнкомъ?

И слава Греціи вокругъ меня сіяетъ,
Съ ея полями битвъ, хоругвью и мечемъ.
Здѣсь каждый бранный щитъ отважному вѣщаетъ:
 « Иль съ нимъ, или на нёмъ! »

Возстань!... (не Греція — она ужé возстала),
Но ты, душа моя, очнися и возстань!
И, вспомнивъ доблесть тѣхъ, въ комъ кровь моя играла,
 Зажгись въ груди моей на брань!

Возстань и раздави могучею пятою
Воспрянувшихъ страстей отжившія мечты!
Возстань, чтобъ отвѣчать холодною одною
 На смѣхъ и слёзы красоты!

Къ чему же жить, когда ты юности жалѣешь?
Земля, гдѣ можетъ смерть быть славной, — предъ тобой.
Впередъ! и покажи, что ты еще съумѣешь
 Погибнуть въ битвѣ, какъ герой!

Иди, ищи того, что часто въ нашей долѣ,
Не думая найти, находятъ безъ труда —
Могилу воина; найди её на полѣ,
И успокойся навсегда!

XII.

Уже одиннадцать часовъ
Въ сосѣдней комнатѣ пробило,
И стукъ колесъ, и шумъ шаговъ —
Все близкій полдень возвѣстило.

Ужъ свѣтъ дневной со всѣхъ сторонъ
Сквозь щели ставень проникаетъ,
И въ немъ пылинокъ миллионъ
Кружится, блещетъ и играетъ;

Да двѣ-три мухи, чуя день,
Едва пригрѣтыя весною,
Тревожа сладостную лѣнь,
Жужжать, кружатся надо мною:

А я не въ силахъ отогнать,
Страхнуть съ себя полудремоты,
Чтобъ міръ видѣній промѣнять
На ежедневныя заботы...

XIII.

ГЕРО И ЛЕАНДРЪ.

Изъ Шиллера.

(Посв. Д. Е. Мину).

Золотясь подь солнцемъ юга,
Смотрять замки другъ на друга,
И, шумя подь ихъ пятой,
Геллеспонтъ легко и смѣло
Сквозь утесы Дарданела
Кáтитъ волны чередой.
Волны прыгають на берегъ,
Стонуть, воють и кипятъ,
Рвутъ отъ Азіи Европу,
Но любви не устрашатъ.

Богъ любви — Эротъ могучій —
Сердце Гéro страстью жгучей —
И Леандра уязвилъ.

Геро — будто день прекрасный...
А Леандръ, охотникъ страстный,
Лѣсъ и пажити любилъ.

Но вражда отцовъ жестокихъ
Тяготѣла надъ четой,
И любовь ихъ колебалась
Надъ бездонной глубиной.

Тамъ на башнѣ у обрыва,
Подъ которой горделиво
Геллеспонтъ ревѣлъ и билъ,
Геро друга поджидала, —
Къ Абидосу взоръ склоняла,
Гдѣ любимецъ сердца жилъ.
Нѣтъ мостá на дальній берегъ,
Челнъ не мчится средь валовъ;
Но любовь нашла дорогу
Безъ челновъ и безъ мостовъ.

Въ лабиринтъ она вступаетъ
И выходитъ; превращаетъ
Тупоумныхъ въ мудрецовъ;
Подъ ярмо звѣрей склоняетъ, —
Въ плугъ алмазный запрягаетъ
Огнедышащихъ воловъ.
Даже ярость Стикса злого

Для отважныхъ не страшна :
Мощно любящихъ спасаетъ
И изъ Тартара она.

Даже въ морѣ пламень страсти,
Полный нѣги, полный власти,
Духъ Леандра возбуждалъ.
И едва лишь день кончался,
Онъ отважно устремлялся
Въ бездны волнъ и уцлывалъ,
Разсѣкая ихъ руками, —
Къ дорогой ему скалѣ,
Гдѣ мерцалъ привѣтный факель,
И манилъ его во мглѣ.

Позабывъ свой путь опасный,
На груди ея прекрасной
Согрѣвалъ младую кровь,
И вкушалъ душой отраду,
Ту, которую въ награду
Лишь дарить одна любовь,
День пока не пробуждалъ ихъ
Изъ мечтаній неземныхъ,
И не гналъ его въ пучину
Изъ объятій огневыхъ.

Тридцать разъ луна золотая
Озаряла, день смѣнная,
Ихъ любовь во тьмѣ ночей ;

Но промчались ночи скоро,
Какъ завидная для взора
Безтѣлесныхъ, страсть людей.
Кто, съ несчастьями сдружившись,
Плодъ небесный не срывалъ
Съ береговъ рѣки Аида,
Тотъ блаженства не вкушалъ.

Такъ прошли, смѣняясь скоро,
Поздній Гесперъ и Аврора, —
Быстро шли за днями дни;
Но ни стужи приближенья,
Ни листовъ сухихъ паденья
Не замѣтили они,
И лишь видѣли съ восторгомъ
Уменьшенье круга дней,
Вмѣстѣ радуясь счастью
Продолжительныхъ ночей.

Вотъ вѣсы надъ небесами
Уравняли ночи съ днями,
И печальна и грустна
Видитъ Геро коней Феба,
Подходящихъ къ краю неба,
Ожиданія полна.
Море сгладилося, стихло —
Свѣтлымъ зеркаломъ легло;
Не сгибаетъ вѣтеръ знойный
Водъ упругое стекло.

Беззаботные дельфины,
Средь серебряной равнины,
Плнять воду подь собой,
И безмолвныя дружины
Мирныхъ жителей пучины
Вышли черною толпой;
Только рыбы ихъ свиданья
Подмѣчали иногда,
Но Геката ротъ беззвучный
Имъ зажала навсегда.

И любуясь, какъ игриво
Билось море, Геро льстиво
Изливалась въ мольбѣ:
« Свѣтлый богъ! ты не коварень?
« Нѣтъ, тотъ лживъ, неблагодарень,
« Кто не ввѣрится тебѣ.
« Только люди вѣроломны, —
« Дышетъ холодомъ ихъ кровь;
« Ты же кротокъ, милосердень —
« И зоветъ тебя любовь.
« Безъ тебя, одна съ тоскою,
« За высокою стѣною
« Я бѣ увяла въ тишинѣ;
« Но ты милаго хранило
« И безъ лодокъ приносило
« На зыбяхъ своихъ ко мнѣ.
« Глубока твоя пучина,

« Страшенъ ревъ твоихъ валовъ,
« Но отвага побѣждаетъ,
« Не боится ихъ любовь.

« И тебя, морей властитель,
« Поражалъ Эроть-мучитель:
« Хороша и весела,
« Надъ блистающимъ чертогомъ,
« На быкъ золоторогомъ
« Гелла по морю плыла.
« Быстро вышелъ ты изъ моря,
« Побѣжденный красотой,
« И въ пучину съ плечъ могучихъ
« Ты увлекъ ее съ собой.

« Грозный богъ! и ты, богиня!
« Вы, живущіе въ пучинѣ,
« Вы, любовниковъ покровъ! —
« Друга милаго введите
« Въ пристань, или усмирите
« Ярость пѣнистыхъ валовъ!
« Гелла — добрая богиня!
« Снизойди къ моимъ мольбамъ:
« Принеси его сегодня
« Снова къ этимъ берегамъ!»

Туча небо омрачаетъ...
Геро факель раздуваетъ,
Чтобъ онъ ярче освѣтилъ

Мракъ таинственной пустыни,
Чтобъ онъ милому въ пучинѣ
Знакомъ дружественнымъ былъ.
Но, шумя и угрожая,
Море стонетъ и ревѣтъ;
Въ небѣ звѣзды потухаютъ...
Въ морѣ буря настаѣтъ.

Мракъ нависнулъ и сгустился
Надъ пучиной, и полился
Дождь шумливою рѣкой;
Въ мракѣ молніи сверкаютъ;
Изъ ущелій вылетаютъ
Вихри шумною гурьбой:
Роютъ гибельныя бездны
На пространствѣ водяномъ
И, какъ челюсти Аида,
Разверзаютъ ихъ кругомъ.

Въ страхѣ Геро восклицала:
«Зевсѣ! о чемъ я умоляла?...
«Не внимай моимъ мольбамъ,
«И избавь меня отъ горя!
«Можетъ быть, ужъ въ безднахъ моря
«Онъ стремится по волнамъ...
«Вотъ и птицы водяныя
«Съ крикомъ на берегъ летятъ,
«И суда, предвидя бурю,
«Къ вѣрнымъ пристанямъ спѣшатъ.

« Вѣрно онъ, неустрашимый,
« Страстью пылкою гонимый,
« Ужь теперь сюда плыветъ.
« Онъ въ томъ клялся предо мною
« Страсти клятвою святою, —
« Сдержитъ, если доживетъ!
« Ахъ! теперь, быть можетъ, близко
« Волны съ нимъ борьбу ведутъ,
« И его въ свою пучину,
« Безпощадныя, влекутъ.

« Понтъ коварный! Понтъ презрѣнный!
« Твой покой дышалъ измѣной:
« Ты, какъ зеркало, сіялъ...
« Разстилался пеленою,
« И коварной тишиною
« Несчастливца привлекалъ;
« Но едва въ свои объятья
« Принялъ друга моего, —
« И все ужасы пучины
« Ты обрушилъ на него! »

Буря стонетъ, завываетъ;
Море волны подымаетъ;
Ихъ могучая гряда
Бьется въ скалы — и боится
Къ этимъ скаламъ приближаться
Крѣпкорѣбрыя суда.
Вотъ и факель потухаетъ —

Знакъ условный на скалѣ.
Дико, страшно воетъ море,
Такъ — что страшно на землѣ.

И несчастная молила,
Чтобъ Киприда упросила
Укротить свирѣпость водъ.
« Будеть, вихри, вамъ награда :
« Вамъ за то — тельца изъ стада
« Въ жертву Геро принесѣтъ ! »
И затѣмъ всѣ силы моря
Началá она молитъ —
Усмиряющее масло
Въ море бурное пролить.

« О ! услышь меня и нынѣ ,
« Водъ блаженная богиня !
« Выдь изъ храмины своей...
« Гелла ! ты, чье появленье
« Служить вѣстникомъ спасенья
« Посреди морскихъ зыбей.
« Кинь свой, вытканый волшебю,
« Кинь покровъ ему ты свой :
« И спасеть его безвредно
« Онъ изъ бездны роковой ! »

Вихри буйные стихаютъ,
И на небо выѣзжаютъ
Кони Феба — изъ лучей ;

Волны моря снова льются
Въ ложе прежнее; смѣются
Воздухъ съ моремъ веселѣй;
Волны въ берегъ каменистый,
Чуть колеблясь, тише бьютъ,
И, сверкая и играя,
Тѣло къ берегу несутъ.

Это онъ! — И безъ дыханья
Онъ исполнилъ обѣщанье...
И на трупъ его она
Взоръ безжизненный вперяетъ,
Но не стонетъ, не рыдаетъ:
Недвижима, холодна,
Безутѣшно въ волны моря,
На луну она глядитъ...
И румянецъ благородный
На щекахъ ея горитъ.

« Узнаю васъ, силы злыя!
« Какъ ужасно, роковыя,
« Гнѣвъ исполнили вы свой!
« Рано нить его порвалась...
« Но я счастьемъ наслаждалась,
« Былъ прекрасенъ жребій мой.
« Я жила одной любовью,
« Наслаждаясь и любя;
« А теперь — погибну жертвой,
« Афродита, за тебя! »

И, взбѣжавши на стремнину,
Геро бросилась въ пучину...
Властелинъ зыбей морскихъ
Принялъ трупы ихъ святыя
Въ воды темно-голубыя —
Онъ могилой сталъ для нихъ.
И, гордясь своей добычей,
Онъ ихъ бережно несётъ,
И изъ урны, вѣчно полной,
Воды пѣнистыя льётъ.

XIV.

ПЛЯСКА.

Изъ Шиллера.

Быстро игривой волною кружатся веселыя пары!
Пола касаясь едва окрыленной, воздушной ногою.
Что это? — легкія тѣни, тѣлесныя свергшія
цѣни?
Или крылатые эльфы слетаются въ лунномъ
мерцаньѣ?
Словно по воздуху стелется дымъ, колеблемый
вѣтромъ,
Какъ на струяхъ серебристыхъ качается легкая
лодка:
Прыгаетъ мѣрно нога подъ плѣнительный тактъ
музыкальный;
Легкое тѣло подъемлетъ гармонія струнъ перелив-
ныхъ.

Вотъ отдѣлилась и, будто стараясь прорвать вереницу,

Мчится отважная пара къ тѣсно - сомкнѣтому ряду:

Вмигъ передъ ней разступается онъ и смыкается снова —

Словно волшебная сила открыла имъ путь и закрыла.

Мчится — и вотъ исчезаетъ изъ глазъ; и, въ дикомъ смятенѣ,

Рушится чудное зданье воздушнаго міра движенья.

Нѣтъ, она радостно снова несется — распутался узелъ!

Вновь возникаетъ порядокъ! прекрасное лишь измѣнилось!

Въ мірѣ движенья все рушится быстро, чтобъ вновь созидаться —

Тайный законъ управляетъ измѣнчивой жизни игрою.

Но отчего же возвращаются образы, быстро смѣняясь,

И движенье тѣхъ образовъ чудныхъ такъ полно покоя?

Каждый владѣетъ собой, повинуюсь лишь голосу сердца,

И поспѣшно идетъ своею обычной дорогой.

Это богиня гармоніи! — Это она превращаетъ

Буйный прыжокъ дикаря въ хороводную, стройную
пляску,

И укрощаетъ, подобно самой Немезидѣ, безумный,

Дикій восторгъ и веселье созвучья уздой золотою.

Или напрасно звучитъ предъ тобою гармонія міра,

И не хватаютъ за сѣрдце ни волны плѣнительныхъ
звуковъ,

Ни вдохновляющій тактъ, ни чудесная стройность
созданій,

Ни законъ неизмѣнный, который въ безбрежномъ
пространствѣ

Движетъ блестящія солнца извиными смѣло пу-
тями?

Какъ же ты, слѣдуя мѣрѣ въ игрѣ, ей не слѣдуешь
въ жизни?

XV.

Б О К А Л Ъ .

Друзья разошлись. На столъ предо мною
Стоялъ недопитый бокаль,
И, пѣнясь, своей безконечной игрою
Мечту за мечтой навѣвалъ.

Душа утопала въ волшебномъ сіяньѣ,
Стремилась въ невѣдомый міръ,
И тамъ, за хаосомъ, среди мірозданья,
Впивала надзвѣздный эфиръ.

То мысли мои уносились далѣко —
Въ равнины, гдѣ пальмы шумять,
Гдѣ пышно межъ листьевъ, подъ солнцемъ востока,
Горитъ золотой виноградъ.

И мнѣ представлялись равнины Шампаньи, —
Онѣ разстилались вдали:
Я видѣлъ довольство, я видѣлъ старанье,
Я видѣлъ всю щедрость земли...

Вся область слилася въ одинъ виноградникъ,
Въ одинъ нескончаемый лѣсъ:
И дивенъ и чуденъ былъ этотъ разсадникъ
Чудеснаго дара небесъ.

Палящее солнце играло лучами
На вызрѣвшихъ, сочныхъ гроздяхъ,
И вѣтеръ прохладный, шумя межъ листьями,
Качалъ ихъ на гибкихъ лозахъ.

Края панорамы обрамили горы,
Коймой обхватили лѣса;
За ними синѣется что-то, но взоры
Лишь видятъ одни небеса.

Среди виноградниковъ свѣтлой коймою
Рѣка извиваясь течётъ,
Поитъ ихъ своею прозрачной волною,
И пѣнитъ, и плещетъ, и бѣётъ.

И я на поляну — на этотъ избытокъ —
Съ какимъ-то восторгомъ глядѣлъ,
И думалъ невольно про чудный напитокъ,
Который въ бокалѣ кипѣлъ...

XVI.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Нѣтъ драгоцѣннѣй въ мірѣ дара,
Какъ наша молодость, друзья!
Она, какъ свадебная чара,
Полна завѣтнаго питья.
И этой чары драгоцѣнной,
Нашъ лучшій жизненный фіаль,
За всѣ сокровища вселенной
Никто изъ насъ бы не отдалъ.

Пока мы молоды — безопасно
За наслажденьями спѣшимъ,
И, наслаждаясь безконечно,
Тогда лишь знаемъ цѣну имъ.

И мы собираемся за чашей,
Усыплены, упоены...
И только молодости нашей
Не знаемъ истинной цѣны.

Пока мы молоды — мы любимъ,
Мы можемъ истинно любить,
И въ сердцѣ страсть свою голубимъ,
Хоть и разлюбимъ, можетъ быть...
И мы кидаемся на встрѣчу
Тому, что сердце шевелить:
Бѣжимъ за славой, мчимся въ сѣчу,
И жизнь въ насъ пышетъ и кипитъ.

Такъ будемъ жить и наслаждаться,
Пока мы молоды ещё,
Пока намъ не съ кѣмъ разставаться,
Пока въ насъ сердце горячо.
И такъ сберемся вновь за чашей,
И будемъ пользоваться вновь
Правами молодости нашей —
Любить и цѣть свою любовь!

XVII.

ЮНОША У РУЧЬЯ.

Изъ Шиллера.

Надъ ручьемъ пастухъ печальный
Рвалъ поблекшій свой вѣнокъ,
И глядѣлъ, какъ торопливо
Уносилъ цвѣты потокъ.
Такъ и дни мои уходятъ,
Будто волны за волной,
Такъ и юность увядаетъ,
Какъ вѣнокъ мой полевой.

О, не спрашивайте болѣ,
Что такъ сердце тяготитъ! —
Обновленная природа
Всѣхъ надеждой веселитъ;

Но и этот внятный голосъ
Пробудившейся весны —
Пробуждаетъ лишь страданья —
Сердце рветъ до глубины.

Что мнѣ въ этихъ дняхъ роскошныхъ,
Полныхъ вешней красоты?
Вѣчно близкой и далёкой —
Ей одной мой мечты.
Къ *ней* я руки простираю,
Къ *ней* стремлюся всей душой,
Но она неуловима,
И бѣжить меня покой.

Позабудь свои чертоги!
Припади ко мнѣ на грудь!
Я весенними цвѣтами
Скрашу жизненный твой путь.
Въ рощѣ пѣсни раздаются,
Ключь струится съ высоты:
Вѣдь и въ хижинѣ просторно
Для любящейся четы.

XVIII.

М И Н Ь О Н А.

Изъ Гете.

Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ рдѣтъ померанецъ,
Гдѣ золотитъ лимонъ зари живою румянецъ,
Гдѣ вѣетъ тишиной съ безоблачныхъ небесъ,
И мирта высока и тихъ лавровый лѣсъ —
Ты знаешь ли его?

Туда, туда, туда!

Умчалась бы съ тобой, мой милый, навсегда!

Ты знаешь ли чертогъ? Нависнулъ надъ столпами
Узорный потолокъ; сіяетъ заль огнями;
И статуи стоятъ и въ очи мнѣ глядятъ:
«Что сталося съ тобой, бѣдняжка?» говорятъ.
Ты знаешь ли его?

Туда, туда, туда!

Умчалась бы съ тобой, мой милый, навсегда!

Ты гору знаешь ли съ подоблачной стезёю?
Лошакъ въ ней путь пробилъ копытомъ подь собою;
Въ разсѣлищѣ скалы гнѣздится старый змѣй;
Дрожить утесъ, реветъ потокъ среди камней.
Ты знаешь ли её?

Туда, туда, туда
Лежить нашъ путь, отецъ! — умчимся навсегда!

XIX.

ФАНТАЗИЯ — ЛАУРЪ.

Изъ Шиллера.

Милая Лаура! назови ту силу,
Что такъ тѣло къ тѣлу трепетно влечетъ;
Назови, Лаура, то очарованье,
Что насильно сердце сердцу отдаетъ!

То она вокругъ солнца учитъ обращаться
Стройныя планеты вѣчной чередой;
И вокругъ владыки звѣзды тѣ кружатся,
Словно ребятишки вокругъ своей родной.

И впиваетъ жадно каждая планета
Золотистый дождикъ солнечныхъ лучей;
Пьетъ огонь и силу изъ сосуда свѣта,
Какъ изъ мозга члены жизненный елей.

Солнечную искру съ солнечною искрой
Сочеталъ любовно міровой законъ...
Не любовь ли движеть сферы міровыя?
Не на ней ли остовъ міра утверждёнъ?

Удали богиню съ колеса природы —
И система міра распадется въ прахъ :
Съ грохотомъ планеты упадутъ въ пространство,
И Ньютонъ заплачетъ о былыхъ мірахъ...

Пусть любовь покинетъ этотъ міръ духовный —
И подъ гнётомъ тѣла духъ его замретъ...
Безъ любви весною май не возвратится ;
Безъ любви молитва къ Богу не дойдетъ.

Отчего, Лаура, поцѣлуй милой
Зажигаютъ пламя на щекахъ моихъ,
Заставляютъ сердце биться съ новой силой,
Кровь воспаменяютъ въ жилахъ молодыхъ? —

Жизненные силы расторгаютъ узы,
Кровь наружу рвется выбиться ключомъ,
Жаркія объятія просятъ въ объятія,
И сердца пылаютъ въ пламени одномъ.

Также полновластно, какъ въ твореньѣ мертвомъ,
Въ вѣчномъ тяготѣньѣ атомовъ міровъ —
Также полновластно — въ *ткани Арахнеи*
Всей живой природы царствуетъ любовь !

Посмотри, Лаура! — радость обнимаетъ
Страждущее горе, горе усыпивъ;
На груди надежды тихо замираетъ
Скорби нестерпимой бѣшенный порывъ.

Братское лобзанье разгоняетъ тучи —
Безотрадный сумракъ тягостныхъ скорбей...
И глаза, сверкая сладкими слезами,
Отражаютъ прелесть солнечныхъ лучей.

Милая! — не та же ль злая симпатія
Насъ влечетъ упорно въ царство тьмы и зла?...
Наши преступленья съ адомъ сочетались,
И враждуютъ съ небомъ мысли и дѣла!...

Вкругъ грѣха сплелися узловатымъ змѣемъ
Стыдь и безнадежность — пара Эвменидъ;
Взмахи мощныхъ крылій славы безконечной
Грозная опасность зорко сторожить.

Гордостью играетъ жалкое паденье,
Зависть отравляетъ счастье нашихъ дней,
И развратъ бессильно падаетъ въ объятія
Неизбѣжной смерти — злой сестры своей.

На крылахъ любви будущее наше
Кинутся въ объятія прошлаго спѣшить;
И Сатурнъ упорно по волнамъ пространства
Вслѣдъ своей невѣстѣ-вѣчности летитъ.

Но наступитъ время (говоритъ оракуль) —
И Сатурнъ невѣсту-вѣчность обрѣтётъ ;
Пламень міра будетъ факеломъ ихъ брачнымъ ,
И сѣдое время вѣчность обоймётъ.

Свѣтлая Аврора занялась надъ нами :
То любви денница , свѣтлый ангелъ мой !
Какъ ихъ брачной ночи , ей конца не будетъ...
Милая Лаура , радуйся со мной !

XX.

ЗАУТРА БОЙ.

Отрывокъ изъ поэмы.

Заутра бой. Заутра вновь
Заблещетъ мечъ, польется кровь :
Заутра много, слишкомъ много,
Во имя рѣспятаго Бога,
Во имя братства и любви,
Падеть и въ ранахъ и въ крови.
Заутра — слава и паденье ;
Заутра надобно рѣшить
Европы тяжкое сомнѣнье,
Святое *быть или не быть*.
Заутра Шведы и Имперцы
Сойдутся въ прахъ боевомъ,
На жизнь и смерть, какъ иновѣрцы,
Какъ личный врагъ съ своимъ врагомъ.

Заря печально догорала
За гребнемъ дремлющей горы,
И алымъ блескомъ озаряла
Вокругъ разбитые шатры.
Два непріятельскіе стана,
И съ той и съ этой стороны,
Подъ ризой горнаго тумана,
Въ глубокой сонъ погружены.
Лишь громкій окликъ часового
На время эхо пробуждалъ, —
И вокругъ все тихо было снова.
Станъ опочилъ, но вождь не спалъ.
Все тихо въ ставкѣ Валленштейна:
Склонясь надъ картою, герой
Стремился взоромъ и душой
Къ равнинамъ Одера и Рейна.
Его прошедшее влекло
Къ полямъ сраженій, гдѣ, бывало,
Побѣда лаврами вѣнчала
Его высокое чело.
Сейчасъ окончивъ наблюденья
Надъ положеніемъ планетъ,
Онъ вновь обдумывалъ сраженье,
Питомецъ славы и побѣдъ;
И грудь могучую терзали
Честолюбивыя мечты:
То громкой славой обольщали,
То скиптръ Богеміи казали,
То низвергали съ высоты.

Не такъ желанное сраженье
Встрѣчалъ воинственный Густавъ :
Свершивъ вечернее моленье
И Божье Богови воздавъ ,
Онъ погруженъ былъ въ размышленье...
И думалъ царственный герой ,
Что скоро , скоро грянетъ бой ,
Исходъ котораго , быть можетъ ,
Одни страданія умножить
Его друзей. То думалъ онъ ,
Что онъ судьбой опредѣленъ
Спасти своихъ единовѣрцевъ
Отъ угнетенія Имперцевъ ;
Что назначеніе его —
Отдать германскому народу
Религіозную свободу,
И пасть , быть можетъ , за него.

И , полный вѣры въ Провидѣнье ,
Онъ ждалъ желанное сраженье
Съ спокойной ясностью лица ;
Глаза надеждою сіяли...
И вновь уста его шептали
Псалмы вѣнчаннаго пѣвца.

XXI.

ИЗЪ КРАББА.

Подобно ласточкамъ, которыя рядами
Стоять на отмели, съ поднятыми крылами,
И ждутъ, чтобъ отлетѣть съ попутнымъ вѣтеркомъ
И я стоялъ и ждалъ на берегу морскомъ
Минуты—бросить всё и въ край другой умчаться.
И я жалѣлъ о тѣхъ, кто долженъ былъ остаться,
Чтобъ слушать вѣчный ревъ пучины, и прожить
Весь вѣкъ на берегу, къ которому стремятся
Сердитые валы, грозя его залить...

*

XXII.

КАРФАГЕНЪ.

Изъ Шиллера.

Выродокъ слабый праматери рода людского,
Соединившій римскую лживость съ хитростью Тира:
Силою тотъ управлялъ покоренной землёю, а
этотъ
Мудростью правилъ вселенной, её обирая. Что
скажетъ
Поздній историкъ о славъ твоей? Какъ Римлянъ
нинъ — сталью
Ты добывалъ себѣ то, чѣмъ золотомъ правилъ по-
тирски.

XXIII.

КУПЕЦЪ.

Изъ Шиллера.

Куда плыветъ корабль подъ всѣми парусами?
Изъ сѣверной земли, лежащей за морями,
Онъ намъ везетъ янтарь, желѣзо и свинецъ.
О, волны! вы его лелѣйте, берегите!
А вѣтры къ пристани желанной приведите,
И тамъ ему ручки живые прошумите!
Вамъ, боги, вамъ однимъ принадлежитъ купецъ!
Онъ ѣдетъ торговать — онъ ѣдетъ за добромъ:
Такъ пусть все доброе свершится съ кораблёмъ.

XXIV.

Уже давно я не молился —
И для души моей больной
Весь міръ божественный покрылся
Какой-то черной пеленой.

Я позабылъ мои молитвы,
И Божій гнѣвъ и Божій страхъ:
Душа, рожденная для битвы,
Спокойно нѣжится въ грѣхахъ.

И возникаютъ предо мною
Тѣ дни любви, когда и я
Молился, вѣрилъ — и душою
Парилъ въ надзвѣздные края.

И мнилось — вновь я видѣлъ свѣчи
Передъ распятіемъ святымъ,
И слышалъ вновь святія рѣчи,
И вновь, какъ прежде, вѣрилъ имъ.

Онѣ таинственно звучали...

И, раздаваясь едва,

Глубоко въ душу проникали

Святыя, вѣщія слова.

Тогда всему я слѣпо вѣрилъ,

Все близко къ сердцу принималъ,

А нынѣ — разумомъ измѣрилъ —

И счастье съ вѣрой потерялъ.

Такъ въ вѣчность бурно, невозвратно

За годомъ годы утекли,

И всё, что вспомнить намъ пріятно,

Ужé мнѣ видится вдали.

И я опять хочу молиться,

Хочу повергнуться во прахъ,

Но мой языкъ не шевелится —

Слова нѣмѣютъ на устахъ.

XXV.

ПУТЕВОДИТЕЛИ ЖИЗНИ.

Изъ Шиллера.

Смертный! два генія чудныхъ ведутъ тебя въ жизни. Счастливъ ты,
Если они, помогая другъ другу, ведутъ тебя
вмѣстѣ!
Рѣзвой игрою одинъ сокращаетъ твой путь: опираясь
На исполинскую руку его, ты судьбу и заботы
Смѣло встрѣчаешь тогда, и, играя, тебя онъ приводитъ
Къ безднѣ, гдѣ человѣкъ, содрогаясь, стоитъ передъ моремъ
Вѣчности. Здѣсь другой молчаливо тебя принимаетъ,

И через черную бездну гигантской рукой пере-
носить.

Нѣтъ, ты вполнѣ никогда одному лишь изъ нихъ не
ввѣрайся!

Не довѣрай одному своей чести, а счастья — дру-
гому!

XXVI.

....bleichet meine Jugend!

Schiller.

Меня преслѣдуетъ какой-то демонъ злой,
Хотя я самъ еще назвать его не знаю;
Какая-то тоска тревожить мой покой, —
И я скорблю, досажую, страдаю.

Какъ вѣтеръ осенью поблекшіе листы
Разноситъ по полямъ, по дебрямъ, по дорогѣ,
Такъ радости мои, надежды и мечты
Развѣяли житейскія тревоги.

Мнѣ некого любить! — Мнѣ некуда идти!...
Что въ сердцѣ безъ огня, разбитомъ и уснувшемъ?
И вотъ я, какъ бѣглець, на жизненномъ пути
Стою одинъ — одинъ съ своимъ минувшимъ.

XXVII.

ТАЙНАЯ ГРУСТЬ.

Къ чему скрывать свои сомнѣнья,
Къ чему тоску свою тайть
Отъ тѣхъ, кто можетъ исцѣленья
Бальзамъ на раны намъ пролить?
Я понялъ, бѣдное созданье,
Твое безмолвное страданье,
Я видѣлъ грусть твою не разъ, —
Какъ слёзы падали изъ глазъ.

Мы оба жили — и страдали, —
Такъ ты страданій не тай:
Я разрѣшу твои печали,
Сомнѣнья вѣчныя твои.

Но ты глубоко, какъ могила,
Свои страданья затаила,
И не откроешь никому,
Ни даже другу твоему...

XXVIII.

П О Р У К А.

Изъ Шиллера.

Однажды, съ ножомъ подъ полою, тайкомъ,
Въ чертогъ къ Діонисію Мёросъ пробрался;
Но былъ уличенъ и подъ стражу попался.
— Скажи мнѣ, чего ты искалъ здѣсь съ ножомъ? —
Спросилъ Діонисій его съ торжествомъ.
« Свободы отчизны... я связанъ обѣтомъ!... »
— Злодѣй! на крестѣ ты раскаешься въ этомъ! —

« Давно ужъ себя я на гибель обрѣкъ,
« И — вѣрь мнѣ — не стану молить о прощеньѣ.
« Но если доступно тебѣ сожалѣнье, —
« Назначь, передъ смертью, трехдневный мнѣ срокъ,
« Чтобъ свадьбу сестры я отпраздновать могъ,
« И друга тебѣ я оставлю порукой,
« А если укроюсь — отвѣтитъ онъ мукой. »

Тирани усмѣхнулся, и, бросивши взглядъ —
На Мѣроса, молвилъ, прервавъ размышленье :
— На срокъ я согласенъ, — узнай снисхожденье ,
Но помни, что только три дня пролетятъ
И ты не придешь въ Сиракузы назадъ ,
Я *вѣрнаго друга* предамъ на мученье ,
А ты его казнью заслужишь прощенье. —

И вотъ онъ у друга : « Властитель обрѣкъ
« Меня на позорную казнь — на распятые ,
« За умыселъ мой, за мое предпріятъе ,
« Но дать согласился трехдневный мнѣ срокъ ,
« Чтобъ свадьбу сестры я отпраздновать могъ :
« Побудь-же ты здѣсь у него въ заключеньѣ —
« Надежной порукой въ моемъ возвращеньѣ. »

И другъ обнимаетъ его — и идѣтъ
Въ темницу, подъ крѣпкую стражу тирана.
А Мѣросъ уходитъ оттуда. Но рано,
На третіе утро, онъ съ ложа встаѣтъ ,
Спѣшитъ совершеньемъ обряда, — и вотъ
Онъ снова въ дорогъ , смиряясь предъ рокомъ , —
Бои́тся промедлить назначеннымъ срокомъ.

Вдругъ буря : и вѣтеръ , и ливень съ грозой ,
Потоки въ долины съ высотъ устремились ,
Ручьи разлились , взволновались , озлились...
А Мѣросъ всё дальше... вотъ мостъ надъ рѣчкой ,
Но волны срываютъ его , и съ собой

Уносятъ и топятъ въ глубокія воды,
Дробя и ломая послѣдніе своды.

Напрасно, блуждая надъ бурной рѣкой,
Онъ взоры въ туманную даль устремляетъ
И зовъ изступленный имъ велѣдъ посылаетъ;
Челнокъ не рѣшается выйдти на бой
Съ холодною бездною, съ ревущей волной,
Затѣмъ, что боится погибели въ спорѣ...
И дикій потокъ превращается въ море.

И Мѣросъ заплакалъ, и руки его
Невольно поднялись къ небесъ Властелину:
« Зевесъ! усмири роковую пучину!
« Часы убѣгаютъ, и солнце давно
« Достигло полудня, и если оно
« Зайдетъ, а меня въ Сиракузахъ не будетъ —
« Тиранъ на распятіе друга осудить! »

А рѣчка всё злится, всё роетъ песокъ;
И волны уходятъ, волна за волною,
И время проходитъ своей чередою...
Тогда, проклиная обманчивый рокъ,
Онъ смѣло кидается въ бурный потокъ,
И бьётъ его волны могучей рукою,
И къ берегу править, хранимый судьбою.

И, спасшись, онъ дальше... и каплять съ рѣсницъ
Невольныя слёзы — молитвой Зевесу...

На встрѣчу ему изъ сосѣдняго лѣсу
Выходитъ толпа кровожадныхъ убійцъ.
Враждой и жестокостью вѣетъ съ ихъ лицъ ;
Они надъ собой кистенями махаютъ ,
И дерзко дорогу ему заступаютъ.

« Чего вы хотите? » скрывая испугъ ,
Спросилъ онъ : « я всё потерялъ , кромѣ жизни ,
« И тою пожертвовалъ милой отчизнѣ. »
И, вырвавъ дубину изъ вражескихъ рукъ ,
Онъ вскрикнулъ : « нѣтъ , ты не погибнешь , мой другъ ! »
Онъ вскрикнулъ — и трое на мѣстѣ остались ,
А всѣ остальные ушли , разбѣжались.

А солнце всё катитъ свой огненный кругъ...
И путникъ , лишенный живительной тѣни ,
Совсѣмъ обезсиленъ , упалъ на колѣни :
« Не ты-ль меня спасъ изъ разбойничьихъ рукъ ,
« Извлекъ изъ пучины — избавилъ отъ мукъ , —
« Ужé-ли-жъ теперь я , убитый недугомъ ,
« Здѣсь долженъ погибнуть , пожертвовать другомъ? »

И что-же ! — гремя серебристой волной ,
Какъ будто ручей прожурчалъ не далѣко :
Онъ внемлетъ , вокругъ обращается око , —
И видитъ — изъ впадинъ подъ ближней скалой ,
Журча , выбѣгаетъ источникъ живой ;
И радостно Мёрось къ нему припадаетъ , —
Усталые члены водой освѣжаетъ.

Но вотъ ужь и солнце на злакахъ полей,
Кидая лучи сквозь зелёныя сѣни,
Рисуетъ деревьевъ гигантскія тѣни.
Два путника идутъ дорогой своей;
Онъ ихъ обгоняетъ, какъ вдругъ ихъ рѣчей
Ужасные звуки къ нему долетаютъ:
«Теперь ужь конечно его распинаютъ!»

Тревога и страхъ его ноги крылятъ;
Въ душѣ его — муки; онъ самъ себѣ страшенъ.
Но вотъ Сиракузы! вершины ихъ башенъ
Слегка позлащаетъ румяный закатъ.
Выходитъ на встрѣчу ему Филостратъ,
Отпущенникъ, дома его управитель.
Узналъ его издали вѣрный служитель.

— Назадъ! совершилось! — онъ тихо сказалъ:
— Бѣги же отсюда! не медли спасеньемъ!
Твой другъ умираетъ — онъ преданъ мученьямъ;
Онъ съ часу на часъ всё надѣялся, ждалъ,
Всё ждалъ и не вѣрилъ, чтобъ ты опоздалъ:
Ничьи нареканья, ничьи увѣренья
Смутить не сумѣли его убѣжденья. —

«О! если ужь поздно, и я не поспѣлъ
«Явиться предъ другомъ спасителемъ жданнымъ,
«Распятъ мнѣ будетъ удѣломъ желаннымъ,
«Чтобъ послѣ тиранъ говорить не посмѣлъ,
«Что я обѣщанья сдержать не умѣлъ:

« Пускай Діонисій двѣ жертвы погубить ,
« Но знаетъ, что люди и вѣрятъ и любятъ. »

Ужь подѣ вечеръ Мѣросъ достигнулъ воротъ ,
И видитъ : на площади крестъ возвышался ;
Вокругъ беззаботно народъ волновался ,
И друга на крестъ подымали... но вотъ
Вдругъ Мѣросъ воскликнулъ , раздвинувъ народъ :
« Палачъ ! распинай меня — вотъ мои руки !
« Я тотъ, за кого онъ сталъ жертвой поруки. »

И вздрогнулъ и стихъ изумленный народъ.
Друзья обмѣнялись словами участя ;
И плачутъ отъ горя, и плачутъ отъ счастья, —
И все прослезилися съ ними... но вотъ
Самъ грозный тиранъ обо всемъ узнаетъ, —
Дивится друзьямъ, и, познавъ умиленье,
Привестъ ихъ къ себѣ отдаетъ повелѣнье.

Пришли. Діонисій на нихъ посмотрѣлъ
И молвилъ : — Вы сердце мое побѣдили !
Есть дружба ! — я вѣрю святой ея силѣ !...
И что раздѣлить бы я съ вами хотѣлъ ,
Такъ это въ союзѣ межъ вами удѣлъ :
Когда вы согласны съ желаніемъ этимъ —
Пусть буду въ союзѣ межъ вами я третьимъ. —

XXIX.

АЛЬПУХАРЫ.

БАЛЛАДА.

Изъ Мицкевича.

Поля, городá сожжены безъ пощады ;

Народъ мавританскій въ цѣпяхъ...

Еще защищаются стѣны Гренады,

Но злая зараза въ стѣнахъ.

Еще защищаютъ — Альмáнзоръ съ вождями —

Вершины родныхъ Альпухаръ.

Испанецъ свой стягъ водрузилъ подъ стѣнами, —

Заутра послѣднїй ударъ.

И вотъ загремѣли орудья съ разсвѣтомъ :

Обрушились стѣны и валъ ;

Блеснули кресты надъ большимъ минаретомъ —

И замокъ разрушенный палъ.

Одинъ лишь Альманзоръ, когда въ оборонѣ
Отрядъ его лёгъ головой,
Межъ копій и сабель и пуль отъ погони
Прорвался сквозь вражескій строй.

А гордый Испанецъ, возсѣвъ на руинахъ,
Межъ труповъ и свѣжихъ могилъ,
Ужé пировалъ, и, купаяся въ винахъ,
Добычу и плѣнныхъ дѣлилъ.

Но стража вождямъ пировавшимъ доносить,
Что рыцарь далёкихъ сторонъ
Вождей о свиданьѣ немедленномъ просить, —
Что съ важною тайною онъ.

И былъ то — Альманзоръ, эмиръ Мавританцевъ:
Покинувъ пріютъ боевой,
Онъ самъ предавалъ себя въ руки Испанцевъ,
Моля ихъ объ жизни одной.

« Испанцы! » сказалъ онъ: « во прахъ у порога
« Челомъ я склониться пришолъ;
« Пришолъ я увѣрвать въ вашего Бога,
« Услышать священный глаголь.

« Весь міръ да узнаеть, что честнымъ булатомъ
« Низложенный царь и герой
« Своихъ побѣдителей хочетъ быть братомъ,
« Вассаломъ короны чужой. »

Испанцы отвагу всегда уважали:

Едва онъ былъ узнанъ вождёмъ,
Какъ тотъ его обнялъ, — и всѣ обнимали,
Его лобызали потомъ.

Альманзоръ, на ласки вождей отвѣчая,

Всѣхъ пламеннѣй главнаго сжалъ:
Обнялъ его шею, за рѹки хватая,
Къ устамъ его крѣпко припалъ.

Затѣмъ ослабѣлъ, на колѣни склонился;

Но все еще слабой рукой
Держась за одежду, за нимъ онъ влачился,
Обматывалъ ноги чалмой.

Взглянулъ, приподнялся — и всѣ изумились,

Такъ блѣденъ и страшенъ онъ былъ,
Такъ страшно глаза его кровью налились,
И смѣхомъ уста искривилъ:

« Смотрите — я блѣденъ, презрѣнные гады!...

« Узнайте же, кто я такой:

« Я васъ обманулъ, — возвратясь изъ Гренады,

« Заразу принесъ вамъ съ собой!

« Заразу привилъ вамъ своимъ лобызаньемъ, —

« И ласки тѣ яда полны!

« Смотрите на корчи, внимайте стенаньямъ:

« Такъ всѣ умереть вы должны! »

И мечется, стонетъ, и, кажется, хочетъ,
Тоскою предсмертной томимъ,
Обнять всѣхъ Испанцевъ, и страшно хохочетъ,
Хохочетъ онъ смѣхомъ глухимъ...

И умеръ. Еще не сомкнулися вѣки,
И холодъ не тронулъ лица,
А демонскій смѣхъ уже замеръ на вѣки
На блѣдныхъ устахъ мертвеца.

Напрасно Испанцы уйдти торопились:
Зараза не знаетъ преградъ, —
И, прежде чѣмъ съ горъ Альпухарскихъ спустились,
Погибъ ихъ послѣдній отрядъ.

XXX.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЗМЫ.

Ужь много лѣтъ — кровавыхъ лѣтъ
Въ борьбѣ Германія страдала :
Вѣнчалась лаврами побѣдъ
И землю кровью поливала.

И смерть, какъ грозный геній зла
Дыша насильемъ и бѣдами,
Её широко облекла
Своими черными крылами.

Но ни сверкающій булатъ,
Ни грабежи, ни пораженья
Не поколеблять, не смутятъ
Пророковъ новаго ученья:

Необозримая страна
Отъ Рейна, Одера и Бельта
До Праги вражеской — полна
Великихъ подвиговъ Мансфелта.

Брауншвейгскій герцогъ Христіанъ
За вѣру мечъ свой подымаетъ, —
И стягъ побѣдный лютеранъ
Повсюду слава озаряетъ.

И, жаждой подвиговъ томимъ,
Георгій-Фридрихъ благородный
Вооружился, вслѣдъ за нимъ,
За вѣру — храбрый и свободный.

И кровь обильнѣй потекла,
Жилища снова задымились,
И вновь великія дѣла,
Въ крови омытыя, свершились.

Все ополчилось на враговъ, —
И Валленштейнъ съ свирѣпымъ Тилли
Тѣлами храбрыхъ земляковъ
Поля германскія покрыли.

Ея стези путемъ побѣдъ,
Какъ будто ангель-истребитель,
Исполненъ ужасовъ и бѣдъ,
Прошолъ баварскій предводитель :

И всюду пепель означаль
Его побѣдныя вторженья ;
И Магдебургъ кровавый палъ —
Кровавой жертвой ослѣпленья :

Упали куполы церквей ;
Погибли въ сѣчахъ горожане ;
И даже женщинъ и дѣтей
Не пощадили христіане .

Три дня наёмная рука
Въ крови невинной обагрялась ;
Три дня широкая рѣка
Волной кровавою вздымалась .

Не пощадила ничего
Богиня зла и истребленья , —
Но тѣнь кровавая его ,
Стеная , требовала мщенья . . .

XXXI.

ИЗЮМЦАМЪ.

Есть на Русі полки лихіе
(Не даромъ слава ихъ громка),
Но вѣрно нѣтъ во всей Россіи
Славнѣй Изюмскаго полка!

Тебѣ — храбрѣйшій изъ храбрѣйшихъ, —
Тебѣ, нашъ полкъ, тебѣ привѣтъ!
Пусть доживетъ время позднѣйшихъ
Могучій громъ твоихъ побѣдъ!

Ужъ двѣсти лѣтъ твои знамѣны
Ведутъ къ побѣдѣ, на враговъ,
Лихіе сотни, эскадроны
Твоихъ воинственныхъ сыновъ.

Какими дальними землями
Къ побѣдамъ ты не проходишь?
Какими свѣтлыми водами
Коней своихъ ты не поилъ?

Какія битвы не видали
Твоихъ знамёнъ? какихъ полей
Шипы стальные не топтали
Твоихъ прославленныхъ коней?

И въ черной шапкѣ, съ пикой длинной,
Въ казачьемъ синемъ чекменѣ,
Брянча винтовкою старинной,
На пышно-гривомъ скакунѣ —

Ты такъ-же мчался, легче лани,
И билъ враговъ въ своихъ степяхъ,
Какъ и въ червонномъ доломанѣ,
Съ булатной саблею въ рукахъ.

Вездѣ, гдѣ только межъ рядами
Свистѣлъ губительный металлъ,
Гдѣ только кровь лилась рѣками —
Вездѣ ты былъ и побѣждалъ:

Въ Лиманъ въ челнахъ своихъ спускался,
Громилъ Поляковъ и Татаръ,
И шумной лавою врывался
Въ ряды свирѣпыхъ янычаръ.

Вездѣ коней твоихъ видали,
Баранью шапку на бекрень,
И бранный блескъ дамасской стали,
И кровью залитый чекмень.

Не разъ врубался въ батальоны,
Слеталъ на пушки, какъ перунъ,
И опрокидывалъ колонны
Наполеоновскихъ драгунъ:

Вездѣ твой ментикъ темно-спній
И твой червонный доломанъ
Грозой носились между линій
Враговъ всѣхъ націй и всѣхъ странъ.

То за Днѣпромъ, не зная страха,
Ты штурмовалъ Кизы-Кермень,
То билъ отряды Шлиппенбаха,
Среди лифляндскихъ деревень;

То жегъ аулы Дагестана,
Громилъ воинственныхъ Донцовъ,
Иль отражалъ Дундука-Хана,
Вождя калмыцкихъ удалцовъ;

Былъ подъ Лѣснымъ и подъ Полтавой,
Сражался съ прусскимъ Королемъ,
И за Кагуль леталъ за славой
Съ Екатерининскимъ орломъ;

Пултускъ, Эйлау и Балканы,
И партизанскіе бои,
И Бородинскіе курганы
Штандарты видѣли твои.

И даже разъ Парижъ смятѣнный
Въ своихъ прославленныхъ стѣнахъ
Видалъ твой доломанъ червонный,
Твой синій ментикъ въ галунахъ.

И сколько храбрыхъ и извѣстныхъ
Вождей въ бояхъ тебя вели,
И сколько подвиговъ чудесныхъ
Въ скрижаль исторіи внесли!

И Квитка, въ битвахъ посѣдѣлый,
Капнисть, Шидловскіе — бойцы,
И Краснокутскій — воинъ смѣлый,
И Захаржевскіе - Донцы,

И Хорватъ, — что въ стени Уральской
Такъ страшень былъ бунтовщикамъ,
Принцъ Фридрихъ Гессенъ-Филицстальскій,
Графъ Палень, Зоричъ, Мириамъ,

И Бенингсѣнъ, судьбой хранимый
Для битвъ иныхъ, въ странѣ иной,
И графъ Долонъ неустрашимый,
И незабвенный графъ Толстой,

И онъ — достойный сынъ отчизны,
Нашъ славный Дóроховъ-герой,
Что совершилъ такъ много въ жизни
Великихъ подвиговъ съ тобой!

Вездѣ, гдѣ только бой кровавый
Кипѣлъ губительнѣй, сильнѣй,
И звалъ отважнаго за славой,
Сквозь ужасъ тысячи смертей, —

Вездѣ онъ былъ — всегда холодный,
Всегда въ губительномъ огнѣ,
Сверкая сталью благородной,
Леталъ на сѣромъ скакунѣ.

Когда-жь къ рядамъ полка родного
Онъ снова несся, какъ стрѣла,
Всегда съ клинка его стального
Струя кровавая текла.

Но и его взяла могила,
Земля холодная взяла....
Но слава имя сохранила
И прахъ его пережила.

Но если онъ и умеръ тѣломъ,
Все духъ его въ насъ не умретъ:
И если звукъ трубы предъ дѣломъ
Насъ вновь къ штандартамъ призоветъ,

Тогда, отважные Изюмцы,
Мы вновь помчимся на враговъ,
И пусть извѣдаютъ безумцы,
Все таже-ль въ насъ играетъ кровь!

Все такъ-же-ль гибельны удары,
Какъ прежнихъ рукъ — въ былые дни!...
И все-ль мы прежніе гусары,
Какими знали насъ они!

XXXII.

У Л А Н Ы.

Выступаютъ Лейбъ - Уланы :

Трубачи трубятъ ;

Вьются бѣлые султаны ;

Флюгерá шумятъ.

Впереди штандартъ сіяетъ

Утренней звѣздой ;

Вѣтеръ бережно играетъ

Тканью золотой.

Рвутся кони боевые ;

И, какъ снѣгъ бѣла ,

Пѣна , падая , стальные

Мочить удила .

Передъ ними гладь-дорога
Стелется змѣй...

Проходило много, много
По дорогѣ той:

Проходили исполины
На далекій югъ,
Черезъ степи и равнины,
За Лиманъ и Бугъ...

Гдѣ, одѣянъ чудной славой —
Честь родной земли —
Севастополь величавый
Высится въ дали.

Тамъ ихъ думы и желанья...
И, какъ въ оны дни,
Взоромъ, полнымъ упованья,
Въ даль глядятъ они, —

Въ даль, залитую пожаромъ
Нашихъ городовъ,
Низпровергнутыхъ ударомъ
Вражескихъ громовъ;

Въ даль, подернутую мглою
Бранныхъ непогодъ,
Зломъ нависшихъ надъ землёю,
Надъ пучиной водъ...

Выступают Лейбъ-Уланы :

Трубачи трубятъ ;

Вьются бѣлые султаны ;

Флюгерá шумятъ...

XXXIII.

ПѢСНЬ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ УЛАНСКАГО ПОЛКА.

Ура, гвардейскіе Уланы!
Кто не слыхаль про молодцовъ?...
Не даромъ помнятъ басурманы
Про нашихъ дѣдовъ и отцовъ.

Не даромъ кровью и трудами
Мы заслужили у царя
Штандарты съ бѣлыми крестами
И трубы — всѣ изъ серебра.

Кто не слыхаль, какъ Лейбъ-Уланы
Дрались въ двѣнадцатомъ году? —
То были вихри-ураганы:
Бѣда была имъ не въ бѣду.

Бывало, дня не проходило,
Чтобъ наши не были въ огнѣ,
Чтобъ утро ихъ не захватило
Готовыхъ къ бою, на конѣ.

И вихремъ мчались Лейбъ - Уланы
На басурманскіе ряды:
И — кровью смоченныя раны
Обозначали ихъ слѣды.

Хотя теперь межъ нашихъ хватовъ
Не видно прежнихъ стариковъ,
Но въ ихъ преемникахъ - собратахъ
Все тотъ же духъ, все та же кровь.

Такъ выступайте жъ, басурманы!
Мы вамъ покажемъ въ добрый часъ,
Что за народецъ Лейбъ - Уланы,
Что значитъ гвардія у насъ!

XXXIV.

АФОРИЗМЫ ШИЛЛЕРА.

1.

Эпическій Гекзаметръ.

Быстро несетъ онъ тебя по волнамъ, неусыпно - бѣ-
гущимъ :

Видишь и сзади и спереди — видишь лишь небо
да море.

2.

Октава.

Стансъ, порожденіе нѣжно-томящейся страсти —
стыдливо

Трижды бѣжишь ты, и трижды, желанный, при-
ходишь обратно.

3.

Къ***

Будь мнѣ учителемъ, другъ мой! ученость твоя
животворна;
Слово твое, научая, живительно трогаетъ сердце.

4.

Триумфальная арка.

Не бойся небеснаго свода, сказалъ мнѣ худож-
никъ, —
Подобно ему, вознесу я тебя въ безконечность.

5.

Ворота.

Льстиво маня, ворота дикаря призываютъ къ за-
кону;
Смѣло на вольную жизнь выпускаютъ они гражда-
нина.

XXXV.

Ещё одинъ годъ пролетѣлъ надо мной, —
Ещё однимъ годомъ я ближе къ могилѣ,
И снова встрѣчаю его я съ тоской,
Затѣмъ, что замедлить полета не въ силѣ.

И что-то еще онъ мнѣ въ даръ принесётъ,
Быть можетъ, чреватый однѣми бѣдами?
Иль только прибавитъ еще одинъ годъ
Къ ушедшимъ во слѣдъ за другими годами.

XXXVI.

МАЛОРОССИЙСКАЯ МЕЛОДИЯ.

Для чего мнѣ черны брови,
Молодые годы?

Для чего мнѣ кари очи,
Дѣвичья свобода?

Даромъ годы молодые
Блѣкнуть, увядаютъ;
Очи плачутъ, черны брови
Съ вѣтромъ выпадаютъ.

Сердце пташкою въ неволѣ
Вянетъ безъ участя...
Что мнѣ въ томъ, что я пригожа,
Если нѣту счастья!

Тяжело на бѣломъ свѣтѣ
Жить мнѣ сиротою :
Межъ своими, межъ родными
Стала я чужою.

Что имъ въ томъ, что плачутъ очи, —
Кто меня распросить?...
Да и некому повѣрить,
Что такъ сердце просить, —

Что такъ сердце, какъ голубка,
День и ночь воркуетъ...
И никто его не спросить,
Сердцемъ не почуветь.

И никто меня не спросить, —
И къ чему тревожить!...
Развѣ скажутъ: пусть поплачетъ,
Если плакать можетъ.

Плачь же, сердце, плачьте, очи,
Если плакать въ силѣ,
Громче, жалобнѣй, чтобъ слышаль
Вѣтеръ на могилѣ;

Чтобы снесъ тѣ слёзы буйный
За лѣса, за море,
Чернобровому злодю
На лихое горе!

XXXVII.

С В А Д Ъ Б А .

Изъ Крабба.

Несчастливая чета стояла предъ пасторомъ,
Сведенная предъ нимъ судебнымъ приговоромъ
И прихотью любви.

Напрасно молодая,
Широкой свой нарядъ стыдливо оправляя,
Прикрыть старалась то, что было такъ замѣтно.
Взволнованный женихъ-мальчишка непривѣтно
То потушлялъ глаза, то поднималъ ихъ снова,
И было много въ нихъ преступнаго и злова.
Въ горячей головѣ его шумѣло пиво,
А бѣшенство въ груди. Нескладно, торопливо
Обѣты онъ свои произносилъ предъ Богомъ,
А на лицѣ его, озлобленномъ и строгомъ,
Казалось, тогда иная мысль блуждала
И въ будущемъ утѣхъ не много обѣщала.

Невѣста на вопросъ отвѣтила стыдливо, —
А кончился обрядъ — взглянула боязливо
На мужа своего, стараясь улыбнуться:
(Авось его любовь и счастье къ ней вернутся?)
Надѣясь добротой и рѣчью безъ обмана
Расшевелить золу любви, потухшей рано.
И вотъ они идутъ, выходятъ, но не рядомъ:
Тиранъ идетъ одинъ. Блуждая мутнымъ взглядомъ
И тощій кошелёкъ свой щупая рукою,
Поглядываетъ онъ въ ту сторону порою,
Гдѣ былъ трактиръ. Во слѣдъ шаги свои торопитъ
Несчастливая жена...

И былъ безумно пропитъ
Послѣдній мѣдный грошъ, въ глазахъ ея, въ трактирѣ.
И побрели они по улицѣ, къ квартирѣ
Несчастливаго отца невѣсты, чтобъ обоимъ
Проститься навсегда съ любовью и покоемъ.

XXXVIII.

ПРОЩАЙ.

Прощай! — и прощай на всегда!
Намъ нужно, намъ должно разстаться,
Чтобъ вновь никогда, никогда
Ужé не сойтись, можетъ статья.

Ты плачешь, мой ангелъ земной!
Но развѣ и я не рыдаю?
Ты вянешь, ты страдаешь душой;
Но развѣ и я не страдаю?

Но что намъ въ слезахъ тѣхъ, когда
Мы выплакать горя не въ силѣ?
Восторги прошли безъ слѣда, —
И въ сердцѣ темно, какъ въ могилѣ.

Къ чему же напрасно страдать,
Когда и страданье не может
Намъ прежняго счастья отдать,
А только грызеть и тревожить?

Прощай же, прощай еще разъ,
Моя молодая подруга!
Пусть люди забудутъ про насъ,
Но мы не забудемъ другъ друга!

XXXIX.

ФОРТУНА И МУДРОСТЬ.

Изъ Шиллера.

Разставшись съ избраннымъ судьбою,
Фортуна къ Мудрости пришла :
« За благо быть твоей сестрою
« Тебѣ бѣ всѣ блага я дала !

« Его ли я не осыщала
« Дарами — щедрою рукой ?
« Но ихъ ему не доставало —
« И онъ назвалъ меня скупой .

« Сестра , такъ будемъ же друзьями !
« Забудь труды , оставь свой плугъ ,
« И я обильными дарами
« Тебя осыплю , милый другъ ! »

Но Мудрость бодро, какъ бывало,
Съ лица отерла потъ и прахъ,
И такъ Фортунѣ отвѣчала,
Съ улыбкой ясной на устахъ:

— Ты лучше, прежде, чѣмъ дружитья,
Спаси любимца своего:
Взгляни, онъ хочетъ застрѣлиться...
А мнѣ — не надо ничего. —

XL.

ДУБЪ И ТОПОЛЬ.

Въ далёкомъ уголкѣ Украіны счастливой,
Среди семьи другихъ дерёвъ,
Росли маститый дубъ и тополь горделивый —
Краса украинскихъ садовъ.
Но тополь молодой надменно возвышался
Надъ всѣмъ, что взоръ его могъ видѣть безъ труда,
И величаво озирался
Въ водахъ зеркальнаго пруда;
Тогда какъ старый дубъ, испытанный судьбою,
Шумѣлъ вѣтвями надъ землёю,
И, словно въ думы погружёнъ,
Казалось, не смѣлъ глядѣть на небосклонъ,
Блеставшій надъ его маститой головою.

Но, чу! — вотъ громъ вдали загрохоталъ,
Блеснула молнія, какъ огненный кинжалъ,

И небо на́ двое расторгла, разорвала.

Завыла буря, застонала, —

И вотъ она, ужасная, какъ гнѣвъ,

На тополь налетаетъ,

Его колеблетъ и сгибаетъ,

И, издавая дикій ревъ,

Сухіе листья обрываетъ.

А старый дубъ по прежнему стоить —

Не гнѣтъ онъ выи предъ грозой;

По прежнему его спокоенъ видъ,

И буря надъ его маститой головою

Обычною проходитъ чередою.

Не такъ-ли и гордецъ,

Не искушенный жизненнымъ волненьемъ,

Глядитъ на всѣхъ съ насмѣшкой и презрѣньемъ?

Но дунуль вѣтеръ — и глупецъ

Дрожитъ и думаетъ, что ужъ всему конецъ.

Но тотъ, кто истинно великъ душою —

Великъ въ себѣ, самимъ собою —

Того невзгоды не сразятъ;

И жизненныя бури

Надъ нимъ промчатся, пролетятъ,

Какъ облака по блещущей лазури.

XLI.

ПРИТЧА КОНФУЦІЯ.

Изъ Шиллера.

Троякъ сѣдого времени полётъ :
Грядущее идётъ
Медлительной стопою ,
Всегда безмолвное прошедшее стоить ,
А настоящее летитъ
Крылатою стрѣлою .

И никакое нетерпѣнье
Его медлительныхъ шаговъ не окрылитъ ;
Ни вѣщій ужасъ , ни сомнѣнье
Не укротятъ его , когда оно летитъ ,
И ни раскаянье , ни просьбы , ни рыданья
Заставить вновь идти его не въ состоянѣ .

Когда ты хочешь жизненнымъ путёмъ
Пройти легко, безъ горя и волненья,
Совѣтуйся съ медлительнымъ во всёмъ,
Но не бери его орудьемъ исполненья;
Быстро-летащаго въ друзья не избирай,
А отстающаго врагомъ не называй.

XLII.

ПОЧЕСТИ.

Изъ Шиллера.

Солнечный лучъ полосой отразился въ прозрач-
номъ потокѣ,
Ярко подь нимъ, будто собственнымъ блескомъ,
волна загорѣлась;
Но — вотъ теченье уноситъ волну — а подь по-
лосу свѣта,
Слѣдомъ за нею, на смѣну, ужь быстро стремится
другая.
Такъ озаряютъ и почести блескомъ своимъ чело-
вѣка:
Блещетъ не самъ онъ — а имъ проходимое мѣсто.

XLIII.

НА СМЕРТЬ БРАТА.

Тебя ужь нѣтъ, мой милый братъ!
Увяли раннія надежды!...
Уста смежѣнныя молчать,
И взглядъ не блещетъ изъ подъ вѣжды.

Напрасно всё! — ударилъ часъ —
И смерть тебя не пощадила;
И всё, что дорого для насъ,
Взяла холодная могила.

Напрасно силился обнять
Ты брата старшаго, какъ друга;
Напрасно звалъ отца и мать
Въ жару послѣдняго недуга:

Увы! далёко отъ тебя,
Они тебя всё поджидали;
Съ тобою счастье погубя,
Твоихъ стenanій не слыхали.

Скажи — ужé ли ты на свѣтъ
Родился, цвѣль и жилъ понынѣ,
Чтобъ умереть на утрѣ лѣтъ,
Среди чужихъ и на чужбинѣ?...

Ахъ! рано, срѣзанный косой,
Завяль цвѣтокъ благоуханный!
Ахъ! рано, рано, ангель мой,
Ты скрылся въ край обѣтованный!

Всевышній иначе судиль:
Онъ посылаетъ испытанья...
Грѣшно роптать на Силу-Силь —
Да и помогутъ ли роптанья?...

XLIV.

СЪ МАЛОРОССІЙСКАГО.

Охъ! вы думы, мои думы!

Что мнѣ дѣлать съ вами?

Что стоите на бумагѣ

Хмурыми рядами?

Для чего васъ, какъ былинку,

Вѣтромъ не умчало?

Для чего васъ, какъ ребенка,

Горе не заспало?...

XLV.

З Н О Й.

Солнце палило, сжигало окрестныя нивы.
Въ небѣ ни óблачка. Птицы забилися въ гнѣзда.
Тщетно прохожій, измученный дальней дорогой,
Зноемъ и жаждой, старался укрыться подъ тѣнью
Ивъ придорожныхъ, ронявшихъ въ сухую канаву
Рано-поблѣкшіе, пылью покрытые листья:
Тѣнь не давала прохлады. Песокъ раскалился.
Мелкою, ѣдкою пылью пропитанный воздухъ,
Тихо волнуясь, какъ озеро въ лѣтнее утро,
Жогъ воспалѣнное, вялое тѣло. И даже
Овцы, склонивъ утомленныя головы долу,
И живописно стѣснившись у самой дороги,
Жадно искали прохлады подъ собственной тѣнью,
Прячась одна за другою, скрываясь отъ зноя.

Вотъ ужь недѣля, какъ дождь благотворной росой
Пыли съ завядшей травы не смывалъ, ни прохладный
Вѣтеръ не дулъ по полямъ, освѣжая природу:
Воздухъ, животныя, люди, вода и растенья —
Все умирало отъ зноя, предвѣстника бури,
Все умирало — и буря ужé собиралась....

XLVI.

ФАБУЛУ.

Изъ Катутла.

На дняхъ, мой другъ Фабуль, въ домѣ моемъ, со мною
Поужинать тебѣ на славу предстоитъ,
Когда Зевесъ твой вѣкъ до дня того продлитъ,
И если принесешь ты кушанья съ собою,
Да вспомнишь зацастись весельемъ и виномъ,
Гетэрами и всѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ притомъ.
Да, славно у меня поужинать ты можешь,
Когда всё это самъ доставишь и предложишь,
За тѣмъ, что кошелёкъ Катутла-бѣдняка
Давно ужé затканъ сѣтями паука.
За то ты встрѣтишь здѣсь пріязни изъявленье,
А сверхъ того нашъ пиръ и наше вдохновенье
Украситъ то, что намъ съ тобой всего нужнѣй —

Рѣдчайшіе духи: ихъ дѣвушкѣ моей
Амуръ и граціи на память подарили...
И, обоняя ихъ, (духи ужь таковы) —
Ты будешь умолять, чтобъ боги превратили
Тебя въ огромный носъ отъ ногъ до головы.

XLVII.

ДРУГУ.

Мой другъ! въ послѣдній разъ прощаяся съ тобою,
Я плакаль, какъ дитя, п, плача, думалъ я:
Кто знаетъ, суждено-ль разящею судьбою
Намъ встрѣтиться опять, какъ прежніе друзья?

Прошли годá — и вотъ мы свидѣлися снова...
Но отчего же намъ такъ грустно, тяжело? —
Увы! не возвратишь прекраснаго былого! —
Былое унеслось, былое утекло.

Да, мы сошлись опять; но какъ сошлись мы нынѣ:
Въ далёкой сторонѣ, далёко отъ друзей,
Какъ странникъ съ странникомъ на сѣверѣ, въ пустынѣ,
Или среди песковъ полуденныхъ степей.

Не много утекло воды въ пучины моря
Со дня послѣдняго свиданія съ тобой,
Но много съ той поры извѣдали мы горя,
Узнали свѣтлыхъ дней и прожили душой.

Мы въ мнѣняхъ разошлись; мы сердцемъ постарѣли;
Все то, что прежде насъ плѣняло и влекло —
Насъ больше не манить: у насъ инья цѣли...
Быть можетъ, ты и правъ, да сердцу тяжело.

Нѣтъ съ нами и друзей, съ которыми, бывало,
Въ студенческомъ кружку, на дружескихъ пирахъ,
Насъ солнце иногда за чашей заставало,
Съ весельемъ на сердцѣ и съ пѣсней на устахъ:

Увы! однихъ взяла холодная могила,
Исполненныхъ надеждъ, и съ пламенемъ въ груди,
Которымъ будущность пророчила и льстила,
И много свѣтлыхъ дней сулила впереди;

Другихъ же, какъ ковыль разноситъ вѣтръ холодный
По выжженной степи, неумолимый рокъ
Занёсъ и разбросалъ по Руси неспходной,
На сѣверъ и на югъ, на западъ и востокъ.

Задумаюсь — и мнѣ становится грустнѣе,
Туманятся глаза несдержанной слезой,
И мысли скорбныя, одна другой чернѣе,
Смѣняются въ умѣ обычной чередой.

XLVIII.

РЕБЕНКУ.

Изъ Шиллера.

Милый ребенокъ, играй на колѣняхъ родной! на
священномъ
Островѣ этомъ тебя не найдутъ ни печаль, ни за-
боты;
Руки матери держать съ любовью тебя надъ стремни-
ной,
И, улыбаясь, ты, полный невинности, смотришь
въ могилу.
Смѣйся, святая невинность! Аркадыя тебя окру-
жаетъ...
Вольный порывъ увлекаетъ твою молодую натуру!
Гордая сила сама создаетъ себѣ въ жизни предѣ-
лы...

Для добровольной рѣшимости нѣтъ еще долга и
цѣли.

Смѣйся, играй! скоро трудъ придетъ тяжелый и
скучный,

И предъ велѣніемъ долга умрутъ въ тебѣ радость
и бодрость.

XLIX.

ИЗЪ КРАББА.

Наступаетъ вечеръ — и она выходитъ
Изъ дверей избушки, и неслышно бродитъ
По полямъ пустыннымъ, будто проскользая,
Своего ребенка бережно качая.
Сядетъ — и въ пространство смотритъ безъ сознанья —
Взоромъ, холоднѣе луннаго сіянья;
Запоётъ ли пѣсню — и журчитъ струёю
Голосъ невесѣлый... и она, съ тоскою
Слушая свой голосъ, съ страхомъ замѣчаетъ,
Что ея разумокъ меркнуть начинаетъ...
И бѣдняжка видитъ страшныя картины:
Вновь переживаетъ время злой кручины;
Но напрасно хочетъ съ мыслями собраться,
Начиная смутно за себя бояться...

L.

Опять ты здѣсь, моя любовь !
Опять хочу тебя увидѣть,
Чтобъ вновь досадовать, чтобъ вновь
Свою любовь возненавидѣть,
Чтобъ опорожнить до конца,
По каплѣ, чашу испытанья,
И подъ холодностью лица
Скрывать душевныя страданья,
Чтобъ сердцу бѣдному сказать,
Что ты по прежнему прекрасна,
Какъ жизнь, какъ Божья благодать,
Чтобъ упрекать себя опять
И въ томъ, что сердце слишкомъ страстно,
И въ томъ, что глупо и напрасно
Я силы духа расточилъ —
Елеемъ землю напоилъ.

LI.

ПОДРАЖАНІЕ.

Онъ любить! — да!... я подсмотрѣлъ
Въ его глазахъ тоску страданья,
Подлушатель, выпытать умѣлъ
Мнѣ ненавистныя признанья!
Онъ любить!... да! — и тяготитъ,
Мрачитъ чело мнѣ это слово;
И кровь бунтуетъ и кипитъ,
И сердце вырваться готово...

Да, я красавицу мою,
Съ ревнивой страстію поэта,
Отъ старцевъ немощныхъ таю,
Отъ солнца, воздуха и свѣта.
Я ужь дрожу, я ужь блѣднѣй,
Когда прекрасной называютъ
Ее случайно, и о ней
Уста чужія вспоминаютъ.

Межь нами пропасть навсегда —
Готовъ!.. пусть жребій мой наступитъ...
Но пусть никто и никогда
Черезъ бездну ту не переступитъ :
Еще влачить остатокъ дней
Моихъ я могъ бы розно съ нею,
Но съ тѣмъ, что если *не* *моей* —
Она бы не была — *ни чьею*.

ЛІІ.

ЗВѢЗДОЧКА.

Много звѣздочекъ сіяетъ
Въ небѣ темно-голубомъ,
И искрится и играетъ
Переливнымъ серебромъ;
Но одна ихъ всѣхъ свѣтлѣе
Блещетъ сквозь ночную тьму,
Но одна ихъ всѣхъ милѣе,
Ближе сердцу моему: .
Этимъ блескомъ въ мракѣ ночи
Мнѣ мерцали чудо-очи,
И мерцали мнѣ всегда,
Какъ знакомая звѣзда.

ЛІІІ.

ВЕСНѢ.

Изъ Шиллера.

Привѣтъ, отроковица,
Отрада бытія,
Съ цвѣтчною кошницею !
Къ тебѣ взываю я !

Ты снова между нами,
Любима, хороша,
И вотъ опять на встрѣчу
Летитъ тебѣ душа.

Склони къ моей подругѣ
Мечты свои и взоръ :
Она меня любила,
И любить до сихъ поръ.

Ты разъ ужь ей давала
Фіялокъ полевыхъ,
Теперь прошу я снова —
И ты даешь мнѣ ихъ.

Привѣтъ, отроковица,
Отрада бытія,
Съ цвѣтчною кошницею !
Къ тебѣ взываю я !

ВЕЙНСБЕРГСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Изъ Бюргера.

Гдѣ Вейнсбергъ? — кто укажетъ мнѣ
На этотъ городочекъ,
Гдѣ расцвѣтаетъ въ тишинѣ
Такъ много жёнъ и дочекъ?
Когда жениться захочу —
Конечно въ Вейнсбергъ покачу !

Однажды царственный Конрадъ
На городъ разсердился, —
И вмигъ, съ ватагою солдатъ,
У стѣнъ его явился;
Разставилъ ихъ по высотамъ,
Стрѣлялъ и бился здѣсь и тамъ.

Когда-жь граждане — старь и малъ —
Отбили нападенъе,
Конрадъ съ герольдомъ имъ послалъ
Такое объявленъе :
« Когда возьму вашъ городъ злой —
« Мужчинамъ гóловы долой. »

Едва въ обложенныхъ стѣнахъ
Узнали про воззванъе —
На шумныхъ стогнахъ и въ домахъ
Послышалось рыданъе ;
На рынкѣ хлѣбъ подорожалъ —
Совѣтъ того дороже сталъ.

« О, я несчастный Коридонъ ! »
Пасторы восклицали :
« Увы ! киріэ - элейсонъ !
« Мы гибнемъ, мы пропали !
« О, Коридонъ несчастный я ! —
« Ужь шея чешется моя !.. »

Когда напрасно всё подь часъ, —
Про всё — пиши пропало, —
Лукавство женское не разъ
Изъ бѣдъ насъ выручало :
Извѣстно всѣмъ — прекрасный полъ
Себя въ лукавствѣ превзошѣлъ.

Цвѣтокъ Вейнсбѣрга — Лебесанъ
Народу предлагаетъ
Уловку, маленькій обманъ,
Который одобряютъ,
И за который, ей-же-ей!
И вы похлопаете ей.

Подъ вѣчеръ женщины, толпой,
Всѣ въ праздничномъ нарядѣ,
Приходятъ въ лагерь боевой
И молятъ о пощадѣ;
Но имъ — на нѣжный ихъ привѣтъ
Былъ данъ не ласковый отвѣтъ :

« Что унесёте на плечахъ —
« Съ тѣмъ можете убраться, —
« А что останется въ стѣнахъ —
« Ужъ съ тѣмъ вамъ не видаться. »
Съ капитуляціей такой
Онѣ вернулись домой.

Но только день успѣлъ блеснуть —
Ворота распахнулись,
И вышли женщины, и въ путь,
Въ дорогу потянулись,
Кряхтя подъ тяжестью мужей,
Въ мѣшкахъ зашитыхъ до ушей.

Толпа придворная льстецовъ

Уловку отвергаетъ.

« Не поясняютъ царскихъ словъ ! »

Конрадъ имъ возражаетъ :

« Вотъ провели-то ! вотъ-те на ! »

« Зачѣмъ не здѣсь моя жена ? »

Простивъ гражданъ, ихъ женамъ балъ

Онъ задалъ съ угощеньемъ,

Гдѣ каждый, съ радости, плясалъ

Съ такимъ же наслажденьемъ

Съ швейей и прачкой молодой,

Какъ съ бургомѣстровой женой.

Гдѣ городъ Вейнсбергъ? — гдѣ же онъ?

Гдѣ этотъ городочекъ,

Въ которомъ столько вѣрныхъ жёнъ,

И миленькихъ ихъ дочекъ?

Когда жениться захочу —

Ей Богу, въ Вейнсбергъ покачу !

LV.

ИЗЪ ГЁТЕ.

Я въ лѣсъ пошолъ за черноокой
Моей красавицею вслѣдъ,
Припаль къ груди ея высокой, —
« Я крикну! » — мнѣ она въ отвѣтъ.

А я: « Пускай мнѣ помѣшаетъ —
« Убью! » и вновь припаль на грудь;
« Молчи! » она мнѣ отвѣчаетъ:
« Чтобъ не услышалъ кто нибудь! »

LVІ.

Ты на балахъ окружена
Толпою знатныхъ селадоновъ,
И, мелкой гордости полна,
Ждешь комплиментовъ и поклоновъ.

Ты отвѣчаешь за урядъ
На ихъ заученныя фразы,
Тебя тревожатъ и смѣшать
Ихъ не мудреные рассказы.

И не пугаетъ сѣдина
Твои неопытныя лѣта :
Тебя плѣняютъ имена —
Краса и честь большого свѣта.

Но берегись, чтобъ, можетъ быть,
За ихъ опасное вниманье,
Когда нибудь не заплатитъ
Годами позднего страданья.

Не вѣрь ихъ вкрадчивымъ рѣчамъ :
Онѣ обманчивы, какъ море, —
Онѣ тебѣ — твоимъ мечтамъ —
Сулятъ раскаянье и горе....

LVII.

ПЕРЕДЪ СУДОМЪ.

Изъ Гёте.

Кто мой желанный — умру — не скажу я! —
Плодь нашей страсти подь сердцемъ ношу я...
Что вы тамъ шепчете: « нѣтъ въ ней стыда ! »
Честной была я и буду всегда.

Съ кѣмъ я жила — никому не скажу я !
Всё мое счастье, всѣ радости въ нёмъ :
Носить на шеѣ онъ цѣпь золотую,
Носить онъ шляпу съ перомъ.

Нуженъ позоръ вамъ? — одну пусть пятнаетъ —
Пусть онъ одну меня кроетъ стыдомъ :
Я его знаю и онъ меня знаетъ,
Знаетъ и Богъ обо всёмъ !

Патеръ! судья! — осуждайте вы двое,

Только оставьте меня вы въ покоѣ!

Мой онъ ребенокъ — и будетъ *моимъ*:

Полно же вамъ съ увѣщаньемъ своимъ!

LVIII.

МОГУЩЕСТВО ПѢСНОПѢНІЯ.

Изъ Шиллера.

Потокъ, взволнованный дождями,
Стремится съ горной крутизны;
Дубы исторгнуты съ корнями,
И камни имъ увлечены.
Остановившись въ изумленьѣ,
Прохожій внемлетъ шуму водъ :
Онъ слышитъ горныхъ струй паденье;
Но гдѣ-жь родникъ ихъ, гдѣ исходъ?
Такъ льются звуки пѣснопѣнья;
Но гдѣ-же мѣсто ихъ рожденья?

Кто изъ подвластныхъ грознымъ дѣвамъ,
Прядущимъ жизненную нить,
Кто могъ пѣвца живымъ напѣвамъ
Своей души не покорить?

Волшебной силой вдохновенья,
Какъ жезлъ посланника боговъ,
Пѣвецъ низводитъ въ царство тлѣнья,
Уноситъ выше облаковъ,
И убаюкиваетъ чувства
На зыбкой лѣстницѣ искусства.

Когда въ кружокъ толпы веселой,
Отмѣченъ тайной и бѣдой,
Нежданно вступитъ рокъ тяжелой
Своей гигантскою стопой,
Тогда сыны гордыни ложной
Предъ міра лучшаго посломъ
Падутъ; замолкнетъ шумъ ничтожный
Толпы ликующей кругомъ,
И передъ истиной, въ мгновенье,
Исчезнутъ ложь и заблужденье.

Едва надъ смертнымъ звуки рая
Прольются пѣсней съ высоты,
Ужъ онъ прозрѣлъ — и, прозрѣвая,
Свергаетъ ношу суеты;
Онъ отрѣшается земного,
Онъ въ міръ заоблачный паритъ
И, полнъ могущества иного,
Впередъ безтрепетно глядитъ...
И быстро сглаживаютъ звуки
Морщины — жизненные муки.

Какъ сынъ, разлукою томимый,
Спѣшить покинуть край чужой,
Чтобъ къ сердцу матери любимой
Припасть горячей головой :
Не такъ ли пѣсня изъ чужбины
Приводитъ странника домой,
Рисуя свѣтлыя картины
Его невинности святой,
Чтобъ сердце, какъ въ былые годы,
Согрѣть въ объятіяхъ природы.

LIX.

ПРОСТОРЪ.

(Пов. Я. П. Полонскому.)

Кони мчатъ, гремитъ телега,
Колокольчикъ дребежжитъ:
Отъ ночлега до ночлега
Путь на встрѣчу мнѣ бѣжитъ.

Но ни лѣса, ни стремнины,
Ни пригорка въ сторонѣ:
Безпредѣльныя равнины
Разстилаются однѣ.

Всюду поле, всюду поле,
Поле ровное лежитъ;
И лишь вѣтеръ въ буйной волѣ
Пышной жатвою шумитъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ скучнѣе,
Тѣмъ полей печальнѣй видъ;
И чѣмъ дальше, тѣмъ грустнѣе
Колокольчикъ дребежитъ.

Духъ томится, сердце дремлетъ,
Изнуренное борьбой...
И просторъ меня объемлетъ
Безглагольной пустотой.

ПРОЩАНИЕ ПОЭТА.

Изъ Шиллера.

Умолкла мирная богиня пѣснопѣнья,
Умолкла — и тебѣ, краснѣя, предстоитъ,
Чтобъ выслушать твой судъ (въ лицѣ ея смущенье);
Но праведный твой судъ её не устрашить :
Ей близко, дорого святое одобренье
Того, кто сердцемъ чистъ, кто правдой дорожить.
Лишь тотъ, въ комъ для искусствъ трепещетъ ретивое,
Достоинъ увѣнчать чело ея святое !

Напѣвы сладкіе пускай не умираютъ,
Пока еще душа ихъ звуки познаётъ,
Пока они её мечтами окружаютъ
И сторожатъ ея возвышенный полётъ.

Въ потомство перейдти они не помышляютъ:
Ихъ звуки пронеслись, для нихъ былъ свой черёдъ.
Ихъ родилá на свѣтъ минута вдохновенья —
И улетятъ они, какъ легкія видѣнья.

Проснулася весна : подъ пламеннымъ дыханьемъ
Возникла снова жизнь на дѣвственныхъ лугахъ,
И воздухъ напоёнъ цвѣтовъ благоуханьемъ
И звучный хоръ пѣвцовъ раздался въ небесахъ :
Очнулись старъ и малъ, и, съ радостнымъ сознаньемъ
Вернувшейся весны, являются въ садахъ :
Прошла весна — цвѣты поблекли и завяли,
И ихъ забыли тѣ, кого они плѣняли.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

| | СТР. |
|--|------|
| Въ дорогу, въ дорогу! | 7 |
| Орлеанской дѣвѣ | 11 |
| Прохожій | 13 |
| Узница | 16 |
| Незнакомка | 19 |
| Пѣвцы минувшаго времени | 21 |
| Передъ каминомъ | 23 |
| Въ Карпатахъ | 25 |
| На смерть воробья Лезбіи | 27 |
| Раздѣлъ земли | 29 |
| Сегодня мнѣ исполнилось 36 лѣтъ. | 31 |
| <i>Уже одиннадцать часовъ.</i> | 34 |
| Геро и Леандръ. | 36 |
| Пляска | 47 |
| Бокаль | 50 |
| Застольная пѣсня | 52 |

| | СТР. |
|--|------|
| Юноша у ручья | 54 |
| Миньона | 56 |
| Фантазія — Лаурѣ | 58 |
| Заутра бой | 62 |
| Изъ Крабба | 65 |
| Карѳагенъ | 66 |
| Купецъ | 67 |
| <i>Уже давно я не молился.</i> | 68 |
| Путеводители жизни | 70 |
| <i>Меня преслѣдуетъ, какой-то демонъ злой.</i> | 72 |
| Тайная грусть | 73 |
| Порука | 75 |
| Альпухары | 81 |
| Отрывокъ изъ поэмы | 85 |
| Изюмцамъ | 88 |
| Уланы | 94 |
| Пѣснь Лейбъ-Гвардіи Уланскаго полка | 97 |
| Афоризмы Шиллера | 99 |
| <i>Еще одинъ годъ пролетѣлъ надо мной</i> | 101 |
| Малороссійская мелодія | 102 |
| Свадьба | 104 |
| Прощай | 106 |
| Фортуна и Мудрость | 108 |
| Дубъ и Тополь | 110 |
| Притча Конфуція | 112 |
| Почести | 114 |
| На смерть брата | 115 |
| Съ Малороссійскаго | 117 |
| Зной | 118 |
| Фабулу | 120 |
| Другу | 122 |
| Ребенку | 124 |
| Изъ Крабба | 126 |

III

| | СТР. |
|--|------|
| <i>Опять ты здѣсь моя любовь</i> | 127 |
| Подражаніе | 128 |
| Звѣздочка | 130 |
| Веснѣ | 131 |
| Вейнсбергскія женщины | 133 |
| Изъ Гёте | 137 |
| <i>Ты на балахъ окружена</i> | 138 |
| Передъ судомъ | 140 |
| Могущество пѣснопѣнія | 142 |
| Просторъ | 145 |
| Прощаніе поэта | 147 |

ОТГОЛОСКИ

ОТГОЛОСКИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГЕРБЕЛЯ

II

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1858

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 31 октября 1857 г.

Ценсоръ *В. Бехетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ИГОРЬ КНЯЗЬ СЪВЕРСКІЙ

(изданіе третіе)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Можно сказать утвердительно, что ни одно произведение древней русской поэзіи, сбереженное временемъ, не возбуждало такого постояннаго вниманія нашихъ ученыхъ, и не подало повода къ такому множеству противорѣчащихъ другъ другу сужденій, какъ «Слово о полкѣ Игоря». И не мудрено! Этотъ самобытный и единственный, дошедшій до насъ, письменный памятникъ, свидѣтельствующій о существованіи и развитіи древнерусской эпической поэзіи, отличается тою смѣлостью очерковъ и яркостью красокъ, которые, съ перваго взгляда, обличаютъ въ сочинителѣ необыкновеннаго художника.

Будучи открыто въ 1795 году графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ одномъ старинномъ «Сборникѣ» (причемъ

первое извѣстіе объ этомъ открытіи было сообщено свѣту въ «Spectateur du Nord», за 1797 годъ), и издано имъ въ 1800 году въ Москвѣ, «Слово о полку Игоря» не переставало, съ того времени, занимать умы нашихъ филологовъ и критиковъ. Плодами ихъ изысканій были, съ одной стороны, значительное число изданій, переводовъ и стихотворныхъ переложеній «Слова», съ другой — множество статей критическаго и полемическаго содержанія. Что касается переводовъ «Слова о полку Игоря», то, со включеніемъ перваго, которымъ мы обязаны графу Мусину-Пушкину, у насъ, въ продолженіе полувѣка, вышло въ свѣтъ восемнадцать отдѣльных изданій (изъ нихъ восемь прозаическихъ, а десять стихотворныхъ), надъ которыми трудилось восемнадцать ученыхъ и литераторовъ.

Вотъ любопытный списокъ этихъ восемнадцати переводовъ, изъ которыхъ многіе, въ настоящее время, весьма рѣдки:

ПРОЗАИЧЕСКІЕ.

1) Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Москва. 1800. (Изданіе графа Мусина-Пушкина, въ которомъ принимали участіе А. Ѳ. Малиновскій и Н. Н. Бантышъ-Каменскій.)

2) Слово о походѣ Игоря, сына Святославова, внука Ольгова. Переводъ А. Шишкова. Спб. 1805. («Со-

чиненія и Переводы, издаваемые Россійскою Академією», ч. I.)

3) Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго, вновь переложенное Яковомъ Пожарскимъ, съ присовокупленіемъ примѣчаній. Спб. 1819.

4) Слово о полку Игоревомъ, историческая поэма, писанная въ началѣ XIII вѣка на славенскомъ языкѣ прозою, съ присовокупленіемъ буквальнаго переложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною. Переводъ Николая Грамматина. Москва. 1823.

5) Пѣснь ополченію Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго. Переведена съ древняго русскаго языка Александромъ Вельтманомъ. Москва. 1833.

6) Пѣснь о полку Игоревѣ, сложенная въ концѣ XII вѣка на древнемъ русскомъ языкѣ. Издана съ переводомъ на нынѣшній русскій языкъ профессоромъ русской словесности Михаиломъ Максимовичемъ, для своихъ слушателей. Кіевъ. 1837.

7) Слово о пълку Игоревѣ Святъславля пѣстворца стараго времени, объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ магистромъ Дмитріемъ Дубенскимъ. Москва. 1844. («Русскія Достопамятности», ч. III.)

8) Слово о полку Игоревомъ, Игоря Святославича, внука Ольгова, съ переводомъ въ прозѣ и примѣчаніями. С. П. Кораблева. Москва. 1856.

СТИХОТВОРНЫЕ.

9) Походъ Игоря противу Половцевъ. Спб. 1803. (Переводъ Сѣрякова.)

10) Игорь, героическая пѣснь. Съ древней славенской пѣсни, писанной въ XII вѣкѣ, преложилъ стихами Александръ Палицынъ. Харьковъ. 1807.

11) Игорь Святославичъ, проическая пѣснь. Сокращена ⁽¹⁾ для «Чтенія въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова» Н. Язвицкимъ. Спб. 1812. («Чтеніе въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова», ч. VI.)

12) Проическая пѣснь о походѣ Игоря на Половцевъ, писанная на славянскомъ языкѣ въ XII столѣтіи, нынѣ переложенная въ стихи старинной русской мѣры Иваномъ Левитскимъ. Спб. 1813.

13) Пѣснь воинству Игореву, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, и съ онаго переведенная на употребляемое нынѣ велико-россійское нарѣчіе стихами стариннаго же русскаго размѣра, съ краткими историческими и критическими замѣчаніями. Спб. 1821. (Переводъ Николая Грамматина.)

14) Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святославова, внука Олегова. Переложеніе Михаила Де ла Рю. Одесса. 1839.

15) Слово о полку Игоря. Перевелъ Д. Минаевъ. Спб. 1846.

(1) «Пѣснь сія переложена уже вся... Здѣсь же, какъ изъ заглавія видно, напечатано одно только сокращеніе сей пѣсни, читанное въ «Бесѣдѣ»; вся же пѣснь съ замѣчаніями напечатана будетъ послѣ, есть ли сіе сокращеніе благосклонно будетъ принято.» Примѣчаніе переводчика.

16) Слово о полку Игоревѣ, сына Святъславля, внука Ольгова. Переводъ Л. Мея. Москва. 1850. («Москвитянинъ», 1850 г. № 22.)

Тоже. *Отдѣльное изданіе*. Спб. 1856.

17) Игорь, князь Сѣверскій. Поэма. Переводъ Николая Гербеля. Спб. 1854.

Тоже. *Изданіе второе*. Спб. 1855.

18) Пѣснь о полку Игоревѣ, переведенная на украинское нарѣчіе Михаиломъ Максимовичемъ. Кіевъ. 1857.

А вотъ и образчики каждаго изъ поименованныхъ мною переводовъ. Эти отрывки могутъ дать нѣкоторое понятіе о манерѣ и складѣ рѣчи, которыхъ придерживались гг. переводчики въ своихъ прозаическихъ и стихотворныхъ переложеніяхъ «Слова».

Переводъ Мусина-Пушкина:

Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова! Начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по вымысламъ бояновымъ. Ибо когда мудрый Боянъ хотѣлъ прославить кого, то носился мыслию по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ Шишкова:

Возвѣстимъ, братіе, о походѣ Игоря, князя Игоря Святославича, тѣмъ слогомъ, какимъ въ древнія времена многотрудные повѣствовались подвиги. Начнемъ пѣснь сію по бытіямъ того времени, а не по замысламъ бояновымъ. Когда Боянъ велерѣчивый кого воспѣть хотѣлъ, растекался мыслию по древамъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаки.

Переводъ Пожарскаго:

Не лучше ли намъ, братцы, начать старымъ слогомъ трудную повѣсть о полку Игоря Святославича? Начать же оную по бытіямъ сего времени, а не по замыслу боянову. Ибо вѣщій Боянъ, когда хотѣлъ кому пѣснь творить, то носился мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ Грамматина:

Не пристойно ли бы намъ было, братья, воспѣть древнимъ языкомъ трудную повѣсть о войскѣ игоровомъ, Игоря Святославича? Воспѣтой же быть той пѣснѣ по былямъ сего времени, а не по вымыслу боянову. Боянъ мудрой когда кому хотѣлъ пѣсню творить, то носился мыслию по дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ Вельтмана:

Не славно ли, други, воспѣть древнимъ ладомъ высокихъ сказаній о подвигахъ Игоря — Игорь-Святъславича?

Былое воспѣть, а не вымысль Бояна, котораго мысли текли въ вышину, такъ какъ соки по древу;

Какъ сѣрые волки неслись по пространству, и сизымъ орломъ въ поднебесьи парили

Переводъ Максимовича:

Не славно ли было-бъ намъ, братья, начать старыми словами скорбныхъ повѣстей пѣснь ополченію Игоря, Игоря Святославича?

А начаться той пѣсни по былинамъ сего времени, хоть не по боянову замышленію.

Боянъ вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь творить, то растекался мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ по поднебесью.

Переводъ Дубенскаго:

Не лучше ль намъ было, братцы, начать прежнимъ складомъ важныхъ повѣстей пѣснь о походѣ игоровомъ, Игоря Святославича? и начаться этой пѣсни по событіямъ нашего времени, а не въ духѣ

бояновомъ? Ибо вѣщій Боянъ, когда кого хотѣлъ воспѣть, то носился мыслию по лѣсамъ, сѣрымъ волкомъ по полю, сизымъ орломъ подь облаками.

Переводъ Кораблева:

Не лучше ли будетъ намъ, братія, начать *старинною* унылую повѣсть о походѣ Игоревомъ — Игоря Святославича?

Начать же эту пѣснь по былинамъ сего времени, а не по замыслу Янову. Янъ вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь воспѣть, то разцвѣталъ мысленно кудрявымъ деревомъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по землѣ, сизымъ орломъ леталъ подь облаками...

Переводъ Сѣрякова:

Коль пріятно слогомъ древности
Повѣсть намъ начать прискорбную
О походѣ князя Игоря!
Пѣснь начать же гласомъ истины
По былинамъ того времени,
А не вымысломъ бояновымъ;
Онъ кого хотѣлъ прославить,
По древамъ носился мыслию,
Сѣрымъ волкомъ по землѣ бѣжалъ,
Въ облакахъ сизымъ орломъ летѣлъ.

Переводъ Палицына:

Любовь къ отечеству зоветъ, о Россы, насъ
Воспѣть брань Игоря на древній предковъ гласъ,
Какимъ ихъ подвиги вѣщались знамениты:
Да будутъ бытія и нашихъ лѣтъ открыты.
Но не дерзнемъ витійствъ бояновыхъ искать
Когда Боянъ кого стремился воспѣвать,
Онъ мыслию по древамъ въ восторгѣ растекался,
То сизымъ онъ орломъ подь облаки взвивался,
То сѣрымъ волкомъ онъ носился по полямъ.

Переводъ Язвицкаго:

Что пристойнѣй слогомъ древности
Повѣсть рассказать печальную

О полку — походъ Игоря?
Кой (?), воспѣть князей когда хотѣлъ,
По древамъ носился мыслями,
Сѣрымъ волкомъ по землѣ бѣжалъ,
По поднебесью орломъ парилъ.

Переводъ Левитскаго:

Намъ пріятно, братцы, пѣснь воспѣть
Древнимъ слогомъ — слогомъ жалобнымъ
О походъ славна Игоря,
Не веселую — печальную!
Мы начнемъ ее, какъ слышали,
По былинамъ того времени,
Не по замысламъ бояновымъ.
Намъ извѣстно, что Боянъ пѣвецъ,
Прославлять когда хотѣлъ кого,
То носился всюду мыслию,
По деревьямъ легкой птицею,
Черезъ холмы будто сѣрый волкъ,
Какъ орелъ сизый подъ облаки.

Переводъ Грамматина:

Не воспѣть ли, милы братіе, любезные,
Мѣрой древней, заунывной, не воспѣть ли намъ
О походъ на Половцевъ князя Игоря,
О походъ неудачномъ Святославича?
Повѣсть жалости достойная и вѣчныхъ слезъ!
А начнемъ мы по былинамъ сего времени,
Не по замыслу начнемъ ее боянову.
Вѣщій бардъ, онъ пѣть когда хотѣлъ чьи подвиги,
Онъ по древу растекался смѣлой мыслию,
Онъ голоднымъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по земли,
Зоркимъ, сизымъ онъ орломъ парилъ подъ облаки.

Переводъ Де ла Рю:

Или начать намъ, друзья, старымъ складомъ сказаній воинскихъ
Пѣснь о походъ олегова внука, Игоря князя?
Пѣснь же ту намъ начать по событіямъ дней настоящихъ,
Но не по замысламъ вѣщимъ Бояна. Боянъ, замышляя

Витязя славу воспѣть, соловьемъ растекался по древу,
Сѣрымъ волкомъ въ поляхъ, сизокрылымъ орломъ въ поднебесьи.

Переводъ Миннаева:

Начнемъ, други, складомъ старинныхъ людей,
Разсказъ про святыхъ былины:
Какъ Игорь костью положилъ средь степей
Свои удалыя дружины.
— У правды народной одна сторона,
У вымысла гранямъ нѣтъ счета:
Такъ рѣчь у Бояна восторговъ полна,
Ярка у нея позолота!
Онъ звучную-ль пѣсню кому запоетъ —
Раскинется въ вѣтви мыслями,
Онъ волкомъ по черной землѣ протечетъ,
Орломъ пролетитъ подъ звѣздами.

Переводъ Мейя:

Аль затягивать, ребята, на старинный ладъ
Пѣсню слѣзную о полку князя Игоря,
Князя Игоря Святславича?
А и пѣсню намъ затягивать
Про недавнюю былинушку,
Не по замыслу боянову.
Коли вѣщему Бояну прилучалось
Про кого нибудь пѣсню складывать,
Растекался мыслию онъ по лѣсу,
Мчался сѣрымъ волкомъ по полю
И сизымъ орломъ подъ облакомъ.

Переводъ Максимовича:

Чи не добре бѣ було, братья,
Намъ, про Игоря войну,
Заспівать жалібну пісню,
Якъ співали встарину!
А начаться нашій пісні
По сѣголітнімъ дѣламъ;
Не по умисламъ високимъ,
Якъ Боянъ той починавъ.

Боянъ віщий, коли схоче
 Про кого було співать,
Заразъ думкою по древу
 Починає вінъ літати;
Сіримъ вовкомъ побіжить вінъ
 По горахъ и по доламъ;
Орломъ сизимъ понесетєя
 Къ піднебеснымъ облакамъ.

Кстати помѣщаю здѣсь переводъ того же отрывка въ «Опытѣ предложенія пѣсни о походѣ Игоря» (пѣснь первая и начало второй, до словъ: *о Бояне, соловію старого времени*), помѣщеннаго въ IV части «Галатеи» на 1829 годъ (стр. 131), безъ означенія имени переводчика. Вотъ онъ:

Пріятно, о други, вамъ будетъ услышать
Прискорбную повѣсть о Игорѣ князѣ.
Начнемъ не по вымысламъ хитрымъ Бояна,
Начнемъ по преданіямъ дней пролетѣвшихъ.
Когда величавый Боянъ полководцевъ
И витязей славилъ гремящею пѣснью,
Онъ мыслью леталъ по деревьямъ высокимъ,
И сѣрымъ онъ волкомъ носился по доламъ,
И сизымъ орломъ разетилался по небу.

Кромѣ того, мы имѣемъ еще шесть стихотворныхъ переводовъ десятой пѣсни «Слова» (Плачъ Ярославны), сдѣланные Козловымъ⁽²⁾, Белюстинымъ⁽³⁾, Загорскимъ⁽⁴⁾, Шкляревскимъ⁽⁵⁾, Миллеромъ⁽⁶⁾ и Бергомъ⁽⁷⁾.

(2) «Собраніе Стихотвореній Ивана Козлова», изд. III, ч. II, стр. 31.

(3) «Благонамѣренный», 1819 г. ч. VI, стр. 141.

(4) «Новости Литературы», 1825 г. ч. XIV, стр. 69.

(5) «Стихотворенія П. Шкляревскаго», стр. 11.

(6) «Стихотворенія О. Миллера», стр. 245.

(7) «Москвитянинъ», 1847 г. ч. I, кн. II, стр. 32.

При всемъ уваженіи къ именамъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ, трудившихся надъ переложеніемъ «Слова», должно сказать, что большая часть прозаическихъ его переводовъ замѣчательна преимущественно въ ученое, нежели въ литературное, отношеніи, потому что въ нихъ, какъ кажется, болѣе дорожили примѣчаніями и критическими изслѣдованіями, чѣмъ самими переводами. Счастливымъ исключеніемъ изъ нихъ можно назвать переводъ г. Вельтмана, сдѣланный мѣрною, гармоническою прозою, далеко оставляющею за собою не только прозаическія, но и многія стихотворныя переложенія «Слова», изъ которыхъ лучшія принадлежатъ гг. Де ла Рю, переложившему поэму въ довольно-звучные гекзаметры, Мею, избравшему для своего перевода размѣръ народныхъ русскихъ пѣсенъ и, въ особенности, Максимовичу, чей малороссійскій переводъ «Слова» поражаетъ читателя, какъ замѣчательной близостью къ подлиннику, такъ и поэтической простотою языка и звучностью стиха. Что же касается переводовъ гг. Палицына, Левитскаго и Минаева, изъ которыхъ послѣдній отличается необыкновенно-звучнымъ стихомъ, то ихъ, собственно, нельзя причислить къ переводамъ, потому что гг. перелагатели нисколько не заботились о томъ, чтобы остаться вѣрными подлиннику, и гораздо болѣе передѣлывали, нежели переводили, и даже дополняли повѣствованіе сочинителя «Слова» своими собственными вставками, въ чемъ сознается самъ г. Минаевъ, въ примѣчаніяхъ къ изданному имъ переводу, говоря, что онъ «объяснялъ

темныя мѣста подлинника прямо стихами, развивая сжатые мысли въ картины»⁽⁸⁾.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этомъ оригинальномъ способѣ *развивать сжатые мысли подлинника въ картины* собственнаго изобрѣтенія, приведу здѣсь, для сличенія, нѣсколько небольшихъ отрывковъ лучшаго подстрочнаго перевода «Слова», сдѣланнаго г. Дубенскимъ, и соответствующія имъ стихотворныя фантазіи гг. перелагателей:

Переводъ Дубенскаго:

Рано въ пятницу они смяли поганые полки половецкіе; и, разсыпавшись стрѣлами по побоищу, помчали пригожихъ дѣвокъ половецкихъ, а съ ними золото, парчи и дорогіе аксаменты. Юртами, епанчами и кожухами и всякими нарядами половецкими стали гатить болота и топи. Красное знамя, бѣлая хоругвь, багряная чолка, серебрянное древко — храброму (Игорю) Святославичу.

Переводъ Шалицына:

Въ единъ день съ утреннимъ блистаніемъ сквозь мглу
Срѣтаются они съ Половцами въ долу:
Едва узрѣлися, сердца ихъ закипѣли,
Мечи и копья ихъ другъ въ друга зазвенѣли;
И многихъ ратниковъ, до солнечныхъ лучей,
Застигла вѣчна ночь, померкъ ихъ свѣтъ очей.
Уже противные полки преодолены,
Разбиты, свергнуты и въ бѣгство обращены.
А Россы храбрые, разсѣясь по полямъ,
Летая съ быстротой, подобной ихъ стрѣламъ,
Мчатъ красныхъ дѣвъ оттолъ половецкихъ плѣненныхъ,
Тьму золота, утварей и тканей драгоцѣнныхъ.
Но всѣхъ корыстей ихъ, утѣхъ, сокровищъ сихъ
Побѣда съ славою любезнѣе для нихъ:

(8) «Слово о полку Игоря, пер. Минаева», стр. 67.

Гдѣ блато имъ иль топъ препоны полагаютъ,
Тамъ грудями они добычу повергаютъ,
Изъ тканей, бархатовъ, одеждъ мосты твора.
Такъ бранный духъ въ груди и славу водворя.
Женамъ приличныя отмещутъ украшенья.
Не злато нужно имъ: желѣзо на сраженье!
Поправъ враговъ, дѣлятъ добычу, возвратясь.
Приемлетъ въ оной часть и ихъ отважный князь:
Червленна чолка, стягъ багрянъ съ хоругвью бѣлой,
И древко серебряно, какъ даръ отъ рати цѣлой,
Врученъ Игорю за подвиги его.
То князю нашему пріятнѣе всего,
То злато для него и паволокъ дороже,
Дружина такъ речетъ, и воины всѣ то же.

Такимъ образомъ переведено г. Палицынымъ все «Слово о полку Игоря», за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, или вовсе выпущенныхъ переводчикомъ, или замѣненныхъ стихами собственной работы. Такъ, напримеръ, все начало четвертой пѣсни, до словъ:

Такъ при Олегѣ молодомъ...

у него выпущено и замѣнено слѣдующимъ четырехстишіемъ:

Войны во времена и прежнія бывали,
Напасти и бѣды Россію угнетали,
Не столь отъ чуждыхъ силъ, нашествій и сѣтей,
Колико отъ своихъ раздоровъ межъ князей.

Кромѣ того, переводъ г. Палицына изобилуетъ множествомъ самыхъ анти-поэтическихъ вставокъ, часто искажающихъ самый смыслъ подлинника.

Переводъ г. Левитскаго нѣсколько ближе къ подлиннику, за то далеко превосходитъ переводъ г. Палицына

числомъ и чудовищнымъ размѣромъ своихъ вставокъ, отличающихся необыкновенною яркостью красокъ и смѣлостью уподобленій.

Напримѣръ:

Переводъ Дубенскаго:

«Ужь намъ своихъ милыхъ мужей ни мыслию примыслить, ни душою придумать, ни глазами увидать! а златомъ и серебромъ не брящать ни сколько!»

Переводъ Левитскаго:

«Невидать намъ сердцу милыхъ ужь,
Не слышать ихъ сладка голоса,
Не прижать къ груди пылающей,
И въ объятіяхъ супружескихъ
Не лелѣять и не нѣжить ихъ!
Не пролить слезъ умиленія,
Кромѣ слезъ единой горести!
Не видать намъ злата, сѣребра,
На всегда уже отнятаго!
На что злато, на что сѣребро,
Коли грудь тѣснится вздохами?
Что безъ милыхъ въ этой пышности?
Ожерелья, ткани, бархаты
Тогда служатъ украшеніемъ,
Когда сердце цвѣтетъ въ радости,
Когда все предметъ веселія;
Но безъ милыхъ и безъ радости
Пышность всякая не радуется!
Увы! всѣмъ мы — всѣмъ ограблены;
Гдѣ супруги и гдѣ дѣтища?
Гдѣ и братья, гдѣ всѣ сродники?
Гдѣ? — средь поля половицкаго!...
О! прійми насъ мать сыра земля
Лучше ты въ свои объятія,
Чѣмъ терпѣть презрѣнье Половцевъ;
Лучше скрыться въ гробовыхъ доскахъ,
Чѣмъ подъ властію быть Половцевъ.
Такъ — умремъ или спасемъ мужей!»

Переводъ Дубенскаго:

Одинъ же Изяславъ Васильковичъ позвонилъ своими острыми мечами во шлемы литовскіе, затьмилъ славою дѣда своего Всеслава, а самъ подъ багряными щитами, на травѣ кровавой, изрубленъ мечами литовскими.

Переводъ Левитскаго:

Изяславъ только Васильковъ внукъ
Позвенѣлъ одинъ мечемъ своимъ
По шлемамъ Литовцевъ буйственныхъ.
Только онъ одинъ осмѣлился
Усмирить гордыню адскую.
Но что дерзкихъ усмирить можетъ,
Людской кровію воспитанныхъ?
Что казаться можетъ страшнымъ имъ?
Что? — когда и саму смерть
Чтутъ единою бездѣлкою?
Сердце ихъ — есть сердце львиное,
Грудь ихъ — грудь есть леопардова,
Кровь людей — имъ некторъ сладостный,
Трупы — снѣдь для нихъ пріятная.
Изяславъ сталъ ихъ добычею;
Подъ щитами палъ багряными:
На травѣ, смоченной кровію,
Отъ литовскихъ онъ погибъ мечей.

Эти два отрывка изъ шестой и девятой пѣсенъ (плачь русскихъ женъ о погибшихъ и описаніе смерти Изяслава), взятые мною на выдержку, могутъ дать совершенно вѣрное понятіе о достоинствѣ стихотворной фантазіи г. Левитскаго, названной имъ — переводомъ «Слова о полку Игоря», хотя въ этихъ двухъ произведеніяхъ, за исключеніемъ основной идеи, весьма мало общаго.

Перехожу къ переводу г. Минаева:

Переводъ Дубенскаго:

Солнце ему тьмою путь застигло: теперь ночь, воемъ грозя ему,
будила птицъ, ревъ звѣриный по степямъ; дивъ кричитъ на деревъ,
даетъ вѣсть странѣ еще неизвѣданной — Волгѣ и Поморію и По-
сулію и Сурожу и Корсуню и тебѣ тмутараканскій болванъ!

Переводъ Минаева:

И вотъ передъ Игоремъ,
Въ самый полудневный жаръ,
На сводѣ безоблачномъ
Стало гаснуть солнышко;
На щитъ его огненный
Всходитъ вороненый щитъ,
На Руси невиданный,
Преданьемъ незнаемый;
Высокій шатеръ небесъ
Темнѣлъ мракомъ вечера;
Лишь чуть золотымъ серпомъ
Отъ скрытаго солнышка
Виднѣлась окраина.

Летятъ тѣни на землю,
Пали смурымъ пологомъ
Кругомъ на окрестности.
На вѣтвяхъ густыхъ деревъ
Свои кудри черныя
Сѣтями развѣсили.
Стала ночь тюрьмы чернѣй;
Могильными сводами
Спустилась надъ Игоремъ,
Зарычала вокругъ него
Стаями звѣриными,
Надъ слухомъ *заукала*
Птицами зловѣщими.

Заржалъ лѣшій по лѣсу,
Крикнулъ отъ вершинъ дубовъ:
« Не хвались на-утрѣ князь,
« Хвались по-полуночи!

« Поди попытай теперь
« Край земли незнаемой;
« Сходи, князь, въ Поволожье,
« Взгляни на Поморіе,
« Поучись по Сулію,
« Поборись по Сурожью,
« На стѣны херсонскія
« Насмотрись хоть издали!»

— Прочь, косматый чучело!
Отвѣчаетъ Игорь князь:
Тебѣ-ли пугать меня?
Ты — Тмутараканскаго
Царства басурманскаго
Болванъ необтесанный! —

Это описаніе солнечнаго затмѣнія и дурныхъ предзнаменованій похода Игоря (изъ второй пѣсни), если хотите, весьма граціозно; жаль только, что ничего подобнаго нѣтъ въ подлинникѣ. Слѣдующій отрывокъ (изъ одиннадцатой пѣсни) можно назвать даже блистательнымъ и по языку и по звучности стиха. Что же касается вѣрности перевода — предоставляю судить читателямъ.

Переводъ Дубенскаго:

Соловьи веселымъ пѣніемъ разсвѣтъ возвѣщаютъ.

Переводъ Минаева:

Вотъ межъ чащею, подъ раkitникомъ,
Луговой пѣвецъ просыпается:
Щелкнулъ, свистнулъ, разсыпался,
Разошелся по воздуху
Серебристыми звѣньями,
Загремѣлъ перекликами,

Застоналъ перекатами,
Разлился звонкимъ голосомъ
По всему по поднёбесью.
Его слушала, зарумянившись
Подъ фатой своей, браной золотомъ,
Съ неба синяго заря майская.

Не смотря на различное достоинство этихъ трехъ переложений, какъ литературныхъ произведений, изъ которыхъ послѣднее представляетъ нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ, правда, большею частію принадлежащихъ перу самого переводчика, но тѣмъ не менѣе весьма поэтическихъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ выполнить своего назначенія — познакомить читателя съ подлинникомъ, одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ котораго именно заключается въ этой сжатости рѣчи, характеризующей «Слова».

Исчисливъ всѣ существующіе переводы «Слова о полку Игоря» на русскій языкъ, я считаю нелишнимъ прибавить, что въ настоящее время готовится къ печатанію въ «Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ»⁽⁹⁾ малороссійскій прозаическій переводъ этаго памятника, сдѣланный А. С. Афанасьевымъ-Чужбинскимъ, съ цѣлію доказать наглядно разницу языка «Слова» и нынѣшняго нарѣчія юго-западной Руси.

Помѣщая здѣсь, для сличенія, начало этого перевода :

«Чи не лучше намъ буде, братця, почать давніми словами про тяжкий походъ игорівъ, Игоря Святославовича? и починать сю пісню

(9) См. ч. III, №№ 12, 13, 14, стр. 198.

якъ було тоді, а не по вигадкахъ Бояна? Боянъ бо віщий, коли про кого хотівъ пісню співати, то разбігався думкою по древу, сіримъ вовкомъ по полю, сизимъ орломъ підъ хмарами.»

Иностранцы также имѣютъ нѣсколько переводовъ «Слова о полку Игоря». Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: нѣмецкіе — Юнгмана, изданный въ 1810 году, Миллера ⁽¹⁰⁾, Ганки ⁽¹¹⁾, пастора Зедергольма ⁽¹²⁾ и Болтца ⁽¹³⁾; французскіе — барона Экштейна, помѣщенный въ журналѣ «Le Catholique», и Бланшарда ⁽¹⁴⁾, напечатанный вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ; польскіе — Купріана Годабскаго, Августина Бѣлевскаго ⁽¹⁵⁾ и Адама Красинскаго ⁽¹⁶⁾; чешскіе — Вячеслава Ганки ⁽¹⁷⁾, Юнгмана и Разная (последній сдѣланъ стихами); и сербскій — Хаджича, помѣщенный имъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ бѣлградскомъ альманахѣ «Голубица».

(10) Heldengesang vom Zuge gegen die Polowzer des Fürsten vom Sewerischen Nowgorod Igor Swätswlitsch, geschrieben in altrussischer Sprache gegen das Ende des zwölften Jahrhunderts. In die deutsche Sprache treu übertragen vom Joseph Müller. Prag. 1811.

(11) Spruch vom Heerzuge Igors, Igors Sohn des Swätswlaw, Enkel des Olegs. (Переводъ Ганки). Prag. 1821. (Изданъ вмѣстѣ съ чешскимъ переводомъ).

(12) Das Lied vom Heereszuge Igors, Sohnes Swätswlaws, Enkels Olegs. Aus dem Slawonischen metrisch übersetzt. Vom Pastor Sederholm. Moskau. 1825.

(13) Lied vom Heereszuge Igors gegen die Polowzer. Aeltestes russisches Sprachdenkmal aus dem XII Jahrhundert. Herausgegeben vom Doktor August Boltz. Berlin. 1854.

(14) Igor, poème héroïque, traduit du russe par N. Blanchard. Moscou. 1823.

(15) Wyprawa Igora na Polowców. Poemat sławiański, wydany przez Augustyna Bielowskiego. Lwów. 1833.

(16) Pieśń o półku Igora. Starosławiański poemat z XII wieku. Przekład Ks. Adama Stanisława Krasińskiego, kanonika katedry wileńskiej. Petersburg. 1856.

(17) Igor Swatoslawiéc. Hrdinsky zpiew o tázenj proti Polowcum. Od. Wacława Hanky. W Praze. 1821.

Какъ переводили иностранцы «Слово о полку Игоря», — привожу, для сличенія, ихъ стихотворные переводы на французскій, нѣмецкій и польскій языки:

Переводъ Бланшарда:

Il est doux de chanter un héros malheureux:
Chantons du brave Igor l'effort infructueux;
Mais que dans nos récits, simples et véridiques,
N'entrent point de Boyan les fictions antiques:
Quand ce barde voulait célébrer les héros,
Son esprit inspiré l'élevait sur les flots,
Le portait comme un aigle audessus des nuages,
Ou comme un faible oiseau parmi de verts bocages.

Переводъ Зедергольма:

Bedünket es nicht euch, ihr Brüder, löblich,
Wenn wir in alter Zeiten Wort begönnen
Die Trauermähr von Igors Heereszuge,
Des Sohnes Swätoslaws? — Wohlan denn, Lied,
Beginne, treu den Thaten dieser Zeiten,
Nicht nach Bojans Gedankenflug, des Sehers;
Denn wenn ein Heldenlied er singen wollte,
So schweifte durch die Wälder sein Gedanke,
Wie auf der Erde schweift der graue Wolf,
Den Wolken nah der bläulich-graue Aar.

Переводъ Больтца:

Brüder, sagt, wär's nicht gerathen,
Nach dem alten Brauch der Väter,
Was die Sagen von dem Zuge
Igor's, Swätoslawitsch's Sohne,
Melden, uns zu wiederholen.
Doch beginnen mag dies Lied nur
Nach den Sagen uns'rer Zeit, nicht
Nach Bojan's erhab'ner Weise.
Denn Bojan, der hehre Dichter,

Wenn der über'm Liede dachte,
Schlich sich aus dem lauten Kreise,
In die Einsamkeit des Waldes,
Und durchstrich die schatt'gen Haine,
Wie der graue Wolf die Heide,
Wie der dunkelblaue Adler
Durch die Wolken streift im Fluge.

Переводъ Бѣлевскаго:

Bracia! nie pięknież pisać staremi słowy
Trudne o połku Igora powieści?
A więc pocznijmy pieśń, wedle osnowy
Zdarzeń, nie zmyśleń bojańskimi tory;
Bo wieszczy Bojan jeśli k'czyjej cześci
Pieśń tworzył, myślą uganiał przez bory,
Wilk ziemią, w wiatrach orzeł chyżopióry.

Переводъ Красинскаго:

Miło to, Bracia, gdy w naddziadów mowie,
Igora czyny rycerskie apowie
Pieśń, z tego czasu pamiątek śpiewana,
Nie z woyobraźni, a ni z dum Bojana.
Bo kiedy Bojan pieśń komu zaśpiewa,
Myślą, na kształt wielkiego roztacza się drzewa,
I szarym wilkiem pędzi w step szeroki,
I siwym orłem szumi pod obłoki.

Наконецъ надъ составленіемъ примѣчаній, филологическихъ объясненій и критическихъ изслѣдованій трудились, въ разное время, кромѣ поименованныхъ мною переводчиковъ «Слова», почти всѣ извѣстные наши ученые, какъ-то: Малиновскій, Бантышъ-Каменскій, Калайдовичъ, Тимковскій, Ермолаевъ, Карамзинъ, Пушкинъ, Полевой, Болтинъ, Бутковъ, Востоковъ, Погосинъ, Шевыревъ, Руссовъ, князь Вяземскій, Гла-

голевъ, Снегиревъ, Сахаровъ, Головинъ, Туловъ, знаменитые иноземные славяновѣдцы. Іосифъ Добровскій, Шлецеръ, Шафарикъ, Михаилъ Вишневскій, Гай и многіе другіе.

Уже одни имена этихъ ученыхъ изслѣдователей «Слова о полку Игоря», признавшихъ его высокое значеніе въ исторіи нашей литературы, какъ единственнаго самобытнаго памятника поэзіи древней Руси, могутъ служить достаточнымъ опроверженіемъ нѣкоторымъ скептикамъ, вздумавшимъ заподозрить не только древность этого памятника, но и самую его подлинность, въ которой теперь уже никто не сомнѣвается, благодаря множеству полемическихъ и критическихъ статей, разрѣшившихъ наконецъ этотъ вопросъ въ пользу «Слова»; и рѣшеніе это утверждено на доказательствахъ слишкомъ ясныхъ, чтобы съ ними не согласиться. Впрочемъ, я не нахожу нужнымъ распространяться о нихъ, тѣмъ болѣе, что критическій разборъ подлинника не входитъ въ планъ моего труда—чисто литературнаго.

Такъ какъ цѣль предлагаемаго перевода—обратить еще разъ вниманіе всѣхъ образованныхъ людей на это превосходное произведеніе нашей древности и сдѣлать его содержаніе доступнымъ и для тѣхъ, кто не любитъ сухихъ, археологическихъ разысканій, но тѣмъ не менѣе не чуждъ всего, что касается нашей древней славы, считаю не лишнимъ познакомить читателя съ самымъ происшествіемъ, послужившимъ пѣвцу Игоря предметомъ для его поэмы.

Князья Сѣверскіе Игорь Новгородскій, братъ его Всеволодъ Трубчевскій и племянникъ ихъ Святославъ Ольговичъ Рыльскій, завидуя славу великаго князя Кіевскаго Святослава, одержавшаго въ 1184 и 85 годахъ двѣ блистательныя побѣды надъ Половцами, въ которыхъ они не участвовали, рѣшились сами идти въ половецкую землю и добыть себѣ еще большей славы. До настоящаго похода Игорь извѣстенъ былъ, какъ побѣдитель варваровъ близъ урочища Олтавы (нынѣшней Полтавы), гдѣ онъ, двадцатилѣтній юноша, въ 1171 году, разбилъ на голову Половцевъ, предводимыхъ лучшими своими ханами Кобякомъ и Кончакомъ. Что же касается Всеволода, лѣтописцы, какъ и сочинитель «Слова», изображаютъ его героемъ, или, по ихъ словамъ, *удатѣйшимъ* изъ всѣхъ ѳльговичей, величественнымъ наружностью, любезнымъ душою. Князья собрали свои дружины, взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговскаго такъ называемыхъ ковуевъ, которые составили особый полкъ, подъ начальствомъ Ольстина Олексича, и пошли къ Дону. 1-го мая 1185 года, не доходя рѣки Донца, русское войско застигнуто было солнечнымъ затмѣніемъ, принятымъ боярами за дурное предзнаменованіе.

— Друзья и братья! сказалъ Игорь: — тайны божественныя ни кому не свѣдомы; а намъ не миновать своего рока.

Прибывъ къ донецкому перевозу, войско игорево переправилось за рѣку у изюмскаго кургана (нынѣшняго Изюма), и двинулось къ берегамъ Оскола. Здѣсь

князья простояли двое сутокъ, въ ожиданіи прибытія Всеволода, который шелъ изъ Курска инымъ путемъ. Соединившись съ братомъ, Игорь обратился къ югу, къ рѣкамъ Дону и Салу. Кочующіе тамъ варвары извѣстили своихъ единоплеменниковъ о новой грозѣ, представляя имъ, что русскіе, рѣшившись зайти такъ далеко, безъ сомнѣнія хотятъ совершенно истребить весь родъ ихъ. Половцы ужаснулись, и безчисленными толпами двинулись отъ самыхъ дальнихъ береговъ Дона на встрѣчу смѣлымъ князьямъ. Люди благоразумные совѣтовали Игорю возвратиться.

— Князь! говорили они: — непріатели многочисленны; удалимся: теперь не наше время.

— Мы будемъ осмѣяны, отвѣчалъ имъ Игорь: — когда, не обнаживъ меча, возвратимся; а стыдъ ужаснѣе смерти.

Въ пятницу, въ обѣденное время, войско игорево встрѣтилось въ первый разъ съ Половцами на берегахъ рѣки Сюурліи. Завида приближеніе варваровъ, князья изготовились къ битвѣ: полкъ игоревъ помѣстился въ серединѣ; по правую его сторону сталъ Всеволодъ съ своимъ полкомъ, а по лѣвую Святославъ; впереди ихъ расположились Владиміръ, сынъ Игоря, и черниговскіе ковуи, а шестой полкъ, составленный изъ стрѣлковъ всѣхъ пяти отрядовъ, образовалъ первую линію.

— Братья! сказалъ Игорь: — мы ихъ искали, такъ сразимся же!

Началась битва. На этотъ разъ Русскіе остались побѣдителями; взяли станъ непріателей, ихъ семейства;

три дня ликовали въ завоеванныхъ вежахъ и говорили другъ другу:

— Что скажутъ теперь наши братья и Святославъ Кіевскій? Они сражались съ Половцами, еще глядя на Переяславль, и не смѣли идти въ ихъ землю; а мы уже въ ней, скоро будемъ за Дономъ и далѣе въ странахъ приморскихъ, гдѣ никогда не бывали отцы наши. Истребимъ варваровъ и приобрѣтемъ славу вѣчную!

Эта гордость воиновъ мужественныхъ, но малоопытныхъ и неосторожныхъ, имѣла для нихъ самая гибельныя послѣдствія. Ободренные первымъ успѣхомъ, князья не усомнились идти къ Дону, перешли его, и двинулись къ берегамъ Азовскаго моря. Разбитые Половцы, соединившись съ новыми толпами, пошли вслѣдъ за ними, и въ субботу утромъ окружили русское войско близь устья рѣки Каялы (нынѣшняго Кагальника), впадающей въ Азовское море, отрѣзали его отъ воды, и въ ожиданіи еще бѣльшей помощи, не хотѣли сразиться копьями, три дня дѣйствуя однѣми стрѣлами. Число варваровъ безпрестанно умножалось. Наконецъ Русскіе, томимые жаждой, открыли себѣ путь къ водѣ, и тутъ то, на берегу Каялы, на голой, палимой горячимъ солнцемъ степи, произошла рѣшительная битва, такъ краснорѣчиво описанная пѣвцомъ Игоря. Два дня длилось сраженіе; Русскіе бились храбро, отчаянно. Изнуренные кони худо служили всадникамъ: предводители спѣшились вмѣстѣ съ воинами. Одинъ раненый Игорь ѣздилъ на конѣ и ободрялъ ихъ. Вида бѣгство ковуевъ, онъ бросился останавливать ихъ, снялъ съ

себя шлемъ, чтобы они узнали его и воротились; но, увлеченный толпою, былъ окруженъ Половцами и взятъ въ плѣнъ. Всеволодъ оказалъ рѣдкое мужество, и наконецъ остался безъ оружія, сломивъ свой мечъ и копье. Въ сокрушеніи сердца, Игорь каялся въ грѣхахъ своихъ и молилъ Бога лучше послать ему смерть, нежели допустить видѣть паденіе брата. Наконецъ русское войско было побито. Спаслось всего пятнадцать Русскихъ и нѣсколько ковуевъ: остальные или легли на мѣстѣ подъ саблями половецкими, или утонули въ Азовскомъ морѣ, или, наконецъ, отведены были съ князьями въ неволю.

Узнавъ о бѣдствіи, постигшемъ князей, земля русская *возстонала*: князья, бояре, народъ — всѣ оплакивали несчастныхъ, многіе лишились братьевъ, отцовъ ближнихъ родственниковъ. Святославъ Кіевскій ѣздилъ тогда въ Карачевъ. На возвратномъ пути, услышавъ печальную вѣсть, онъ залился слезами и сказалъ:

— Я жаловался прежде на легкомысліе Игоря: теперь еще болѣе жалуюсь на его злополучіе.

Онъ собралъ князей подъ Каневымъ, но распустилъ ихъ, когда Половцы, боясь его ополченія, отступили отъ нашихъ границъ. Не желая идти по слѣдамъ Сѣверскихъ князей, чтобы не испытать той же участи, Святославъ былъ причиною новыхъ бѣдствій, постигшихъ русскую землю. Варвары, ободренные его робостью, снова явились, взяли нѣсколько городовъ на берегахъ Сулы и осадили Переяславль. Мужественный Владиміръ Глѣбовичъ встрѣтилъ ихъ подъ стѣнами роднаго города и бился какъ герой; кровь текла изъ

ранъ его, дружина ослабѣвала. Тогда, видя опасность любимаго князя, все граждане вооружились и едва спасли Владиміра, пораженнаго тремя копьями. Половцы, взявъ Римъ (нынѣшній Ромень), изрубили его жителей, опустошили множество сель близъ Путивля и, обремененные плѣнниками, ушли въ свои вежи.

Между тѣмъ Игорь Святославичъ, взятый въ плѣнъ *Тарголовымъ мужемъ Чилбукомъ*, жилъ въ неволѣ, подъ надзоромъ хана Кончака, которому достался по раздѣлу. Уважая храбраго князя, Кончакъ обходился съ нимъ не какъ съ плѣнникомъ, но какъ съ княземъ: позволилъ ему вызвать и имѣть при себѣ священника, слугъ, и даже не препятствовалъ забавляться ястребиною охотою. Наконецъ одинъ половчанинъ, мать котораго была русская, по имени Лаверъ, или Овлуръ, какъ называетъ его сочинитель «Слова», вызвался бѣжать съ нимъ изъ неволи.

— Я могъ уйти во время битвы, отвѣчалъ ему Игорь: — но не хотѣлъ обезславить себя бѣгствомъ; не хочу и теперь.

Однако жъ, убѣжденный совѣтомъ вѣрнаго своего конюшаго, Игорь согласился. Лаверъ приготовилъ коней. Игорь притворился спящимъ, и когда Половцы, упоенные крѣпкимъ кумысомъ, заснули, всталъ тихонько, помолился, взялъ крестъ и икону, и ушелъ изъ вежи. Одиннадцать дней скитался онъ по степямъ, вмѣстѣ съ Лаверомъ, скрываясь отъ преслѣдованія Половцевъ, всюду разсыпавшихся по слѣдамъ его, и благополучно прибылъ въ пограничный городъ Донецъ.

Что же касается сына его Владиміра, оставленнаго имъ въ плѣну, то онъ женился тамъ на дочери хана Кончака, славившейся своею красотою, и черезъ два года возвратился къ отцу, вмѣстѣ съ своимъ дядею буй-турь Всеволодомъ.

«Слово о полку Игоря» есть поэтическое произведение, занимающее въ порядкѣ развитія поэзіи эпической по ея видамъ мѣсто на переходѣ отъ эпоса героическаго къ эпосу позднѣйшей гражданственности—къ роману, и притомъ произведение, писанное стихами, въ чемъ соглашаются нѣкоторые ученые изслѣдователи этого памятника, какъ-то: Востоковъ, Дубенскій, Полевой, Максимовичъ и Туловъ, хотя и разногласятъ въ опредѣленіи его стихотворнаго склада. Мнѣніе каждаго изъ нихъ имѣетъ свои основанія, свои доказательства. Все различіе происходитъ отъ образа воззрѣнія на предметъ. Такъ, напримѣръ, Востоковъ⁽¹⁸⁾, признавая вообще складъ «Слова» прозаическимъ, говоритъ однако же, что оно у него раздѣлилось на довольно ровные и мѣрные періоды или стихи, подобные библейскимъ.

Дубенскій⁽¹⁹⁾ принимаетъ это въ другомъ смыслѣ, и размѣряетъ «Слово» шестистопнымъ дактило-хорейскимъ стихомъ или гекзаметромъ.

Полевой⁽²⁰⁾ также разбиваетъ подлинникъ на стихи, при чемъ говоритъ, что размѣръ въ немъ явель, и

(18) См. его «Опытъ о Русскомъ Стихосложеніи», стр. 159—161.

(19) См. его «Опытъ о Народномъ Русскомъ Стихосложеніи», стр. 101—107.

(20) «Московскій Телеграфъ», 1833 г. N 7, стр. 429.

стоитъ только не считать стопъ, чтобы тотчасъ понять его разнообразную, пѣвучую музыкальность.

Максимовичъ же ⁽²¹⁾ полагаетъ, что вольное движеніе рѣчи «Слова» совершается, такъ сказать, отдѣльными, разнообразными волнами или стихами, не столь опредѣленнаго склада и однообразнаго размѣра, какъ народные великороссійскіе, но столько же разнообразные и вольные, какъ стихи украинскіе, особенно въ думахъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться, ознакомившись съ подлинникомъ «Слова о полку Игоря».

Наконецъ, по мнѣнію Тулова ⁽²²⁾, «Слово» могло быть или стихотворнымъ произведеніемъ, написаннымъ по образцу древнихъ эпическихъ пѣсенъ и притомъ такъ, какъ пишутся поэмы въ наше время — только для чтенія; или произведеніемъ прозаическимъ, сохранившимся, вслѣдствіе вліянія пѣсенъ, краски поэзіи народной; или, наконецъ, что всего вѣроятнѣе, — пѣснью, которая дѣйствительно нѣкогда распѣвалась въ честь Игоря, и потомъ положена была на бумагу, въ чемъ удостовѣряетъ насъ самъ сочинитель «Слова», который *воспѣваетъ*, а не *описываетъ* своего героя. А нужно замѣтить, что, въ отдаленный отъ насъ вѣкъ игоревъ, поэзія еще не такъ давно перешла изъ устъ народа въ книги, еще не достигла такой степени искусственности, чтобы выраженіе — *пѣть*, встрѣчающееся въ «Словѣ»,

(21) См. его «Пѣснь о Полку Игоря, критическій разборъ», стр. 82—84.

(22) См. его «Руководство къ Познанію Родовъ, Видовъ и Формъ Поэзіи», стр. 205—206.

могло быть употреблено на такомъ же основаніи и въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ оно употреблено, на примѣръ, въ стихѣ Хераскова:

«*Пою* отъ варваровъ Россію свободенну».

Эти смѣлыя предположенія, основанныя на доказательствахъ, можетъ быть, не совсѣмъ ясныхъ, но тѣмъ не менѣе справедливыхъ, навели меня на мысль перевести знаменитую поэму стихами. Ознакомившись съ подлинникомъ, въ чемъ не встрѣтилъ большихъ затрудненій, благодаря обилію выше-поименованныхъ мною переводовъ и критическихъ изслѣдованій, я съ жаромъ принялся за работу и — вскорѣ переводъ мой былъ оконченъ. Теперь онъ предъ судомъ публики. Знаю всю недостаточность моего слабаго труда, внутреннего желаніемъ подѣлиться тѣми пріятными впечатлѣніями, которыя пробудило во мнѣ изученіе этого стариннаго памятника; знаю, что мнѣ не удалось уловить всѣхъ чудныхъ оттѣнковъ подлинника, ярко блистающаго неподдѣльными красками поэзіи, но утѣшаю себя мыслию, что старался, по крайней мѣрѣ, незначительность таланта вознаграждать добросовѣстнымъ изученіемъ и, если не художественною, то возможно-вѣрною передачею неподражаемыхъ красотъ, которыми такъ богато «Слово»; при чемъ старался, по возможности, сохранить тонъ и складъ рѣчи подлинника, составляющіе всю особенность этого древнѣйшаго произведенія нашей письменности. Что же касается подлин-

ника «Слова», то, слѣдуя совѣту г. Востокова⁽²³⁾ и принявъ за основаніе мнѣніе г. Максимовича, изложенное мною выше, я разбилъ его на стихи, подобные стариннымъ малороссійскимъ, а для нагляднаго удобства при чтеніи напечаталъ славянскими (кирилловскими) буквами по пушкинскому изданію.

Не смѣтра на видимую цѣлость и стройность повѣствованія, въ которомъ вездѣ является Игорь, или самъ, какъ дѣйствующее лицо, или какъ предметъ и причина дѣйствія, «Слово о полку Игоря», въ то же время, представляетъ нѣсколько рѣзкихъ переходовъ и отступленій (какъ, на примѣръ, четвертая и девятая пѣсни, посвященныя воспоминанію о минувшемъ), раздѣляющихъ его на нѣсколько (именно двѣнадцать) частей, которыя я, по примѣру г. Сахарова, назвалъ пѣснями.

Отсюда рождается вопросъ: не вошли ли въ составъ «Слова» еще и другіе пѣсни и отрывки, кромѣ тѣхъ, которые самъ сочинитель приписываетъ Бояну⁽²⁴⁾? или даже — не составлено ли оно неизвѣстнымъ пѣвцомъ Игоря, подобно рапсодіямъ Омира, изъ нѣсколькихъ современныхъ пѣсенъ, посвященныхъ злополучному походу Игоря и счастливому его возвращенію на родину?

(23) «Не мѣшало бы, хотя для типографической исправности, чтобъ облегчить читателю отыскиваніе мѣстъ при новомъ изданіи «Слова о полку Игоревѣ», раздѣлить сію древнюю поэму русскую на стихи, подобные библейскимъ.» (Востоковъ).

(24) Мнѣніе Максимовича.

Соображаясь съ духомъ каждой изъ этихъ пѣсней, я старался подобрать соответствующій ей стихотворный размѣръ, чтобы удобнѣе поддѣлаться подъ тонъ его сладко-звучащей рѣчи. Успѣлъ ли я въ томъ — предоставляю судить читателямъ.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о перемѣнахъ и дополненіяхъ, сдѣланныхъ мною въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ предлагаемаго перевода. Приступая ко второму изданію «Игоря», я тщательно пересмотрѣлъ свою книгу и, руководствуясь справедливыми замѣчаніями гг. рецензентовъ, сдѣлалъ необходимыя поправки, при чемъ нѣкоторыя пѣсни перевелъ снова, а въ предисловіи помѣстилъ подробное описаніе самого происшествія, послужившаго пѣвцу Игоря предметомъ для его поэмы. Въ предлагаемомъ нынѣ третьемъ изданіи сдѣланы новыя исправленія, съ цѣлью приблизиться еще болѣе къ подлиннику.

Въ заключеніе приношу мою благодарность гг. рецензентамъ за ихъ лестные отзывы о моемъ трудѣ, что, безъ сомнѣнія, было главною причиною его успѣха. Льщу себя надеждою, что и *третье* изданіе моего перевода встрѣтитъ такой же радушный пріемъ, какъ и два первыя.

Николай Гербель.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

ЗАПѢВЪ.

**Которыи дотечеаше,
Та прѣди пѣсь поше
Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу...**

Не льпо ли ны башеть, братіе,
Иауати старыми словесы
Трѣдныхъ повѣстий
О пълкѣ Игоревѣ,
Игора Святъславича?
Иауати же съ тѣй пѣсни
Що былинамъ сего времени,
А не по замышленю Болюю?

Болю бо вѣщій,
Аще кому хоташе пѣснь творити,
То раетъкашется мыслию по дрекѣ
Сѣрымъ вълкомъ по земли,

Шизымъ орломъ подъ облакы.

Помнашеть бо речь
Първыхъ временихъ зсобицѣ:
Тогда пѣрашеть і соколовъ
На стадо лебедѣи,

Не начать ли стариной,
Братцы, нашего сказанья
Складомъ важнаго преданья,
Какъ князь Игорь удалой —
Святославичъ шоль войной?
И начаться пѣснѣ той
По былинамъ — безъ обмана,
Не по замысламъ Бояна?
Если былъ пѣвецъ Боянъ
Вѣщимъ духомъ обаянъ,
То носился мыслью-птицей
По дубравамъ, по лѣсамъ,
Сѣрымъ волкомъ по полямъ,
Или сизою орлицей
Поднимался къ облакамъ.

А когда о вражделивыхъ
Временахъ онъ вспоминалъ:
Десять соколовъ пускалъ
На лебѣдокъ говорливыхъ,

Который дотечаше,
Тя преди пѣсь поаше
Старомъ Ярославъ,
Храбромъ Мстиславъ,
Нже зарѣза Редѣю
Предъ пѣлки Касожьскими,

Красномъ Романови Святъславную

Божь же, братіе,
Не і соколовъ
На стадо лебедѣй пѣшалше,
Нъ своя вѣща прѣсты
На живаа струны въскладаше;
Они же сами княземъ славъ рокотахъ,
Поунемъ же, братіе, повесть сию
Отъ старго Владимира
До нынешнаго Игоря;
Нже истягивъ змь вѣрностию своею,
Н поостри сердца своего мужествомъ,
Наплънився ратнаго дѣха,
Наведе своя храбрыя пѣкы
На землю Половѣцькюю,
За землю Руськюю.

И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ
То про старца Ярослава¹,
То про храбраго Мстислава²,
Что Косоговъ побѣдилъ,
И Редедю великана
Въ поединкѣ умертвилъ,
То про краснаго Романа³.

Не на стадо лебедей
Нашъ Боянъ — нашъ соловей
Десять соколовъ пускаетъ, —
Онъ перстами пробѣгаетъ
По рокочущимъ струнамъ,
И онѣ ужъ возглашаютъ
Славу доблестнымъ князьямъ.

Такъ начну же наше «Слово»
Отъ Владиміра Святого,
И про Игоря⁴, друзья,
Пѣсней вамъ окончу я,
Какъ, наполнясь духомъ ратнымъ,
Онъ свой разумъ изострилъ,
Словно панциремъ булатнымъ,
Сердце мужествомъ покрылъ,
И за Русь повелъ дружину
Въ половецкую краину.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПЪСНИ ПЕРВОЙ.

¹⁾ Ярославъ Святославичъ, братъ Олега Тмутараканскаго и Романа Святославича Краснаго.

²⁾ Мстиславъ Владиміровичъ Тмутараканскій, дѣдъ Олега. Въ 1022 году, онъ въ единоборствѣ умертвилъ великана и богатыря — касожскаго князя Редедю, и увелъ въ плѣнъ его жену и дѣтей.

³⁾ Романъ Святославичъ Красный, родной братъ Олега Тмутараканскаго, дѣда Игоря. Когда князья разбили Олега въ 1078 году, Романъ немедленно началъ войну, но былъ убитъ въ слѣдующемъ году имъ же нанятыми Половцами; а Олегъ былъ сосланъ на островъ Родосъ.

⁴⁾ Игорь Святославичъ, удѣльный князь Новгорода-Сѣверскаго, сынъ Святослава Ольговича Черниговскаго — герой поэмы. Онъ былъ одаренъ душою мужественною и удалялся козней, свойственныхъ большей части потомковъ Олега.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

ВЪЩЕЕ ЗАТМѢНІЕ.

**Ахъ еже бы потатъ быти,
Иже полонѣнъ быти!**

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце,
И видѣ отъ него тьмою
Вся своя воля прикрыта,
И рече Игорь къ дружинѣ своей:

„Братіе и дружино!

„Лхцежъ бы потатъ быти,

„Неже полоненъ быти:

„А всадемъ, братіе,

„На свои брѣзвыя кони,

„Да позримъ снѣго Дону.“

Спаха Князю змѣ похотѣ,
И жалость емъ знаменіе заступни
Исквсити Дону великаго.

„Хошъ бо, рече, копіе приломити

„Конецъ поля Половецкаго

„Съ вами, Русичи:

Князь Игорь взглянулъ на дневное свѣтило,
И видя, что вмѣсто лучей,
Полки его мглою оно осѣнило,
Промолвилъ дружинѣ своей:

«Не лучше ль погибнуть средь битвы кровавой,
«Чѣмъ даться живому въ полонъ!
«И такъ — на коней и за новою славой —
«Туда, гдѣ синѣется Донъ!»

Въ могучее сердце запало желанье —
Напиться изъ Дона-рѣки:
И доблестный Игорь забылъ предвѣщанье,
Подъ гнѣтомъ душевной тоски.

«Хочу, онъ промолвилъ, о поле чужое —
«Чужой половецкой земли —
«Сломить, вмѣстѣ съ вами, копьѣ боевое,
«Дружина и братья мои!

„Хоцѣ главѣ свою приложити,
„А любо испити
„Шеломомъ Донѣ!“

О Болне,

Соловию стараго времени!
Дбы ты ся плѣкы щекоталъ,
Скауха славию по мысленѣ древѣ,
Летахъ змомъ подѣ облакы,

Свивахъ славы оба полы сего времени,

Рица въ тропѣ Троланю
Уресъ пола на горы.

Пѣти было пѣсь Нгоревн,

Того (Олга) виуку.

Не бѣра соколы

Занесе урезъ пола широкаа:

Галици стады

Бѣжать къ Донѣ великомѣ;

Уни въспѣти было,

Вѣщен Болне,

Велесовъ виуе:

Комони ржѣть за Сялою;

Звенить слава въ Києвѣ;

Трѣбы трѣбать въ Новѣградѣ;

Стоать стази въ Пѣтнвлѣ:

«Хочу положить свои кости за Дономъ —
«На берегѣ дальнемъ его,
«Или, зачерпнувъ золочённымъ шоломомъ,
«Напиться воды изъ него!»

Боянъ вдохновенный! твоими стихами
Приличнѣе пѣть о быломъ,
Носяся умомъ наравнѣ съ облаками,
Порхая лѣснымъ соловьёмъ;

Сличая прошедшую русскую славу
Съ позднѣйшей и мчась по слѣдамъ
Героя Трояна, сквозь боръ и дубраву,
По дебрямъ, полямъ и горамъ:

Тебѣ бы приличнѣе пѣть о героѣ —
Про ольгова внука дѣла!
Не буря изъ родины въ поле чужое
Степныхъ соколѡвъ занесла:

Слетаются галки густыми стадами
На Донъ, изъ невѣдомыхъ странъ...
Или не начать ли такими стихами,
Велесовъ¹ внукъ, вѣщій Боянъ:

Ржутъ борзые кони за тихой Сулѡю;
Въ Новѣ-градѣ² трубы трубятъ;
Прославился Кіевъ счастливой войною;
Въ Путивлѣ знамена шумятъ:

Игорь ждѣтъ мила брата Всеволода.

И рече ему Бѣй Тѣръ Всеволодъ:

„Одинъ братъ, одинъ свѣтъ

„Свѣтлый ты Игорю!

„Оба есте Святъславича!

„Сѣдай, брате,

„Свои брѣзын комони,

„А мои ти готови,

„Осѣдани в Кърьска на переди.

„А мои ти Къряни свѣдоми кѣмети,

„Подъ трѣбами повити,

„Подъ шеломи възмелѣани,

„Конецъ копѣ въскрѣмлени;

„Пѣти нмѣ вѣдоми,

„Дрѣгы нмѣ знаени,

„Дѣци в нихъ напращени,

„Тѣли отворени,

„Сѣбли изѣострени;

„Сами скачють, акы сырн вѣщи, въ поля,

„Ищѣху себе ути, а Князю славу.“

Князь Игорь лишь брата буй-турь³ Всеволода⁴,
Имъ нѣжно любимаго, ждётъ.

И такъ ему молвить любимецъ народа,
Отважный буй-турь Всеволодъ :

— Единственный братъ мой! единая слава!
Свѣтъ свѣтлый — мой Игорь-боецъ!

Не мы ль сыновья одного Святослава?
Не ты ли мой братъ первенецъ?

— Вели — пусть кольчужники снова сѣдлаютъ
Своихъ быстроногихъ коней:

Мои же у Курска тебя поджидаютъ,
Красуясь бронёю своею.

— Куряне жь мои — удалые куряне —

Взлелѣяны въ шлемахъ родныхъ,
Повиты подъ трубными звуками брани
И вскормлены съ копій стальныхъ.

— Дороги знакомы, луки съ тетивами,

Извѣстенъ имъ каждый оврагъ,
Колчаны гремать боевыми стрѣлами,
Булатныя сабли въ рукахъ;

И знаютъ лишь рыскать по чистому полю,

Какъ волки по дебрямъ бродить,
Чтобъ только добыть себѣ чести на долю,
Чтобъ князю почету добыть. —

Тогда вѣстѣни Нгорь Князь въ златъ стремень,

И поѣха по чистомъ полю.

Солнце емъ тьмою пѣть застѣпаше;

Ночь, стонѣщи емъ грозою, птнѣхъ збѣди,

Сквистъ звѣрннѣ къ стази;

Днѣхъ клнѣтъ врѣхъ древа :

Велнтъ послушати

Земли незнаемѣ —

Влѣзѣ, и по морню,

И по Сѣмю, и Сѣрожѣ, и Корсѣню,

И тебѣ, Тъмѣтораканьскый блѣканиѣ.

А Половци неготовами дорогами

Побѣгоша къ Дону великомѣ;

Крыуатъ тѣлѣгы полвнощы,

Рци лебѣди роспѣщенн.

Нгорь къ Дону кон ведетъ;

Уже бо бѣды его пасетъ птнѣхъ;

Подобню влѣци грозѣ всрожатъ по арѣгамѣ;

Орли клектомѣ на кости звѣрн зовѣтъ:

Князь Игорь въ чеканное стремя вступаетъ
И ѣдетъ равниной степной;
Но солнце дорогу ему застилаетъ
Полночною синею тьмой.

Ночь, воемъ грозя ему, птицъ пробуждаетъ,
И ревъ плотоядныхъ звѣрей
Въ окрестныхъ степяхъ, и сова завываетъ
Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей.

Чтобъ вѣлнамъ Сурожа⁵ и — вамъ, поморяне, —
Дать вѣсть за далекой землей,
Корсуню⁶, и идолу въ Тмутаракань⁷,
И Волгъ съ Сулою-рѣкой.

А Половцы по полю тѣсной толпою
Къ великому Дону спѣшатъ;
Какъ рѣзкій крикъ лебедя поздней порою,
Возы ихъ дорогой скрипятъ.

Онъ къ синему Дону свой путь направляетъ
Съ дружиною храброй своей;
Но птицы погибель ему предвѣщаютъ;
Орлы плотоядныхъ звѣрей

Пронзительнымъ крикомъ своимъ вызываютъ
На трупы изъ дебрей лѣсныхъ;
И волки невзгоду на нихъ накликаютъ,
Блуждая въ оврагахъ крутыхъ;

Лисичи брешуть на урьленых циты,

О Руская земле!
Уже за Шеломанемъ еси!

Дльго ноуь мркиеть,
Зара свѣтъ запала,
Мъгла пола покрыла,
Щекоть славій зсне,
Говоръ галнухъ збуди

Русичи великая пола
Урьлеными циты прегородиша,
Ищухи себѣ ути, а Князю славы.

Проснулись лисицы и лаютъ за станомъ —
На красные лаютъ щиты.
Кормилица Русь! уже ты за курганомъ!
Спускается ночь съ высоты;

Заря, чуть мерцаая, вдали догораетъ;
Поля покрываются мглой;
Въ сосѣдномъ лѣсу соловей умолкаетъ;
Крикъ галочій слышенъ порой.

А Русскіе, тѣсно сомкнувшись щитами,
Идутъ по пустыннымъ полямъ —
Добыть себѣ чести стальными мечами,
И славы — отважнымъ князьямъ.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ВТОРОЙ.

1) Велесъ — богъ скотоводства. Почему же здѣсь Боянъ названъ его внукомъ — неизвѣстно, хотя нѣкоторые толкователи «Слова» и силились объяснить эту загадочную фразу.

2) Новгородъ-Стѣверскій — резиденція Игоря, героя поэмы.

3) *Буй-туръ* или *яръ-туръ*, какъ сказано въ «Словѣ», собственно — дикій быкъ или буйволъ (*urus, bubalus*). Нынѣ эта красивая и весьма рѣдкая порода называется — зубрами, и водится въ одной Бѣловѣжской пущѣ (Гродненской губерніи). Здѣсь пѣвецъ Игоря уподобляетъ храбрѣйшаго изъ князей того времени — красивѣйшему и сильнѣйшему изъ животныхъ, то-есть, иносказательно, называетъ его богатыремъ и героемъ.

4) Всеволодъ Святославичъ Курскій и Трубчевскій, меньшей братъ Игоря.

5) Азовское море, или Судакъ въ Крыму.

6) Древній Херсонесъ Таврическій.

7) Тмутаракань былъ княженіемъ нашихъ обдѣленныхъ владѣтелей, и находился гдѣ-то около Азовскаго моря, потому-что въ «Патерикѣ», въ житіи св. Никона, островъ Тамань названъ тмутараканскимъ. По кончинѣ Олега, онъ былъ завоеванъ Половцами.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

ПОВѢДА.

**ТѢ СЯ БОШЕМЪ ПРИЛАМАТИ!
ТѢ СЯ СЛАМАМЪ ПОТРУУАТИ!**

Съ зрания бѣ паткѣ
Потопаша поганыхъ
Плѣкы Половецкыя;
И расцвѣла стрѣлами по полю,
Помудаша красныхъ
Дѣвки Половецкыя,
А съ ними золото и паволоки
И драгыхъ оксамиты.

Орѣтѣлами и аюунѣдами и кожѣхы
Паудаша мосты мостити
По болотомѣ и грязнымѣ мѣстомѣ.
И всякыми взорухы Половецкыми.
Урьленѣ стагѣ, бѣла хорюговѣ,
Урьленѣ уолка, сребрено стрѣжѣе —
Храбромѣ Сватѣславную.

Дремлетѣ въ полѣ Ольгово
Хороброе гнѣздо...
Далеуе залетѣло...

Въ пятницу утромъ они потоптали полки нече-
стивыхъ

Половцевъ, и, разсыпаясь стрѣлами по чистому
полю,

Вихремъ помчали пригожихъ дѣвицъ половец-
кихъ, а съ ними

Золото, бархатъ цвѣтной и парчу дорогую.
Плащами,

Юртами и кожухами и всякою вражьей одѣ-
жей

Стали болота и топи гатить. Багряная чолка¹,

Красное знамя, хоругвь² и древко чеканной
работы —

Все досталось отважному Игорю.

Дремлетъ

среди поля

Ольгово храброе въ битвахъ гнѣздо; далеко за-
летѣло...

Ис былонъ обидѣ порождено —

Или соколъ, или креуется,
Или тебѣ, урѣный воронъ,
Поганыи Половунне.

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вѣнкомъ;
Конуакъ емъ слѣдъ править
Къ Дону великомъ.

Другаго дни велии рано
Кровакыи зори свѣтъ повѣдуютъ;
Урѣныи твѣмъ съ мора идѣтъ,
Хотатъ прикрыти дѣ солнца:
А въ нихъ трепещутъ синии мѣльни;

Быти громъ великомъ,
Итти дождю стрѣлами
Съ Дону великаго:

Тѣ съ копиемъ приидати,
Тѣ съ сабламъ потрѣвати
О шеломы Половецкыи,
На рѣцѣ на Камлѣ,
У Дону великаго,
О, Руская земля!

Уже не Шеломанемъ еси.
Се вѣтри, Стрибожи вѣтри,
Вѣютъ съ мора стрѣлами
На храбрыи плѣкы Игоревы!
Земля тѣтнеть,
Рѣкы мѣтно текѣтъ;

Пороси поля прикрываютъ;
Стази глаголютъ :

Половци идуть отъ Дона и отъ моря,
И отъ всехъ странъ.

Рускыя плѣкы отступивша.

Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородивша
А храбрии Русци
Преградивша урѣлеными щиты.

Аръ тѣре Всеволодѣ!

Стонши на борони,

Прыщени на вои стрѣлами,

Гремлени о шелома

Меун харалужными.

Камо Тѣрѣ поскоюаше,

Своимъ златымъ шеломомъ посвѣтункад,

Тамо лежать поганыхъ

Головы Половецкыя;

Поскелданы саблами калеными

Шелома Оварьскыя

Отъ тебе Аръ Тѣре Всеволоде!

Каа раны дорога, братиѣ,

Забывъ ути и живота,

И града Урѣнигова,

Отид злата стола,

И своя милыя хоти красныя Глѣбовиы

Свыуда и обыуда?

Пыль, и лепечуть знамёна: то Половцы идутъ
отъ Дона,

Идутъ отъ моря, отъсюду и наши полки окру-
жаютъ.

Бѣсовы дѣти кликомъ побѣднымъ поля огра-
дили;

Русское жь войско щитами червленными ихъ
заслонило.

Всеволодъ буйный! ты бьешься въ переднемъ от-
рядѣ, стрѣлами

Прыщешь на хищныхъ враговъ и гремишь объ
ихъ шлемы мечами;

Гдѣ ни появишься ты, богатырь, золоченымъ
шеломомъ

Блеща, тамъ въ прахѣ лежатъ половецкія голо-
вы грудой;

Тамъ, пополамъ разсѣченныя саблей булатной
твоею,

Всеволодъ доблестный! падаютъ въ прахъ ихъ
аварскіе шлемы.

Братцы! какой побойтся онъ раны, когда онъ
для славы

Все позабылъ — и почетъ, и веселую жизнь, и
Черниговъ

Городъ, и отчій престоль золотой, и своей не-
наглядной

Глѣбовны⁶ — милой супруги, привѣтъ и обыч-
ныя ласки?

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ТРЕТЬЕЙ.

1) Вѣроятно то же, что турецкій бунчукъ, то-есть — знамя съ навязанными на немъ конскими волосами, потому-что у насъ и теперь часть конской гривы называютъ чолкою.

2) «Хорюговъ — знамя Спаса или Святаго, покровителя войска». (Вельтманъ).

3) Гзакъ и Кончакъ — ханы половецкіе.

4) «Для пѣвца Игорева вещественный, неодушевленный міръ — образъ міра духовнаго: *черныя тучи* — Половцы, *четыре солнца* — четыре князя дружины игоровой, т. е. самъ онъ, братъ его Всеволодъ Трубчевскій, ихъ племянникъ Святославъ Ольговичъ Рыльскій и Владиміръ Путивльскій, сынъ Игоря». (Дубенскій).

5) Стрибогъ, онъ же Позвиздъ, славянскій Эолъ, богъ бурь и непогодъ.

6) Ольга Глѣбовна — супруга Всеволода, дочь князя Глѣба Юрьевича Кіевскаго и сестра Владиміра Глѣбовича Переяславскаго.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОСПОМНАНІЕ ПѢВЦА ОБЪ УСОБИЦАХЪ.

Погнбашеть жизнь Дждь-Божа внякх.

Были вѣун Тролин,
Минѹла лѣта Ярославѹ;
Были плѣци Олговы,
Ольга Свѣтѣславнѹ.

Тѣи бо Олегѣ

Меѹемѣ крамоуѣ ковшѣ,
И стрѣлы по землѣ свѣше,
Стѣпаеѣтѣ въ златѣ стремень
Вѣ градѣ Тымѣтороканѣ.

Тоже званѣ слыша

Давнѣи велнкѣи

Ярославѣ сынѣ Всеволожь;
А Владимѣрѣ по всѣ утра
Уши закладашѣ въ Черниговѣ.

Борисѣ же Вячеславнѹ

Слава на сѣдѣ приведе,

И на каннѣхъ зеленѣхъ паполонѣхъ постанѣ,
За обидѣхъ Олговыѣ

Прошли трояновы вѣка,
Минуло время Ярослава,
Не стало ѡльгова полка —
Олега ¹ сына Святослава:
Мечёмъ крамолы онъ коваль,
Стрѣлами землю засѣваль.

Когда въ родномъ Тмутаракани
Онъ въ стремя бранное вступаль,
Тогда призывнымъ звукамъ брани
Великій Всеволодъ внималь,
Межь тѣмъ, какъ каждою зарёю
Въ своихъ твердыняхъ, за Десною,
Владиміръ ² уши затыкаль.

И привела на судъ свой слава
Бориса ³, сына Вячеслава,
И положила на коверъ —
На бархатъ конскаго покова —

Храбра и млада Кнѣзѣ.

Съ тоѣже Кнѣзѣ

Свѣтоплѣкъ повелѣѣ отца своего
Междю Угорьскими ипоходьци
Ко Свѣтѣи Софѣи къ Кіевѣ.

Тогда при Олзѣ Гориславичи

Сѣшеться и расташеть зсобицами;

Погнѣшеть жизнь Дѣждь-Божа вѣзка,
Въ Кнѣжнихъ крамолахъ
Вѣци челоуѣкомъ скратншася.

Тогда по Рѣской земли

Рѣтко ратѣвѣ кнѣжѣхъ:

Иъ чѣсто врами грахѣхъ,

Трѣпѣ себѣ дѣлае;

А галици свою рѣчь говорѣхъ,

Хотѣть полетѣти на зѣдѣ.

То было въ ты рати, и въ ты плѣкы

А сице и рати не слышано:

За оскорбленье, за позоръ
Олега князя молодого.
И Святополкъ⁴ съ Каялы прямо
Велѣлъ отца священный прахъ
Поднять на угорскихъ⁵ коняхъ
Къ стѣнамъ софіевского храма.

Такъ при Олегѣ молодомъ —
При Гориславичѣ⁶ — кругомъ
Междоусобья застѣвались,
Всходили — горемъ разростались;
И погибала жизнь людей —
Внучать могучаго Дажь-бога⁷,
И сокращалася на много
Въ междоусобіяхъ князей.
Въ то время рѣдко оглашали
Равнины пѣсни поселянъ;
Но часто вѣроны кричали,
Терзая трупы христіанъ;
А галки въ полѣ собирались,
И на пиру родныхъ полянъ
Между собой перекликались.

Не разъ гремѣлъ побѣдный громъ,
И битвы лютыя бывали;
Но о сраженіи такомъ
Еще на Русси не слыхали:

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПЪСНИ ЧЕТВЕРТОЙ.

1) Олегъ Святославичъ, дѣдъ Игоря — героя поэмы, бывшій, вмѣстѣ съ своимъ крамольнымъ братомъ Романомъ Святославичемъ Краснымъ, главнымъ виновникомъ междоусобныхъ войнъ того времени.

2) Владиміръ Мономахъ.

3) Борисъ Вячеславичъ, сынъ Вячеслава Ярославича Смоленскаго. Былъ убитъ въ 1078 году, въ сраженіи при селѣ Нѣжатиѣ (Нѣжинѣ).

4) Святополкъ Изяславичъ, сынъ великаго князя Изяслава, убитаго на Нѣжатиной нивѣ.

5) Угорскихъ — венгерскихъ.

6) Пѣвецъ Игоря того же Олега Святославича (см. примѣч. 1-е) называетъ отъ себя — *Гориславичемъ*, какъ названа Рогнѣда, супруга Владиміра I, *Гориславою*.

7) Этимъ именемъ назывался кумиръ, боготворимый нѣкогда въ Кіевѣ. По мнѣнію графа Мусина-Пушкина, «пользовавшіеся благоденствіемъ, какъ даромъ даждь-божіевымъ, назывались его внуками».

ПЬЕСНЬ ПЯТАЯ.

ПОРАЖЕНІЕ.

**Уто ми шѣмнть,
Уто ми звеннть
Далеуа рано предѣ зорами?**

Съ зараниа до веуера,
Съ веуера до свѣта
Летать стрѣлы каленыя,
Гримлють сабли о шеломы,
Трещать коня харалужныя.

Въ полѣ незнаемъ
Среди земли Половецкыи,

Урѣна земля подъ копыты,
Костыни была посѣяна,
А кровню польана:

Тягою въздоша по Руской земли.

Уто ми шумить,
Уто ми звенить
Далеуа рачо предъ зорамн?

Вплоть до вечера съ разсвѣта,
И отъ вечера до свѣта
Копья крѣпкія трещать,
Свищутъ стрѣлы каленія,
Сабли острыя гремятъ
О шеломы боевыя,
Средь невѣдомыхъ полей
Половецкихъ дикарей.

Поле взрыто копытами,
Вкругъ засѣяно костями,
И была поляна та
Теплой кровью политà :
И надъ русскою землєю
Тотъ посѣвъъ возошоль бѣдою.

Что за топоть, что за звонъ¹
Рано утромъ, предъ зарёю?

Игорь плькы заворачаетъ :

Жаль бо емъ мида брата Всеволода.

Бишася день,
Бишася дръгый :

Третьаго дни къ полуднию
Подоша стазн Игоревы.

Тъ са брата разлвунста
На брезѣ быстрой Камлы.

Тъ кроваваго вина не доста;

Тъ пиръ докончаша
Храбри Ръснунъ :

Сваты попонша,
А сами полегоша
За землю Ръскую.

Иунтъ трава жалошамн,

А древо стъгою
Къ земли преклонилось.

Это Игорь! — это онъ
Вновь полки сзываетъ къ бою :
Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего.

Бились, полные отваги,
Бились день, за нимъ другой —
А на третій, предъ зарёй,
Пали княжескіе стяги²:
И опять разлучены
Братья жребіемъ войны,
Тамъ, гдѣ пѣнится Каяла³.
Чаша выпита до дна! ...
Тамъ кроваваго вина
Не хватило, не достало!
Тамъ — у вражеской рѣки —
Наши братья-земляки
Пиръ кровавый довершили,
Жданныхъ сватовъ напоили,
И за честь своей земли
Сами трупами легли.

Вянетъ на полѣ былина
Подъ кручиною-тоской,
И къ землѣ тоска-кручина
Клонить яворъ молодой.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ПЯТОЙ.

1) Подъ словомъ «звонъ» надобно понимать звукъ трубъ военныхъ, а не колоколовъ. *Звонить* значило сзывать народъ на вѣче, дружину на рать; а *звонъ слышать* — идти на зовъ, готовиться къ оборонѣ.

2) *Стягъ* — главное войсковое, сборное знамя

3) *Нынѣшній Катальникъ*, впадающій въ Азовское море.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

ПЛАЧЬ ПЕРВАЯ.

Тоска разлилась по Руской земли.

Уже бо, братіе,
Не весела годна встала,
Уже пустыни силъ прикрыла.
Встала обида
Въ силахъ Дажь-Божа княка.
Вступилъ дѣвою
На землю Троаию,
Всплескала лебедними крылы
На снемъ море в Дону плещуні:

Убѣди жирна времена.

Усобица Княземъ на поганыхъ погыбе,

Рекоста бо братъ братъ:
Се мое, а то моеже;
И науща Князи про малое —
Се великое мльвити,

Наступило, братцы, времечко,
Наступило не веселое:
Степь прикрыла силу ратную.
«Возстаетъ обида кровная
«Въ силахъ племени даждь-божьяго,
«Разражается несчастьями;
«И вступивши на троянову
«Землю дѣвой — громко крыльями
«Запескала лебедиными
«На Дону, у моря синяго:
«Пробудила время тяжкое!

Нѣтъ въ князьяхъ единомыслія
На поганныхъ — вмѣсто дружества,
Сталъ братъ брату поговаривать:
«То мое, мое и это все!»
Стали спорить межъ собой князья
За пустое, какъ за важное,

А сами на себѣ крамолѣ ковати:
А поганин съ всехъ странъ
Приходяхъ съ побѣдами
На землю Рускую.

О! далеуе зайде соколъ,
Птиць бѣа къ морю:
А Нгоревѣ хребраго
Плѣкъ не крѣсити.

За нимъ кликиѣ Карна и Жла,
Поскоун по Руской земли,
Смагъ мыуюун
Въ пламанѣ розѣ.

Жены Рускіа въсплакашасъ,
Аркъун:

„Уже нлмѣ своихъ млыхъ ладѣ
„Ни мыслию смыслити,
„Ни дѣмою сдѣматн,
„Ни оунма съгладати,
„А злата и сребра
„Ни мало того потрепати.“

А вѣстона бо, братіе,
Кіевъ тѣгою,
А Черинговъ напастьми;
Тоска разліася по Руской земли;
Печаль жирна теуе средѣ земли Рускыи.
А Князи сами на себе крамолѣ ковахъ;

И крамолу на себя ковать.
А поганые со всехъ сторонъ
Между тѣмъ, какъ побѣдители,
Приходили въ землю русскую.

О! далеко залетѣлъ соколъ,
Птицъ сгоняя къ морю синему:
Ужь дружинѣ храброй Игоря
Не воскреснуть. По слѣдамъ ея
Жля и Карна¹ громко крикнули,
Понеслись землею русскою,
И изъ рога огне-мѣтнаго
Извергали пламя лютое.

Зарыдали жены русскія,
Приговаривая жалобно:
«Видно ужъ не взмыслить мыслию,
«Видно ужъ не вздумать думою,
«Ни очами, видно, болѣе
«Не увидѣтъ намъ мужей своихъ;
«А серебромъ и звонкимъ золотомъ
«Не брэнчать намъ, не побрякивать!»

Возстоналъ такъ Кіевъ скорбію,
А Черниговъ подъ напастями;
Разлилась тоска тяжелая
По Руси, и горе лютое
Затопило землю русскую.
А межъ-тѣмъ, какъ князья русскіе

А поганин сами побѣдами нарицѣше
На Рускую землю,
Смлаху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тин бо два храбраа Святъславнуа,
Игорь и Всеволодъ
Уже лжѣ збѣди,
Которю то баше
Успилъ отецъ ихъ
Святъславъ грозный
Великый Кіевскый.

Грозою башеть,
Притрепеталъ своимн сильнымн плькы
И харалужнымн меун;

Ихъ стѣпи на землю Половецкую,
Притопта хльми и арѣгы,
Взмѣти рѣки и озера,
Ихъ свши потоки и болота,

А поганиаго Кобакъ изъ лѣкѣ мора
Отъ желѣзныхъ, великихъ
Пльковъ Половецкихъ,
Ако вихрь, выторже:

И надеса Кобакъ въ градъ Кіевъ,
Въ гридницѣ Святъславни.

Межь собою только ссорились,
Наши вороги поганые
Приходили въ землю русскую,
И съ дворовъ, какъ побѣдители,
Собирали дань постыдную —
По одной по бѣлкѣ² съ каждаго.
Потому-что Святославичи —
Всеволодъ и Игорь храбрые —
Вновь вражду неукротимую
Пробудили — ту, которую
Усыпиль-было родитель ихъ³,
Святославъ Великій, Кіевскій.

Онъ заставилъ хищныхъ Половцевъ
Трепетать, какъ передъ бурей,
Предъ своею ратью сильною —
Передъ саблями булатными.
Наступилъ ногою твердою
Онъ на землю половецкую,
Притопталъ холмы съ оврагами,
Возмутилъ озёра съ рѣками,
Изсушилъ ключи съ болотами,
И исторгъ изъ лукоморія⁴
Кобяка⁵ ихъ нечестиваго,
Изъ середины половецкаго
Войска — сильнаго, несмѣтнаго:
И Кобякъ безсильнымъ плѣнникомъ
Очутился въ стольномъ Кіевѣ,
Во дворцѣ велико-княжескомъ.

Тѣ Нѣмци и Венедици,
Тѣ Греци и Моравя
Поютъ славѣ Свѣтѣславлю,
Кляють Князя Нгора,
Нже погрѣзи жирѣ
Во днѣ Камлы
Рѣкы Половецкя,
Рѣскаго злата насыпаша.
Тѣ Нгорь Князь
Кысѣдѣ изъ сѣдла злата,
А въ сѣдло Кошѣево.
Уныша бо градомъ забрамы,
А веселіе поннуе.

Греки и купцы нѣмецкіе,
И Моравцы съ Венеційцами
Пѣли славу святославоу
И хулили князя Игоря,
Потопившаго въ Каяль-рѣкѣ
Половецкой силу ратную,
Вмѣстѣ съ кровнымъ русскимъ золотомъ;
Гдѣ онъ — храбрый Игорь Сѣверскій —
Изъ сѣдла раззолочёнаго
Пересѣлъ въ сѣдло полонника.

Приуныли стѣны крѣпкія,
Омрачилось веселіе.

ПРИМЪЧАНІЯ

къ пѣсни шестой.

- 1) Жля и Карна — ханы половецкіе.
- 2) Половцы, полагая дань съ двора, вѣроятно брали шкурами бѣлокъ, какъ и нынѣ собирается дань съ кочующихъ народовъ Сибири кунницами, бѣлками, соболями. Хотя въ то время, кромѣ иностранныхъ монетъ, были и русскія деньги въ обращеніи, но ихъ такъ было мало, что въ торговлѣ замѣняли ихъ шкурами дорогихъ звѣрей.
- 3) Здѣсь великій князь Кіевскій Святославъ III названъ отцомъ Игоря и Всеволода — по старшинству, хотя, собственно, онъ былъ ихъ двоюроднымъ братомъ.
- 4) Такъ назывался морской *излучистый* берегъ, имѣющій видъ *лука* или дуги. Одна изъ ордъ половецкихъ, обитавшая близъ лукоморія, называлась — лукоморскою.
- 5) Ханъ половецкій, взятый въ плѣнъ Святославомъ за годъ до похода Игоря.

ИЮСНЬ СЕДЬМАЯ.

СОНЪ СВЯТОСЛАВА.

**Два солнца померкоста,
Ова багряна стѣла погасоста.**

А Свѣтъславъ мѣтенъ сонъ видѣ:

„Въ Кіевѣ на горахъ

„Си ноуь съ веуера

„Одѣвахъте ма, реуе,

„Урѣною наполомою,

„На кровати тисокѣ.

„Урѣпахъте ми снѣе вино

„Съ трѣдомъ смѣшено;

„Сыпахъте ми тѣщими тѣлы

„Поганыхъ тѣковниъ

„Великый женуюгъ на доно,

„И вефѣютъ ма.

„Уже дѣскы безъ кнѣса

„В моемъ теремѣ златоврѣсѣмъ.

„Всю ноуь съ веуера

„Босѣви врани възграхъ,

„У Пльснѣска на болони

„Бѣша дѣбрь Кисаю,

„И не сошлю къ снѣмѣ морю.“

Худой Святославу привидѣлся сонъ:

«Мнѣ снилось (разсказывалъ онъ),
«Что будто бы въ полночь, на ложѣ тесовомъ,
«Въ горахъ надъ Днѣпромъ,
«Меня одѣвали вы чернымъ покровомъ,
«И съ синимъ виномъ
«Отраву мѣшали,
«И тѣмъ ядовитымъ виномъ угощали;
«И будто бы жемчугъ колянѣмъ пустымъ
«Изъ раковинъ черпали вы чередою,
«И тѣмъ жемчугѣмъ дорогимъ
«Меня осыпали, смѣясь надо мною;
«И что въ златоверхихъ палатахъ моихъ
«Безъ матицы доски лежали.

«А бѣсовы вѣроны — дебрей глухихъ —
«Всю ночь, до разсвѣта, у Пльнска¹ кричали
«На выгонѣ злчныхъ луговъ городскихъ,
«И прочь не летѣли на синее море!»

И ркоша болре Князю :

„Уже, княже, твга змь полонила;

„Се бо два сокола сътѣста

„Съ отна стола злата,

„Понскати града Тымзторокана,

„А любо испити шеломомь Донѣ.

„Уже соколома крильца

„Принѣшали поганихъ съблами,

„А самаю оязстоша

„Въ пѣтины желѣзны.

„Темно бо бѣ въ г̄ день :

„Два солнца помѣроста,

„Оба багрная стѣпа погасоста,

„И съ нимъ молодая мѣсяца —

„Олегъ и Святъславъ тѣмою съ поволокоста.

„На рѣцѣ на Камлѣ тьма свѣтъ покрыва :

„По Рѣскон земли прострошася Половци,

„Аки пардѣже гнѣздо,

„И въ морѣ погрѣзоста,

„И великое бѣство поддсть Хиновн.

„Уже спесеса хвала на хвалѣ;

„Уже треснѣ нужда на волю;

„Уже вѣжеся днѣ на землю.

— Увы! одолѣло насъ лютое горе!

(Бояре въ отвѣтъ) —

Два сокола ясныхъ, какъ утренній свѣтъ,

Слетѣли съ родного

Стола золотого,

Собрались на брань —

Добыть изъ полона

Наслѣдственный Тмутаракань,

Иль шлемомъ напиться изъ Дона.

Но крылья соколии ихъ

Враги обрубил мечами,

А буйныхъ самихъ

Опутали крѣпко цѣпами.

На третій день утро смѣнилось мглой,

Померкли два солнца подъ ризой ночью,

А съ ними потухли два мѣсяца ясныхъ —

Олегъ съ Святославомъ — два князя прекрасныхъ

Заря на Каялѣ погасла во мглѣ:

Какъ барсы степные,

Разсѣялись Пѣловцы злые

По русской землѣ,

Въ пучину несчастій её погрузили —

И хана на новую брань возбудили.

Хула помрачила хвалу,

Предъ силою воля склонилась,

И диво-сова, сквозь полночную мглу,

На землю спустилась...

„Се бо Готскія красныя дѣвы
„Въспѣша на брезѣ синемѣ морю;
„Звона Рѣскимъ златомъ,
„Поютъ время Бѣсово,
„Лелѣютъ мечь Шароканю.
„А мы зѣже дружина жадни веселія.“

Тогда Великій Святславъ
Изрони злато слово слезами смѣшено,
И рече:
„О мой сыновѣхъ Игорю и Всеволоде!
„Рано еста наудала
„Половецкѣю землю мѣхи цвѣлнн,
„А себѣ славы искати.
„Иъ неустно одолѣсте:
„Неустно бо кровь поганю проліасте.
„Влаю храбраа сердца
„Въ жестоцемъ харалѣзѣ скована,
„А въ бѣсти заклена.
„Се ли створнсте моей сребреней сѣдннѣ!
„А зѣже не внждѣ власти сильнаго, и богатаго,
„И многовон брата моего Ярославъ,
„Съ Уеринговьскимн былами,
„Съ Могѣты, и съ Татраны, и съ Шельбнры,
„И съ Топудкы, и съ Ревѣгы, и съ Ольберы.
„Тн бо бес цнтовъ съ заспожннкы
„Кланкомъ плѣкы побѣждають,
„Звонаун въ прадѣдннюю славу.

Чу! готскія² дѣвы у моря запѣли
 Про Буса³ — бойца своего,
Про мечь шароканову⁴, время его,
 И золотомъ русскимъ звенѣли.
А вѣрной дружинѣ твоей суждено
 Знать горькое-горе одно! —

А князь отвѣчалъ имъ такими рѣчами,
Мѣшая слова золотыя съ слезами:
«О Игорь и Всеволодъ — дѣти мои!
«Не впору вы противъ земли половецкой
 «Мечи обнажили свои,
«Гоняясь за славой — молвой молодецкой;
«Безславно своихъ побѣдили враговъ,
«Безславно поганую прѣлили кровь.
«Изъ стали сердца ваши скованы были,
«А время и мужество ихъ закалили....
«И этого ль могъ ожидать я отъ васъ,
«На старости лѣтъ сѣдиной серебрясь?

 «И вотъ ужъ враги полонили
«Одну изъ сильнѣйшихъ моихъ областей!
«Гдѣ братъ мой отважный съ отрядами былей⁵,
 «Съ черниговской ратью своей?
«Гдѣ наши могуты, татраны, ревуги,
«Шельбиры, топчаки, ольберы⁶? гдѣ други,
«Они — побѣждавшіе крикомъ враговъ,
«Съ одними ножами, безъ крѣпкихъ щитовъ,
 «Гремѣвшіе дѣдовской славой?

„Нъ рекосте: мѣ жа нмѣса самн,
„Преднюю славу самн похитимъ,
„А заднюю са самн поделимъ.

„А уи диво са, братіе,

„Старѣ помолодити?

„Колн соколъ въ мытѣхъ бывлетъ,

„Высоко птиць възбнвлетъ;

„Не дастъ гнѣзда своего въ обидѣ.

„Нъ се зло Княже ми не пособіе;

„На инуе са годныи обратиша.

Се в Римъ кричатъ

Подъ саблами Половецкыми,

А Володимиръ подъ ранами.

Тѣга и тоска сынѣ Глебовѣ!

«Но вы говорили: «на подвигъ кровавый
««Одни мы пойдёмъ, какъ въ минувшіе дни,
««Прошедшую славу добудемъ одни,
««Одни и грядущей подѣлимся славой!»
«А развѣ нельзя на своемъ на вѣку
 «Быть вновь молодымъ старику?
 «Когда ясный соколъ линяетъ,
 «Онъ птицъ высоко загоняетъ,
 «И ужь никогда
«Въ обиду не дастъ дорогого гнѣзда.
«Теперь и князя мнѣ не помощь — а бремя:
«Такъ все измѣняетъ крылатое время!»

Подъ саблями стонетъ безпомощный Римъ⁷,
А съ нимъ и Владиміръ⁸, болѣзнью томимъ.
Нѣтъ, видно печаль и кручина
Удѣлъ беззащитнаго глѣбова сына!

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПЪСНИ СЕДЬМОЙ.

- 1) Пльнскъ — нынѣшній Пльсковъ (въ Галиціи).
- 2) Готы еще въ III вѣкѣ поселились въ Тавридѣ и были, около 1050 года, покорены Половцами. Послѣ этого понятно, почему побѣда, одержанная Половцами, могла доставить готскимъ дѣвамъ русское золото.
- 3) « Не назывался ли *Бусомъ* въ простонародіи *Болушъ*, ханъ половецкій, подъ предводительствомъ котораго, въ 1055 году, Половцы входили первый разъ въ область Переяславскую? » (Дубенскій).
- 4) Шароканъ или Шаракунъ — извѣстный полководецъ половецкій.
- 5) *Черниговскіе были*, какъ сказано въ «Словѣ», вѣроятно то же, что у лѣтописцевъ — *ковуи черниговскіе*. Ковуями же, какъ извѣстно, назывались наемныя дружины Торковъ и Берендѣевъ, служившихъ черниговскимъ и другимъ князьямъ, и составлявшія особые отряды.
- 6) Вѣроятно особые отряды войскъ, названные по именамъ вождей, ими начальствовавшихъ. Такъ, на примѣръ, дружины Торковъ и Берендѣевъ назывались иногда по именамъ ихъ хановъ. То же, что у лѣтописцевъ: *ковуи черниговскіе*, *бастьева чадь*, *каепичи* и проч.
- 7) Ромны.
- 8) Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій, сынъ Глѣба Юрьевича и родной братъ супруги буй-туръ Всеволода — Ольги Глѣбовны.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ КНЯЗЬЯМЪ.

.....рыкають,
Аки тѣри ранены
Єаблами каменными,
На поляхъ незидемъ.

Великый Княже Всеволоде!

Не мыслю ти прелетѣти издалека
Отна злата стола поблюсти?

Ты бо можешн
Волгѣ веслы раскропити,

А Донѣ шелома выльати.

Аже бы ты былъ,

То была бы Чага по ногатѣ,
А Кошей по резанѣ.

Ты бо можешн посухѣ
Живыми шерешны стрѣлати --

Удалыми сыны Глебовы.

Великій князь Всеволодъ ¹ храбрый!
Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
Не мчишься грозой на защиту
Престола отца своего?

Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать веслами лодей,
И вычерпать Донъ необъятный
Шеломами рати своей.

Когда бъ ты былъ здѣсь — по ногатѣ ²
Скупать бы мы плѣнныхъ могли,
Платили бъ по мелкой резани
За дѣвѣ половецкой земли.

Ты можешь стрѣлять и на сушѣ
Огнемъ самопаловъ живыхъ:
Потомками Глѣба ³, семьёю
Его сыновей удалыхъ.

Ты бѣи Рюриче и Давыде!

Не вѣю ли зладуеными шеломи

По крови плаваши?

Не вѣю ли храбрая

Дрѣжина рыкають,

Аки тѣри ранены

Славами каеными,

На полѣ незнаемъ?

Встѣпнѣ Господина

Въ злата стремя —

За обиду сего времени;

За землю Рускую,

За рѣны Игоревы,

Бѣего Святславнѣ!

Галнѣки Осмомыслѣ Ярославѣ!

Высоко сѣдиши

На своемъ златокованнѣмъ столѣ.

Подперѣ горы Угорскыи

Своими желѣзными плѣки,

Застѣпнѣ Королевнѣ пѣть,

Затвори въ Дунаю ворота,

Меѣа бремены урезѣ облаки,

Сѣды радѣ до Дунаѣ.

Ты, Рюрикъ ⁴, отважный и буйный!
И ты, князь Давыдъ молодой!
Не ваши ль златые шеломы
Забрызганы кровью чужой?

Не ваши ль дружины рыкаютъ
Среди незнакомыхъ полей,
Подобно израненнымъ турамъ
Концами калёныхъ мечей?

Скорѣй въ стремяна золотыя
Вступайте — и вихремъ за Донъ!
За русскую землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

А ты, Ярославъ ⁵ именитый,
Князь Галицкій — славный умомъ!
Высоко сидишь на престолѣ,
Престолѣ своемъ золотомъ:

Карпатскія горы могучей
Дружиной своей оградилъ;
Метая каменя за тучи,
Ты путь королю ⁶ заступилъ;

Замкнулъ, затворилъ воротами
Дуная широкую пасть,
И, правя суды до Дуная,
Далеко простеръ свою власть.

Грозы твоа по землямъ текуть ;

Оттвориши Кіевъ врата ;

Стрѣлѣши съ отна злата стола

Салтани за землями.

Стрѣлай, Господине, Конудка,

Поганого Кошея —

За землю Рускую,

За раны Игоревы,

Бѣего Святславнуа!

А ты бѣи Романе и Мстиславе !

Храбрая мысль носить

Васъ зми на дѣло.

Высоко плаваеши

На дѣло въ бѣсти,

Ако соколъ на вѣтрехъ ширлеса,

Хота птицю въ бѣствѣ одолѣти.

Суть бо ѱ ваю желѣзныи панорзи

Подъ шеломи латинскими.

Тѣми тресну земла,

И многи страны Хинова.

Молва о дѣлахъ твоихъ славныхъ
Гремитъ по далекимъ землямъ,
И къ Кіеву путь пролагаетъ,
Къ его золотымъ воротамъ.

Высоко сидя на отцовскомъ
Золоченомъ-пышно столѣ,
Стрѣляешь могучихъ салтановъ
За моремъ, въ далекой землѣ.

Направь свои стрѣлы въ Кончака!
Пусть мщенье извѣдаетъ онъ —
За русскую землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

И вы, храбрецы удалые,
Романъ⁷ и Мстиславъ⁸ молодой!
Мечтая о подвигахъ ратныхъ,
Вы смѣло кидаетесь въ бой;

Однажды рѣшившись, отважно,
Стремитесь вы къ цѣли своей,
Какъ соколъ, что въ небѣ ширяетъ,
Чтобъ птицу настигнуть вѣрнѣй;

Затѣмъ, что латинскіе шлемы
И латы на вашихъ плечахъ:
Ужъ многія ханскія земли
Предъ ними распалися въ прахъ.

Анѣа, Атвazi, Деремела и Половци
Сълицѣ своя покрѣгоща,
А главы своя поклониша
Подъ тын меун харалужныи.

Иъ вже Киаже Нгорю
Утрпѣ солнцю свѣтъ,
А древо не бологомъ листвиѣ срони:

По Руси, по Съли
Гради поделиша;
А Нгорева храбраго
Плъкъ не крѣсити.

Доиъ ти Киаже клануѣтъ,
И зоветъ Киази на побѣдѣ.
Олговнуи храбрыи Киази
Доспѣли на брань.

Ииъгварь и Всеволодъ,
И вси три Мстиславнуи,
Не хѣда гнѣзда шестокрилицѣ,

Непобѣдыи жребии
Собѣ власти расхытнѣте?
Кое ваши златыи шеломы
И сълицѣ Ларкии и шиты?
Загородите полю ворота

Ятвяги⁹, Литва, Деремела¹⁰,
И орды степныхъ дикарей
Повергли оружье, склонились
Подъ гнётомъ булатныхъ мечей.

Князья! ужь померкъ невозвратно
Для Игоря солнечный свѣтъ,
И листья опали съ деревьевъ,
Какъ-будто въ предвѣстіе бѣдъ:

Ужè городà подѣлили
По Роси-рѣкѣ и Сулѣ;
А Игоря храброй дружинѣ
Спать сномъ непробуднымъ въ землѣ.

Князья, синій Донъ на побѣду
Зоветъ васъ, вздымая волну!
Отважныя ольговы дѣти
Готовы идти на войну.

О Ингварь и Всеволодъ¹¹ буйный!
И вмѣстѣ три брата лихихъ
Мстиславича, — вы шестокрыльцы
Гнѣзда славныхъ предковъ своихъ!

Не жребьемъ побѣднымъ достигли
Вы власти — желанной меты, —
Къ чему же вамъ ляшскія копья,
Златые шеломы, щиты?

Своими острыми стрѣлами —
За землю Русскую,
За раны Игоревы,
Бжего Святъславича!

Свои воротà оградите
Стрѣлами отъ вражьихъ племёнъ —
За русскую землю, за раны,
За игоревъ тяжкій полонъ!

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПЪСНИ ОСЬМОЙ.

1) Всеволодъ Юрьевичъ — великій князь Владимірскій на Клязьмѣ, въ княженіе котораго былъ походъ игоревъ; родной дядя Владиміра Глѣбовича Переяславскаго.

2) Ходячая мелкая монета того времени. Въ гривнѣ считалось 20 ногатъ или 50 резанъ, слѣдовательно въ ногатѣ было $2\frac{1}{2}$ резаны: ногата на металлы равнялась нынѣшнему полтиннику, а резана — двугривенному.

3) Князья Рязанскіе — Романъ, Игорь, Владиміръ, Всеволодъ и Святославъ Глѣбовичи, признавшіе, въ 1180 году, своимъ главою князя Владимірскаго Всеволода, съ которымъ они и ходили, въ 1183 году, на Болгаръ.

4) Рюрикъ и Давидъ Ростиславичи — внуки Мстислава Великаго.

5) Ярославъ Владиміровичъ, великій князь Галицкій (прозванный *осьмомыслѣмъ*), тестъ Игоря, героя поэмы.

6) Венгерскому.

7) Романъ Мстиславичъ — князь Владимірскій на Волыни (впослѣдствіи (1197 г.) великій князь Галицкій). Онъ смирилъ Ятвяговъ и много разъ ходилъ войною на Литовцевъ. О немъ-то въ лѣтописяхъ сохранилась пословица: *Романе! худымъ живеши: Литвою ореши.*

8) Мстиславъ Ярославичъ, сынъ Ярослава Луцкаго и двоюродный братъ Романа.

9) Дикіе обитатели Подлѣсья (Подляшья).

10) Латышское племя.

11) Князья Черниговскіе — *гнѣздо Ольгово.*

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

ВОСПОМНАНІЕ О МИНУВШЕМЪ.

Всеславъ Князь людемъ судаше,
Княземъ грады радаше,

А самъ въ ноуь влъкомъ рыскаше...

Уже бо Сзда

Не текутъ серебряными струями

Къ градѣ Переяславию,

И Двина болотомъ текутъ

Онымъ грознымъ Полоудномъ,

Подъ кинкомъ поганыхъ.

Единъ же Изславъ, сынъ Васильковъ,

Позвои своимъ острымъ мечи

О шеломахъ Литовскихъ;

Притрепа славу дѣду своему Всеславу,

А самъ подъ урѣленными щиты

На кровавъ травѣ

Притрепанъ Литовскими мечи.

И схотн ю на кровать, и рекъ:

„Дружина твою, княже,

„Птиць крылы приодѣ,

„А звѣри кровь полизаша.“

Ужь къ Переяславлѹ-городу быстро Сула сере-
бристыхъ
Струй не катитъ, и Двина болотомъ течетъ къ
Полочанамъ
Грознымъ, подъ кликомъ поганыхъ¹.

Одинъ
Изяславъ Васильковичъ²
Въ шлемы литовскіе острымъ мечемъ позво-
нилъ и, затмивши
Славу дѣда Всеслава, прикрытый стальными
щитами,
Палъ на кровавой травѣ подъ ударами сабель
литовскихъ;
Легъ на кровать и сказалъ: «князь, дружину
твою удалую
«Крыльями птицы одѣли, а звѣри кровь поли-
зали!»

Не бысть тѣ брата Брѣхислава,
Ни другаго Всеволода;

Єдинъ же изрочи жемюжнѣ дѣшѣ
Изъ храбра тѣла, уресь злато ожеремиє.

Унылы голосои, поннѣе веселиє.
Трѣбы трѣбать Городеньскии.

Арославе,

И вси вишѣ Всеславли!

Уже поннзти стазн скон,
Вонзти свои меуи вережени;
Уже бо выскоунте изъ дѣдней славе.

Вы бо своимн крамолами
Науасте наководити поганиа

На землю Рѣкъсю,
На жизнь Всеславлю.

Которое бо бѣше насилиє
Отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Тролли
Врѣже Вселавъ жребий
О дѣвнцю себя любѣ.

Тѣи клюками подпрѣса о кони,
И скоун къ граду Києву,

Нѣ былъ съ нимъ братъ Брячеславъ, ни другой
Всеволодъ; одинъ онъ
Выронилъ пышно-жемчужную душу изъ храбраго
тѣла
Сквозь золотое свое ожерелье. Поникло ве-
селье;
Смолкли печальныя пѣсни; трубятъ городен-
скія³ трубы...
Князь Ярославъ⁴ и вы, внуки Всеслава! скло-
ните знамѣна
Долу; вложите мечи притупленные: вы помра-
чили
Славу могучаго дѣда! Не вы ль приманили пога-
ныхъ
Вашей крамолой на русскую землю, на племя
Всеслава,
Чтобъ и отъ нихъ мы узнали насилье, какое
ужь терпитъ
Русь отъ земли половецкой.

Въ вѣкѣ седьмомъ
отъ Трояна
Кинулъ жребій Всеславъ⁵ о любимой имъ дѣви-
цѣ красной⁶;
И, не клюкой подпираясь, а сѣвъ на коня бое-
вого,
Къ стольному Кіеву-городу онъ прискакалъ, и
доткнулся

И догусѣа стрѣжїемъ
Злата стола Кїевскаго.

Скоун отъ ннхъ лотымъ зкѣремъ
Въ плъноун изъ Бѣла-града,

Обѣснса сннѣ мглѣ,

Утрѣ же воззи стрнкѣсы

Оттвори врата Новѣ-града,

Разшнне славѣ Ярославѣ,

Скоун влѣкомъ до Немнн съ Дѣдѣтовѣ.

На Немнзѣ снопы стелютъ головами,

Молотатъ уснн харалѣжннмн,

На тоцѣ животѣ клдѣтъ,

Вѣютъ дѣшѣ отъ тѣла.

Немнзѣ кровлн брезѣ

Не бологомъ бахѣтъ посѣанн,

Посѣанн костьмн Рускнхъ сынокѣ.

Всеславѣ Кнзѣ людемъ сѣдаше,

Кнземъ грады радаше,

А самѣ въ ноуѣ влѣкомѣ рыскаше;

Изъ Кыека дорискаше

До Кѣрѣ Тмѣторокана;

Велнкомѣ хрѣсовн

Влѣкомѣ пѣтъ прерыскаше.

Томѣ въ Полотскѣ

Позвоинша захтрениоу рлно

У Свѣтлыа Софен въ колоколы:

А онѣ въ Кыевѣ звонѣ слыша.

Древкомъ копья своего до его золотого пре-
стола.

Въ полночь оставилъ Бѣль-городъ, окутался
синею мглою,

Кинулся звѣремъ и скрылся; а утромъ, под-
везши стрикусы⁷,

Сшибъ новгородскіе створы, разбилъ ярославову
славу.

Бросился волкомъ къ Нѣмигѣ⁸ съ Дудутокъ⁹.

А на Нѣмигѣ

Головы стелютъ снопами, молотятъ стальными
цѣпами,

Жизнь кладутъ на току и вѣютъ душу изъ
тѣла.

Кровью затопленный берегъ Нѣмиги не жатвой
засѣянъ

Быль, а костями русскихъ сыновъ. Князь Все-
славъ народу

Судъ давалъ и радилъ князьямъ городà; а самъ
волкомъ

Рыскалъ въ ночи. Кидался изъ Кіева къ Тму-
таракани

И перерыскивалъ волкомъ дорогу великому
Хорсу¹⁰.

Въ Полоцкѣ стольномъ ему позвонили къ за-
утренѣ рано

Въ колоколà у Софіи святой, а онъ въ Кіевѣ
слышалъ

Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ,
Иъ уаство бѣды страдаше.

Томъ вѣщій Боланъ

И прѣвое припѣккѣ смысленый рече :

„Ни хытра, ни гораздѣ,
Ни птицю гораздѣ
Сѣда Божіа не мниати.“

О, стоидти Рѣской земли,
Поманившѣ прѣвѣю годниѣ,
И прѣвѣхъ Князей!
Того стараго Владиміра
Не лѣзѣ бѣ пригвоздидти
Къ горамъ Кіевскимъ :

Сего бо нынѣ стахл стазн Рюриковы,
А дръзин Давидовы ;

Иъ розн носл имѣ хоботы пашѣтъ,
Копіа поютъ на Дзвиган.

Благовѣсть тотъ.

Хотя у иного и вѣщее сердце

Въ тѣлѣ, а часто страдаетъ. Ему то разумную
пѣсню

Вѣщій Боянъ нашъ сложилъ, что «ни хитрый,
ни умный, ни птица

Быстрая въ небѣ не мѣнутъ суда правосуднаго
Бога.»

Какъ не стонать и не плакаться русской землѣ,
вспоминая

Старое время и старыхъ князей! Нельзя жъ
было вѣчно —

Въ Кіевѣ стольномъ Владиміру старому кня-
жить: и нынѣ

Стяги его, доставшия Рюрику съ братомъ Да-
видомъ,

Словно волы, запряжённые въ плугъ, подъ яр-
момъ ненавистнымъ

Никнуть, межъ-тѣмъ какъ тяжелыя копья сви-
стятъ на Дунаѣ.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПЪСНИ ДЕВЯТОЙ.

- 1) Литовцевъ.
- 2) Одинъ изъ князей Полоцкихъ, едва ли не сынъ Василька Рогволодовича, о которомъ лѣтописцы упоминаютъ подъ 1132 годомъ. О бѣдственной участи этого князя лѣтописи умалчиваютъ.
- 3) Мѣстечко Городно, гдѣ княжилъ Изяславъ Васильковичъ, существуетъ и нынѣ въ Пинскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, между рѣками Стыремъ и Горынью.
- 4) Такъ-какъ между именами князей Полоцкихъ нѣтъ Ярославовъ, то надо думать, что сочинитель обращаетъ здѣсь рѣчь къ Ярославу Владиміровичу, внуку Мстислава Великаго, подъ предводительствомъ котораго Новгородцы, около 1190 года, воевали съ Корелами.
- 5) Всеславъ Брючеславичъ, правнукъ Рогнеды.
- 6) Стихотворно — Кіевъ.
- 7) Стѣнобитное орудіе.
- 8) Нѣмень.
- 9) Мѣстечко около Новгорода Великаго.
- 10) Несторъ упоминаетъ о болванѣ Хорсѣ, которому поклонялись въ Кіевѣ до введенія христіанской вѣры. Нѣкоторые полагаютъ, что это былъ славянскій Марсъ, богъ войны.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ.

**Жаждею нмь азунъ съпраже,
Тѣгою нмь тѣли затѣе.**

Арославныиъ гласъ слышитъ :

Зегзицею нездѣмь, рано кыуетъ :

„Полеую, реуе,

„Зегзицею по Дзидевн;

„Омоую бѣбраниъ рѣкакъ

„Въ Каллѣ рѣцѣ,

„Утрѣ Кназю кровавыа его раны

„На жестоцѣмъ его телѣ.“

Арославна рано плауетъ

Въ Пятнвлѣ на забралѣ,

Аркзун :

Звучный голосъ раздается
Ярославны ¹ молодой;
Стономъ горлицы несется
Онъ предъ утренней зарей:

«Я быстрѣй лѣсной голубки
«По Дунаю полечу,
«И рукавъ бобровой шубки
«Я въ Каялѣ обмочу;
«Князю милому предстану,
«И на тѣлѣ на больномъ
«Окровавленную рану
«Оботру тѣмъ рукавомъ.»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

„О вѣтрѣ! вѣтрило!
„Уемъ, Господниѣ, насильно вѣши?
„Уемъ мыуеши Хниовьскыя стрѣлки
„На своєю не трудною крнцно
„На моемъ ладѣ вон?

„Мало ли ти башеть
„Горѣ подѣ облакы вѣати,
„Делюун корабли на синѣ морѣ?

„Уемъ, Господниѣ,
„Мое веселіе по ковылю развѣа?“

Арославна рано плауесть
Пятнвлю городѣ на заборолѣ,

Арквун :

„О Днепрѣ словѣтницю!

„Ты пробилѣ еси каменныя горы
„Сквозѣ землю Половецкѣю.

„Ты делѣлѣ еси на себѣ

„Святославни носады

„Да плѣкѣ Кобякова :

„Възделѣй, господниѣ,

„Мою ладѣ къ мнѣ,

«Вѣтеръ, что ты завываешь?
«И на крыльяхъ на своихъ
«Стрѣлы ханскія вздымаешь,
«Мечешь въ воиновъ родныхъ?
«Иль тебѣ ужъ на просторѣ
«Тѣсно вѣять въ облакахъ?
«Корабли на синемъ морѣ
«Мчатъ, лелѣять на волнахъ?
«Для чего жъ однимъ размахомъ
«Радость лучшую мою
«Ты развѣялъ легкимъ прахомъ
«По степному ковылю?»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей:

«Днѣпръ мой славный! ты волнами
«Горы крѣпкія пробилъ,
«Половецкими землями
«Путь свой дальній проложилъ:
«На себѣ, сквозь все преграды,
«Ты лелѣяла, рѣка,
«Святославовы² насады
«До улусовъ Кобяка:
«О, когда бъ ты вновь примчала
«Друга къ этимъ берегамъ,

„А быхъ неслала къ немъ
„Слезъ на море рано.“

Арославна рано плуесть
Въ Пятникѣ на забрале,

Архунъ :

„Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!

„Всѣмъ тепло и красно еси :

„Уемъ, господине,

„Простре горлууюю свою луую

„На ладѣ кон?

„Въ полѣ безводнѣ

„Жаждею нмъ лунъ съпраже,

„Тягою нмъ тѣли затуе?“

«Чтобы я къ нему не слала
«Слѣзь на морѣ по утрамъ!»

Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
На стѣнѣ городской
Ярославна молодая
Горько плачетъ предъ зарей :

«Солнце ясное трикраты!
«Всѣмъ ты красно и тепло!
«Для чего лучемъ утраты
«Войско милаго сожгло?
«Для чего въ безводномъ полѣ
«Жаждой луки имъ свело,
«И что гнѣтъ тоски-недоли
«На колчаны налегло?»

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПЪСНИ ДВЕСЯТОЙ.

¹⁾ Евфросинія Ярославна, дочь князя Ярослава Владиміровича Галицкаго, вторая супруга Игоря — героя поэмы. Во время похода мужа ея на Половцевъ, она находилась въ Путивлѣ, удѣльномъ городѣ сына своего Владиміра.

²⁾ Здѣсь рѣчь идетъ о Святославѣ Всеволодовичѣ Кіевскомъ, двоюродномъ братѣ Игоря, и о его походѣ на Половцевъ, въ 1184 году, который, какъ извѣстно, окончился разбитіемъ Кобяка и плѣномъ самого хана.

ПЬЕСЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

БѢГСТВО ИГОРЯ.

Князю Игорю не быть!

Прыснѣ море ползнощи;
Идѣтъ сморщн мѣглами;
Игоревн Князю Богъ пѣтъ кажетъ
Изъ земли Половецкой
На землю Рускую,
Къ отню златѣ столѣ.

Погасоша веуерѣ зарн:
Игорь спитъ,
Игорь бдитъ,
Игорь мыслию полѣ мѣрнтъ
Отъ великаго Дона
До малаго Дона.
Комонь въ ползноуи.

Овлѣрѣ свиснѣ за рѣкою;
Велитъ Князю разумѣти.
Князю Игорю не быть.

Въ полночь море взволновалось;
Небо тучами покрылося:
Кажеть Богъ дорогу Игорю
Изъ неволи въ землю русскую,
Ко злату-столу отцовскому.

Догорѣла зорька ясная,
Зорька ясная, вечерняя.
Игорь дремлетъ — Игорь бодрствуетъ:
Игорь поле мѣритъ мыслию,
Что отъ Дону — отъ великаго
До Донца-рѣки, до малаго.

Конь готовъ и ждетъ съ полуночи.
Овлурь¹ свистнулъ за рѣкой вдали —
Подаетъ вѣсть князю Игорю:
Но князь Игорь не откликнулся.

Кликиж стѣкиж земля;
Въшѣмѣ трава;
Бежи са Половецкии подвизашаса.

А Нгорь Князь

Поскоун горнастѣмѣ къ тростию,
И бѣлымѣ гоголемѣ на водѣ;
Въврѣжеса на брѣзѣ комонѣ,
И скоун съ него босымѣ влѣкомѣ,
И потеуе къ лѣгѣ Доуца,

И полетѣ соколомѣ подѣ мъглами,

Избывла гѣси и лебеди
Завтрокѣ, и обѣдѣ и ужинѣ.

Колн Нгорь соколомѣ полетѣ,
Тогда Влѣрѣ влѣкомѣ потеуе,
Трѣса собою стѣденѣю росѣ:
Прѣтрѣгоста бо свом брѣзда комона.

Доуецѣ реуе:

„Княже Нгорю!

„Не мало ти велнѣиѣ,

„А Конудакѣ нелюбѣиѣ,

„А Рѣскои земли веселѣиѣ!“

Нгорь реуе:

„О, Доуе!

„Не мало ти велнѣиѣ,

Крикнулъ — поле всколебалосѣ,
Зашумѣлъ ковыль серебряный,
Съ ними вежи половецкія
Потряслися: Игорь доблестный
Горностаемъ проскочилъ тростникъ;
Канулъ въ воду бѣлымъ гоголемъ;
На коня стрѣлою кинулся;
Бѣсымъ волкомъ соскочилъ съ него;
Побѣжалъ къ Донцу родимому,
Къ луговому его берегу, —
И взвился могучимъ соколомъ,
Убивая подъ туманами
Лебедей съ гусями къ завтраку,
На обѣдъ себѣ и къ ужину.

Когда Игорь взвился соколомъ —
Тогда Влуръ помчался по полю
Сѣрымъ волкомъ, отряхаючи
По пути росу холодную:
Надорвалъ коня дорогою.

А Донецъ промолвилъ Игорю:
«Много князь тебѣ величія,
«Кончаку-врагу нелюбія,
«А землѣ родной веселія!»

Игорь-князь ему отвѣтствуетъ:
— О Донецъ! не мало доблести
И тебѣ, что князя Игоря

„Аелъавшѣ Кнѣзѣ на влѣнахъ,

„Стѣавшѣ емѣ зелѣнѣ травѣ

„На свонхъ сребреныхъ брезѣхъ,

„Одѣвавшѣ его теплыми мѣглами,

„Подъ сѣню зеленѣ дрѣвѣ;

„Стрежаше е гоголемъ на водѣ,

„Уайцами на стрѣлахъ,

„Урѣнадыми на ветрѣхъ.

„Не тако ли, реуе,

„Рѣка Стѣгна лѣдѣ стрѣю нмѣа,

„Пожрѣши уѣжи рѣуѣи,

„И стрѣгы ростре на квѣстѣ?

„Уношѣ Кнѣзю Ростиславѣ

„Затвори Днѣпръ темнѣ берѣзѣ.

„Плауется мати Ростислава

„По уноши Кнѣзи Ростиславѣ.

„Уныша цѣвѣты жалобою,

„И древо стѣгою

„Къ земли прѣклонило.“

„И не сорокы втроскоташа :

„На слѣдѣ Игоревѣ

„Бзднѣтъ Гзакъ съ Конудкомъ.“

На волнахъ своихъ серебряныхъ
Ты лелѣялъ, устилаючи
Берега травой зеленою,
Одѣвая мглами теплыми
Подъ деревьями зелеными!

Ты стерегъ его заботливо
На водѣ хохлатымъ гоголемъ,
На струяхъ рѣчною чайкою,
Уткой-чернедью въ поднебесьѣ.
Нѣтъ, не такъ, вздымаясь волнами,
Мчится Стугна мелководная!
Поглотивъ ручьи нагорные,
Она струи о кустарники
Раздробила, ненасытная,
И на вѣки заградила путь
Къ берегамъ днѣпровскимъ юному
Ростиславу². И заплакала
Мать сѣдая ростиславова
По прекрасномъ князѣ-юношѣ:
На лугахъ цвѣты душистые
Осыпаются отъ жалости,
А деревья, съ тихой грустію,
Надъ землею наклоняются. —

Не сорочье стрекотаніе
Раздается въ отдаленіи:
Это ѣдутъ, вслѣдъ за Игоремъ,
Гзакъ съ Кончакомъ половецкіе.

Тогда врани не грахътъ,
Галлицы помлъкоша,
Сорокы не троскоташа,
Полозю ползоша только,
Датлове тектомъ пѣть къ рѣкѣ кажътъ,
Соловинъ веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдають.

Млъвнтъ Гзакъ Конуаковн:

„Аже соколъ къ гнѣздѣ летитъ,

„Соколнуд рострѣлаевъ

„Сконми злачеными стрѣлами.“

Реуе Конуакъ ко Гзѣ:

„Аже соколъ къ гнѣздѣ летитъ,

„А въ соколца

„Опхтаетъ красною дѣвнцею.“

И реуе Гзакъ къ Конуаковн:

„Аще его опхтаетъ красною дѣвнцею,

„Ни нама бздеть соколца,

„Ни нама красны дѣвнце,

„То поунятъ наю птици бити

„Въ полѣ Полокеѣкомъ.“

Стихло, — вѣроны не каркали,
Галки смолкли, и съ сороками
По деревьямъ только прыгали;
Дятель путь къ рѣкѣ указывалъ;
Соловей веселымъ пѣніемъ
Утро ясное привѣтствовалъ.

И съ Кончакомъ рѣчь заводитъ Гзакъ:
«Если соколъ³ улетитъ въ гнѣздо,
«Такъ стрѣлами золочеными
«Соколѣнка разстрѣляемъ мы.»

А Кончакъ ему отвѣтствуетъ:
— Если соколъ улетитъ въ гнѣздо,
Такъ красавицею-дѣвицей
Соколѣнка мы опутаемъ. —

А Кончаку снова молвить Гзакъ:
«Если дѣвицей-красавицей
«Соколѣнка мы опутаемъ —
«Не видать тогда намъ болѣе
«Ни соколика, ни дѣвицы,
«Нашей дѣвицы-красавицы,
«И начнутъ насъ птицы хищныя
«Бить средь поля половецкаго.»

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПѢСНИ ОДИННАДЦАТОЙ.

1) Овлуръ или Влуръ, какъ называетъ его пѣвецъ Игоря, и Лаверь или Лавръ, какъ называетъ его лѣтописецъ, — есть имя Половчанина, мать котораго была Русская, предложившаго Игорю свои услуги.

2) Ростиславъ Всеволодовичъ, сынъ великаго князя Всеволода I и Анны, дочери хана половецкаго, и братъ Владиміра Мономаха. Этотъ молодой князь, послѣ несчастнаго сраженія съ Половцами, спасаясь отъ плѣна, бросился въ рѣчку Стугну и, увлеченный тяжелымъ вооруженіемъ, утонулъ. Ему было тогда 22 года.

3) Здѣсь ханы говорятъ о Игорѣ (соколѣ) и его сынѣ Владимірѣ (соколичѣ), который оставался еще въ плѣну и женился вскорѣ на красавицѣ половецкой, дочери кончаковой, названной здѣсь *красною дѣвицей*.

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Здравн князи и дружина!

Рекъ Божий и ходы на Святъславля

Пѣстворца стараго времени Ярославля

Ольгова Когана хоти:

„Тяжко ти головы, кроме плечю;

Зло ти тѣлѣ, кроме головы:

Руской земли безъ Игоря.“

Солнце свѣтитса на небеса:

Игорь Князь въ Руской земли.

Дѣвнцы поють на Дунаи.

Вьются голоса

Урезъ море до Киева.

Вѣдь сказалъ же Боянъ,
Какъ и вѣщій Коганъ ¹,
Пѣснотворецъ времянь Ярослава,
Говорилъ въ старину,
Прославляя войну
И походъ старика Святослава:

«Тяжело на землѣ
Жить безъ плечь головѣ,
И плечамъ безъ головушки буйной!
А отчизнѣ святой
Безъ руки боевой
Князя Игоря — власти разумной.

Солнце-свѣтъ въ небеси,
Игорь-князь на Русѣ.
На Дунаѣ запѣли дѣвицы,
И летятъ голоса
Черезъ поля и лѣса
Къ высямъ Кіева, пышной столицы.

**Игорь ѣдетъ по Борнучевъ
къ Свѣтѣи Богородици Пирогошен.**

**Страны ради,
Гради весели,
Пѣвшѣ пѣснь старымъ Княземъ,**

А потомъ молодымъ.

Пѣти слава Игорю Свѣтѣславнуа,

**Бѣи тѣрѣ Всеволодѣ,
Владимирѣ Игоревнѣ.**

Здравн Князи и дружина,

Побарах за христьяны на поганыхъ пльки!

**Княземъ слава,
А дружинѣ Амни!**

Игорь ѣдетъ домой
На Боричевъ ², къ Святой
Пирогощей ³ свой путь направляя.
Радость мчится, растеть:
Веселится народъ,
Престарѣлыхъ князей воспѣвая,

А потѣмъ молодыхъ.
Славить въ пѣсняхъ своихъ
Князя Игоря — доблесть ихъ рода,
Славить сына его,
И бойца своего —
Прославляетъ буй-туръ Всеволода.

Слава нашимъ князьямъ
И ихъ храбрымъ войскамъ,
Воевавшимъ отважно до нынѣ
За всѣхъ насъ христіанъ
Противъ злыхъ басурманъ!
Слава храбрымъ князьямъ и дружинѣ!

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ПЪСНИ ДВѢНАДЦАТОЙ.

¹⁾ Судя по смыслу этого мѣста, Коганъ былъ пѣвецъ временъ Ярослава, и, подобно Бояну, пользовался въ свое время извѣстностью. (Мнѣніе Полевого).

²⁾ Такъ назывался въ древнія времена одинъ изъ кievскихъ спусковъ къ Днѣпру, гдѣ былъ перевозъ. Нынѣ близъ этого спуска стоитъ Михайловскій монастырь.

³⁾ Такъ называлась церковь во имя Св. Богородицы *Пирогощей* въ Кіевѣ (заложенная Мстиславомъ Великимъ, въ 1131 году), по образу Богоматери, привезенному кунцомъ Пирогощею изъ Константинополя. Нынѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился храмъ Пирогощей Богородицы, или около нея, стоитъ церковь Андрея Первозваннаго.

ПРИМЪЧАНІЯ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Складомъ важнаго преданья...

Этимъ сочинитель «Слова» хочетъ сказать, что онъ взялся описать своего героя въ томъ духѣ, или такъ, какъ излагались до него всѣ важныя (трудныя) повѣствованія — языкомъ, издавна для нихъ установленнымъ, по нашему — поэтическимъ, украшеннымъ. Отсюда можно заключить, что въ отдаленный отъ насъ вѣкъ игоревъ уже была народная литература, и требовалось отъ сочиненія не одного достоинства мыслей, но вмѣстѣ и изящества отдѣлки по тогдашнимъ понятіямъ, и что уже существовали предѣлы между стилями, или аналогія идеи со звукомъ.

Въ переводѣ этого стиха я послѣдовалъ объясненію г. Дубенскаго, который, въ одномъ изъ примѣчаній къ своему переводу «Слова», говоритъ, что «повѣсти, въ которыхъ описывались важныя или героическія событія, именовались на древней нашей Руси — *трудными*». Графъ Мусинъ-Пушкинъ назвалъ ихъ — прискорбными повѣстями, Шишковъ — многотрудными, Вельтманъ — высокими, Максимовичъ — скорбными, Де ла Рю — воинскими, Головинъ — печальными, Мей — слезными, наконецъ Туловъ — повѣстями о подвигахъ. Остальные переводчики или вовсе не перевели этого выраженія, или перенесли его въ свои переложенія безъ всякаго измѣненія.

II.

И начаться пѣснь той
По былинамъ — безъ обмана,
Не по замысламъ Бояна.

«Элементъ баснословнаго вымысла (замышленія бояновъ), господствовавшій въ пѣсняхъ *старого времени*, въ пѣсняхъ *старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Романови*, съ развитіемъ жизни, въ концѣ XII вѣка долженъ былъ уступить въ поэзіи мѣсто элементу исторической положительности (поэзіи по былинамъ сего времени). Кромѣ того, вымысль эпическій, столь тѣсно соединенный съ вымысломъ языческой мифологіи, долженъ былъ исчезнуть

въ русской книжной поэзіи скорѣе, нежели во всякой другой, и въ слѣдствіе вліянія Христіанства. Такимъ образомъ очень естественно, что пѣснь нашего эпическаго поэта XII вѣка началась, какъ онъ говоритъ, *по былинамъ сего времени, а не по замысленію Бояню* » (Гуловъ).

III.

...носился *мыслью-птицей*
По дубравамъ, по лѣсамъ.

Пѣвецъ Игоря, восторженный почитатель боянскихъ пѣснопѣній, сравниваетъ ихъ вольное теченіе то съ бѣгомъ *страго волка*, то съ ширяніемъ *сизаго орла* подъ облаками, то, наконецъ, съ пареніемъ *мысли* по дереву. Заимствуя первыя два сравненія изъ сказочнаго міра древней Руси, въ которомъ они играютъ такую важную роль (особенно въ южно-русскихъ думахъ и пѣсняхъ), съ чѣмъ еще могъ онъ сравнить дивныя созданія своего любимаго пѣснотворца — *соловья стараго времени*, какъ не съ мыслью человѣка, способною уноситься *выше тучъ ходячихъ*, куда не залетали и сказочные герои древняго міра? Не смотря на то, что мысль подлинника выражена ясно, нѣкоторые переводчики «Слова» находятъ въ этомъ поэтическомъ унобленіи, одни — пропускъ, а другіе — опіску въ словѣ *мысль*, и основываютъ свои догадки на томъ, что пѣвецъ Игоря, взявъ два сравненія изъ царства живот-

ныхъ, необходимо долженъ былъ заимствовать оттуда и третье уподобленіе. Такъ, напримѣръ, гг. Левитскій и Де ла Рю, предполагая описку, замѣняютъ слово мысль, первый — *птицей*, а второй — *соловьемъ*. Что же касается г. Вельтмана, то онъ, полагая послѣ слова *мыслию* — пропускъ, переводитъ это мѣсто такимъ образомъ: «Былое воспѣтъ, а не вымысль Бояна, котораго мысли текли въ вышину, такъ какъ соки по дереву». Эти догадки заслуживаютъ быть упомянутыми уже по одному тому, что незабвенный А. С. Пушкинъ также предполагалъ здѣсь описку, и читалъ вмѣсто *мыслию* — *мышию*.

Несмотря на вѣроятность этихъ догадокъ, основанныхъ на доказательствахъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ, онѣ опровергаются другимъ мѣстомъ текста «Слова», именно стихомъ: *Скаха славню по мысленз дрезз*: въ которомъ та же мысль выражена яснѣе: тамъ онъ растекается мыслию по дереву, а здѣсь — онъ скачетъ соловьемъ по мысленному дереву. Сравнивъ оба мѣста, можно вывести такое заключеніе, что *древо* у пѣвца Игоря означаетъ — *воображеніе*, по вѣтвямъ котораго порхаетъ Боянъ — *соловей стараго времени*.

Такъ какъ цѣль моего перевода есть возможно-близкое воспроизведеніе подлинника, то я и старался не вдаваться въ произвольное толкованіе текста «Слова», въ ущербъ вѣрности перевода, за исключеніемъ нѣсколькихъ темныхъ мѣстъ, вѣроятно искаженныхъ переписчиками и потому лишенныхъ всякого смысла.

IV.

*А когда о вражделивыхъ
Временахъ онъ вспоминалъ:
Десять соколовъ пускалъ
На лебёдокъ говорливыхъ,
И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ.*

Нѣкоторые изъ гг. переводчиковъ и изслѣдователей «Слова о полку Игоря» переводятъ это мѣсто не буквально, какъ слѣдуетъ его понимать, а иносказательно; именно полагаютъ, что въ древности былъ обычай пускать десять соколовъ на стадо лебедей. Одни утверждаютъ, что князя пускали своихъ соколовъ, и чей соколъ прежде долеталъ до лебедей, тому и пѣли хвалебную пѣснь; другіе же полагаютъ, что ихъ пускали пѣвцы, и чей соколъ долеталъ прежде до лебединаго стада, тотъ имѣлъ право воспѣвать князей; хотя въ подлинникѣ ничего не говорится объ этой забавѣ. Право нестоитъ ломать головы, переставлять слова и относить ихъ къ предъидущимъ или послѣдующимъ періодамъ, чтобы ясно выраженной мысли дать желаемое значеніе. По моему мнѣнію — это фигура, или, лучше, поэтическое уподобленіе, какихъ весьма много въ «Словѣ», и которыя, несмотря на то, большею частію изслѣдователей переведены слово въ слово. Сочинитель здѣсь говоритъ объ одномъ Боянѣ, который, при воспоминаніи о прежнихъ междоусобіяхъ,

пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, и самъ объясняетъ свою аллегорію:

Не на стадо лебедей
Нашъ Боянъ, нашъ соловей
Десять соколовъ пускаетъ, —
Онъ перстами пробѣгаетъ
По рокочущимъ струнамъ,
И онѣ ужъ возглашаютъ
Славу доблестнымъ князьямъ.

Быть-можетъ, скажутъ, что тутъ мысль несовсѣмъ ясно выражена! Но отъ чего же въ другихъ мѣстахъ «Слова» такія же точно фигуры и выраженные такъ же точно — переведены буквально? Неужели уподобленіе *обиды* — фантастической дѣвѣ выражено яснѣе? или фраза: *рози послъ нмъ хоботы пашѣтъ* — болѣе походить на уподобленіе? Я перевелъ это мѣсто буквально, потому-что, какъ уже сказалъ выше, мысль здѣсь ясна и не требуетъ комментарій.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

*Князь Игорь взглянулъ на дневное светило,
И видя, что влѣсто лучей,
Полки его млою оно остынило....*

Здѣсь говорится о солнечномъ затмѣніи, бывшемъ 1-го мая 1185 года, въ день св. пророка Іереміи, какъ сказано въ *l'Art de vérifier les dates*.

II.

.....мчась по слѣдамъ

Героя *Трояна*....

Пѣвецъ «Слова» четыре раза упоминаетъ о Троянѣ, именно: во второй пѣсни о *тропъ* (дорогѣ) *трояновой*, въ четвертой и девятой — о *вѣкъ* *трояновомъ*, и, наконецъ, въ шестой — о *земль* *трояновой*; но кого онъ разумѣлъ подъ этимъ именемъ: императора ли Трояна, какъ думаютъ одни, или Владиміра Святаго, какъ предполагаютъ другіе, или, наконецъ, мѣстечко Трояны (Смоленской губ.), какъ объясняютъ третьи, рѣшить трудно.

Тропа трояня въ буквальномъ переводѣ значитъ — дорога троянова (*via Trajani*). Хотя дорога эта, какъ извѣстно изъ исторіи и сульцеровой карты Валахіи, дѣйствительно шла отъ береговъ Дуная до рѣки Прута и далѣе на востокъ по южной Россіи, и даже низовая сторона Дуная, отъ рѣки Прута, называлась: *provincia Trajani*, а остатки такъ называемаго троянова вала еще до сихъ поръ существуютъ въ Бесарабіи, — однако все это еще не можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ того, что пѣвецъ Игоря подъ словомъ Троянѣ разумѣлъ Римскаго императора. Основательнѣе другихъ предположеніе покойнаго Полевого, что «Троянѣ здѣсь не Римскій императоръ, а что-нибудь такое, чему надо искать объясненій на Руси: такъ Владиміръ Первый названъ Трояномъ въ одномъ чешскомъ памят-

никъ». Къ сожалѣнію Полевой не упомянулъ о названіи этого памятника.

III.

..... сова завываетъ

Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей.

Въ подлинникѣ сказано: *Дивъ клнуетъ врѣхъ древа.* Что такое должно разумѣть подъ словомъ *дивъ* — положительно сказать трудно, тѣмъ болѣе, что объясненія этого слова большей части его толкователей сбивчивы, разногласны, и почти всѣ ограничиваются однѣми догадками, часто ничего не доказывающими. Первые издатели «Слова» полагали, что *дивъ* значитъ — *пугало, слыно-воронъ*, или *ночной воронъ*, что весьма правдоподобно. Но г. Максимовичъ опровергаетъ это мнѣніе, и называетъ дива — духомъ тьмы, основываясь на томъ, что воображеніе Персіянъ населило свою преисподнюю духами того же имени. Еще мудренѣе переводятъ это слово новѣйшіе переводчики. Такъ, напри- мѣръ, г. Минаевъ, въ своемъ стихотворномъ переложеніи «Слова», изданномъ имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сдѣлалъ изъ дива — *лмшаго*, «котораго біографію», по его словамъ, «волна исторіи такъ хорошо донесла до нашихъ временъ, затопя почти всѣхъ боговъ славянской миѳологіи».

Удачнѣе другихъ объясняетъ это слово докторъ Гай изъ Загреба (Аграма). Онъ утверждаетъ, что дивъ есть зловѣщая птица, въ доказательство чего при-

водитъ то, что почти у всѣхъ племенъ Западныхъ славянъ дивомъ называется — *удодъ*, крикъ котораго у Дунайскихъ славянъ, подобно крику совы, или карканью ворона, считается дурнымъ предзнаменованіемъ.

IV.

Кормилица Русь! уже ты за *курганомъ*!

Г. Бутковъ, основываясь на топографическомъ изслѣдованіи похода Игоря, принимаетъ слово *шеломя* за Изюмскій курганъ (возлѣ котораго, какъ извѣстно, Русскіе переправились черезъ Донецъ), что весьма правдоподобно. Пѣвецъ «Слова», какъ будто съ удивленіемъ, или ужасомъ говоритъ, что русская земля или русская сила за высокимъ курганомъ, далеко въ степяхъ половецкихъ, у Дона, близъ Лукоморья, и что ей остается только побѣдить или умереть.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Владиміръ *уши затыкалъ*.

То есть — любилъ миръ, не участвовалъ въ раздорахъ. Гибельный обычай князей того времени дружитья съ иноплеменниками и призывать ихъ, во время междоусобныхъ войнъ, для грабежа и злодѣйствъ въ

вѣдра государства, всего болѣе обезславилъ князей Черниговскихъ. Владиміръ Мономахъ гнушался этимъ, что и было главною причиною любви народной къ его племени.

II.

*И привела на судъ свой слава
Бориса, сына Вячеслава,
И положила на коверъ —
На бархатъ конскаго покрова —
За оскорбленье, за позоръ
Олега князя молодого.*

Олегу считалъ себя невольникомъ въ домѣ Всеволодовомъ, въ Черниговѣ, гдѣ, по волѣ дядей, долженъ былъ жить праздно, лишенный удѣла. Онъ хотѣлъ свободы и волости, бѣжалъ въ Тмутаракань къ брату своему Роману Святославичу Красному, тамъ княжившему, и рѣшился вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ искать счастья оружіемъ. Нанявъ Половцевъ, союзники вошли въ предѣлы Черниговскіе. Сначала счастье имъ благопріятствовало: они разбили Всеволода и заставили его удалиться въ Кіевъ. Побѣдители вступили въ Черниговъ и думали, что все государство должно будетъ признать ихъ власть. За этимъ послѣдовала битва нѣжатинская, стоившая жизни Борису Вячеславичу и рѣшившая участь его крамольнаго союзника. По этому — за обиду Олговъ, могло значить: за обиду, нанесенную дядями Олегу. Борисъ пострадалъ, какъ единомышленникъ Олега.

III.

*И Святополкъ съ Каялы прямо
Велѣлъ отца священный прахъ
Поднять на угорскихъ коняхъ
Къ стѣнамъ софїевскаго храма.*

«Ежели принять, что опечатка только въ словѣ *я*, вмѣсто *ятъ* или *яти* (взять): т. е. Святополкъ повелѣлъ (Ярополку) взять тѣло, — допустить, что *Каяла* здѣсь значитъ *Половцы*, приведенные Олегомъ изъ Тмутараканя къ Чернигову, то подъ словомъ *отца* можно разумѣть Изяслава I, великаго князя, убитаго на сраженіи у села Нѣжатины, и тутъ будетъ историческая достовѣрность». (Дубенскій).

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

I.

«Возстаетъ *обида* кровная....»

Г. Пожарскій полагаетъ, что *обида* уподоблена здѣсь языческой богинѣ Дѣваннѣ или Діанѣ — боже-ству Тавровъ, древнихъ обитателей Крыма. По мнѣнію же г. Максимовича эта «*дѣва-обида*» напоминаетъ литовскую *дѣву-чулу*, которая огненнымъ платомъ навѣ-

ваетъ смерть заразы на землю». Оба эти предположенія ошибочны. Объясненія нѣкоторыхъ загадочныхъ для насъ словъ, встрѣчающихся въ этой поэмѣ, должно скорѣе искать между племенами славянскими, а не въ Литвѣ или Тавридѣ. По этому мысль г. Дубенскаго, что «не лучше ли подразумѣвать здѣсь *дѣвъ судныхъ*, какъ въ Судѣ Любуши», — гораздо правдоподобнѣе.

II.

*«Возстаетъ обида кровная
«Въ силахъ племени даждь-божьяго,
«Разражается несчастьями;
«И ветупивши на троянову
«Землю дѣвой — громко крыльями
«Заплескала лебедиными
«На Дону, у моря синяго:
«Пробудила время тяжкое!*

Это мѣсто, отмѣченное мною ковычками, подобно многимъ другимъ, встрѣчающимся въ «Словѣ», вѣроятно заимствовано пѣвцомъ Игоря у Бояна, вдохновенною музою котораго, какъ кажется, онъ одушевлялся съ начала до конца въ своей пѣсни; и даже, какъ думаетъ г. Дубенскій, заимствовалъ у него нѣкоторые обороты и припѣвы, а можетъ-быть и выраженія: *тропа, вѣчи, земля трояня* и другія, которыхъ смыслъ для насъ сбивчивъ и загадоченъ.

III.

.....изъ рога огне-лётнаго
Извергали пламя лютое.

«Это, кажется, поясняетъ огнестрѣльный снарядъ, которымъ въ томъ же году (1185, марта 1-го дня) дѣйствовалъ бесерменинъ, или хазарскій турка, живымъ огнемъ стрѣлявшій. Кончакъ, ханъ половецкій, имѣлъ его при себѣ съ тѣмъ, какъ сказано въ Кіевской лѣтописи, *чтобы пожещи огнемъ грады Рускыя.... Смагъ мыкати въ пламя розъ* — не значитъ-ли: *огонь или дымъ кидать изъ наполненаго пламенемъ рога?*» (Дубенскій).

III.

Изъ сѣдла раззолочёнаго
Пересѣлъ въ сѣдло *полонника*.

То-есть — **Кошцево**, какъ сказано въ подлинникѣ. Кошцеями же называлить плѣнники, невольники половецкіе, печенежскіе, козарскіе, литовскіе и другіе, что свидѣтельствуется лѣтописями. Слѣдовательно фраза: **высѣдъ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кошцево**, значитъ — **стать изъ князя плѣнникомъ, а не пересѣсть**.

«.....въ сѣдло
Простаго оружника,
Чтобъ въ полѣ неузнаннымъ
Отдаться на жеребій»,

какъ перевелъ г. Минаевъ.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

I.

*Ты можешь стрѣлять и на сушѣ
Онемъ самопаловъ живыхъ:
Потомками Глѣба, селъею
Ею сыновей удалыхъ.*

«Пламенный рогъ (см. выше, пѣснь VI, прим. 3) не назывался ли шереширами, съ которыми здѣсь сравнены сыны глѣбовы (князя Рязанскіе)? Словами: *жнкы и посухъ*, не намекаетъ ли поэтъ на греческій огонь каллиниковъ, который употреблялся на водѣ? Въ такомъ смыслѣ будутъ шерешеры огнестрѣльное оружіе, которымъ дѣйствовали на сухомъ пути, и можетъ быть, *смаговницы* — родъ пищалей.» (Дубенскій).

II.

*Замкнулъ, затворилъ воротами
Дуная широкую часть.*

«Галицкіе князья владѣли странами отъ горъ Карпатскихъ до устьевъ Серета и Прута; могло статься, что пѣвецъ Игоревъ стихотворно назвалъ ихъ, или пространство между ними по Дунаю, воротами». (Дубенскій).

III.

*И, правя суды до Дуная,
Далеко простеръ свою власть.*

«Ярославъ вооружался единственно на обидящихъ и посылалъ рать съ боярами, думая, что дѣла гражданскія еще важнѣе воинскихъ для государя.... Союзникъ Греческаго императора Мануила, покровитель изгнаннаго Андроника, Ярославъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей своего времени, хвалимый въ лѣтописяхъ вообще за мудрость и сильное, убѣдительное краснорѣчіе въ совѣтахъ, по коему Россіяне прозвали его Осьмомысловъ». (Ист. Гос. Росс. Карамз. изд. VI, т. III, стр. 75.)

IV.

*Стрѣляешь могучихъ салтановъ
За моремъ, въ далекой землѣ.*

По мнѣнію г. Дубенскаго, пѣвецъ игоревъ могъ здѣсь разумѣть походъ Фридриха Барбаруссы на горюя востока, *султана* Саладина, приготовленіями къ которому онъ былъ занятъ около 1185 года. Галичане, вмѣстѣ съ Венгерцами, могли принять участіе въ походѣ, или, по крайней мѣрѣ, были вызываемы на святое дѣло сильнымъ сосѣдомъ. Это предположеніе весьма правдоподобно, тѣмъ болѣе, что сочинитель «Слова» прибавляетъ; за землями, какъ бы за дальними — за Венгрією, за Грецією.

V.

.....*латинскіе шлемы*.....

Латинами назывались у насъ Поляки, Венгерцы, Богемцы, рижскіе нѣмцы и другіе сосѣдніе народы, исповѣдовавшіе *въру латинскую*.

VI.

О Ингварь и Всеволодъ буйный!

И вмѣстѣ *три* брата лихихъ

Мстиславича....

Здѣсь идетъ рѣчь о трехъ сыновьяхъ Ярослава Луцкаго (бывшаго великимъ княземъ Кіевскимъ прежде Святослава): Ингварѣ, Всеволодѣ и Мстиславѣ, изъ которыхъ только два первые названы по имени, потому что о послѣднемъ (Мстиславѣ) упоминается выше (см. пѣснь VIII, прим. 8). Мстиславичами называетъ ихъ сочинитель «Слова» по дѣду ихъ Мстиславу II, или по прадѣду Мстиславу Великому, старшему сыну Мономаха.

VII.

.....*шестокрыльцы*

Гнѣзда славныхъ предковъ своихъ.

Сравнивши младшій домъ мстиславовъ съ гнѣздомъ, котораго представителями въ вѣкъ игоревъ были — Ингварь, Всеволодъ и Мстиславъ, авторъ полагалъ, что у трехъ этихъ птенцовъ, потомковъ Мстислава

Великаго, тогда будетъ шесть крыль. (Мнѣніе Карамзина.)

VIII.

*Не жребьемъ побѣднымъ достигли
Вы власти...*

Ростиславичи — старшая линия дома Мстиславова, и Мстиславичи — младшая, съ согласія великихъ князей, получили въ удѣль заднѣпровскія области, изъ коихъ за Ростиславичами осталась Кіевская область (имъ же принадлежалъ и Смоленскъ), а Мстиславичи получили Луцкъ и Владиміръ на Волыни (имъ же достался въ это время и Галичь). Пѣвецъ Игоревъ именно этимъ хотѣлъ сказать, что Мстиславичи стали князьями своихъ волостей, какъ законные наслѣдники, а не какъ завоеватели.

IX.

*Свои ворота оградите
Стрѣлами отъ вражскихъ племёнъ.*

Переяславская область, прилегая съ юго-запада, между устьями Десны и Псѣла, къ Днѣпру, граничила съ этой стороны съ заднѣпровскими областями, гдѣ княжили въ то время потомки Мстислава Великаго: Мстиславичи и Ростиславичи. Основываясь на этомъ изысканіи, г. Дубенскій полагаетъ, что не устья ли

этихъ двухъ рѣкъ со стороны Кіевской области называетъ пѣвецъ Игоря воротами въ Переяславскую волость, моля Мстиславичей загородить ихъ острыми стрѣлами.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

I.

*Ужь къ Переяславлю-городу быстро Сула
серебристыхъ*

Струй не катитъ....

Здѣсь сочинитель говоритъ, что Сула не принадлежитъ болѣе къ Переяславской области, гдѣ княжилъ Владиміръ Глѣбовичъ, отразившій Половцевъ отъ Переяслава, при чемъ былъ раненъ и не могъ подать помощи жителямъ города Римъ (Роменъ), къ стѣнамъ котораго течетъ Сула.

II.

.....не вы ль приманили
поганныхъ

*Вашей крамолой на русскую землю, на племя
Всеслава.*

То-есть — на Полоцкое княжество.

II.

.....
нынѣ

Стяги его (*), доставшия Рюрику съ братомъ
Давыдомъ,
*Словно волы, запряженныя въ плугъ, подъ яр-
момъ ненавистнымъ*
Никнутъ...

.....роси носѣ имъ хоботы пашутъ,²¹ какъ сказано въ подлинникѣ, есть одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ въ поэмѣ, вѣроятно искаженное переписчиками. Напрасно ученые изслѣдователи «Слова» ломали голову надъ этою загадочною фразою и разбирали ее по буквамъ, силясь разъяснить таинственный смыслъ подлинника. Увы! тайна осталась тайною, хотя гг. переводчики и представили цѣлую дюжину толкованій этого мѣста, доставившихъ большое удовольствіе ихъ авторамъ, но не подвинувшихъ вопроса ни на волосъ впередъ. Чтобы показать всю разнообразную игривость этихъ переводовъ, выказавшихъ необыкновенную силу творчества ихъ авторовъ, выписываю нѣкоторыя изъ нихъ:

Переводъ Шишкова:

Знамена Владиміровы достались Рюрику и Давыду, которые,
нося ихъ на рогахъ, землю вспахиваютъ.

*) Владиміра.

Переводъ Пожарскаго :

Сего же (Владимира) нынѣ стали знамена Рюриковы, а другія Давыдовы; но сіи, *сдѣлавшись могущими, въ сапогахъ землю пашутъ.*

Переводъ Грамматина :

Нынѣ знамена его (Владимира) стали одни Рюриковы, а другія Давыдовы; но *враги ихъ, впряженные въ плугъ, вмѣсто воловъ, пашутъ на нихъ.*

Переводъ Максимовича :

Знамена его (Владимира) уже стали Рюриковы, другія Давыдовы, — *но рога нося имъ пашутъ хвосты.*

Переводъ Дубенскаго :

Знамена его (Владимира) достались одни Рюрику, а другія Давиду; но *когда и они посятъ трубы (военныя), то знамена развѣваются.*

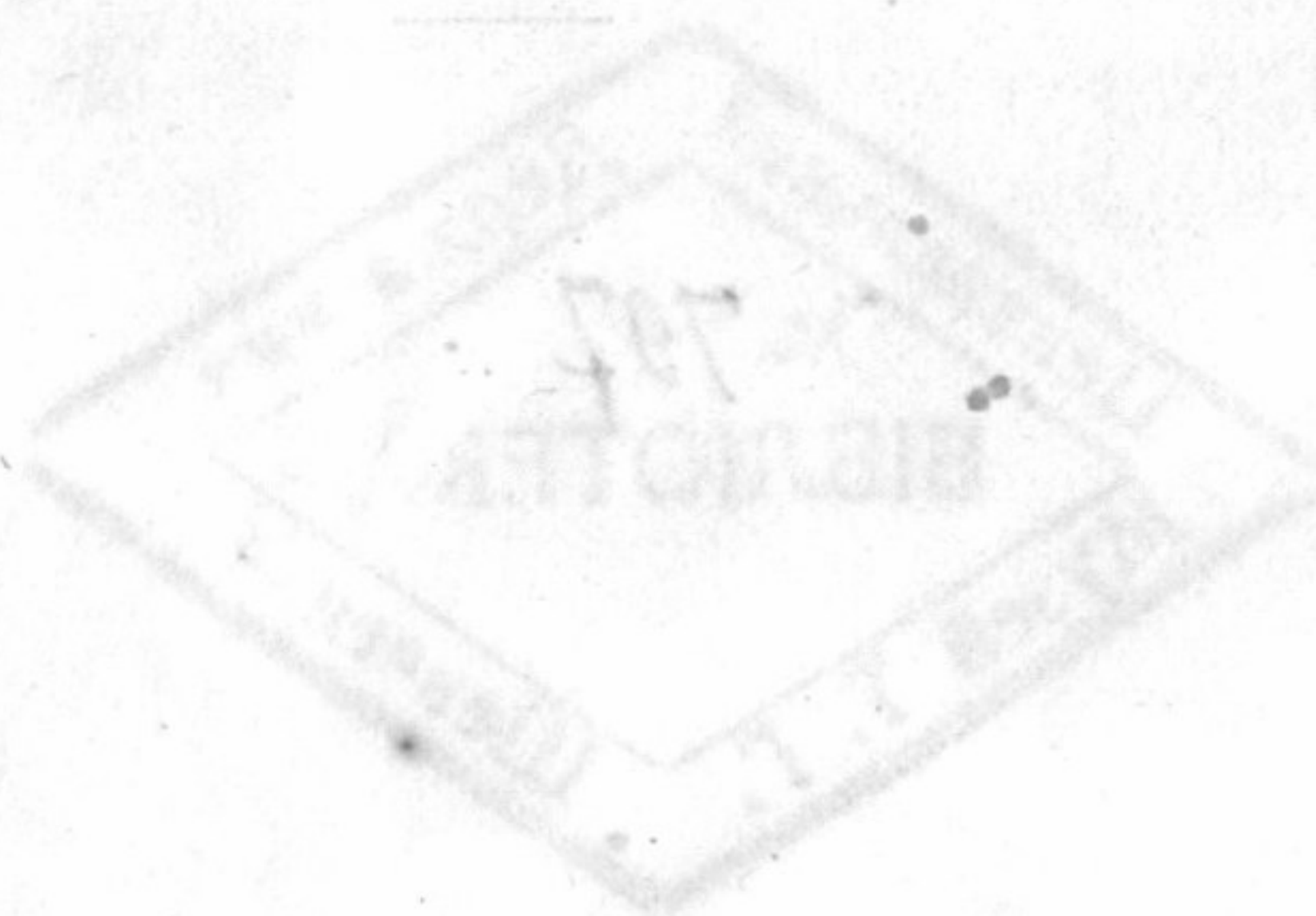
Переводъ Кораблева :

Стяги его (Владимира) стали одни Рюриковы, а другіе Давыдовы; но рога (стяговъ?) сихъ носясь хоботами развѣваются.

Будучи недоволенъ всѣми этими переводами, еще болѣе затемнившими смыслъ подлинника, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь дать волю своей фантазіи, чтобы не зайти еще далѣе, я рѣшился отказаться отъ удовольствія пояснить это мѣсто по своему, въ надеждѣ

найти хотя сколько нибудь удовлетворительное истолкованіе помянутаго мѣста въ одномъ изъ стихотворныхъ переложеній «Слова», блистающихъ яркими красками фантазіи. И не ошибся. Перебравъ бывшія у меня подъ рукой изданія, я остановился на переводѣ г. Минаева, который и помогъ мнѣ уяснить это темное мѣсто подлинника.

К О Н Е Ц Ъ .



ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

| | Стр. |
|---|------|
| Предисловіе | 7 |
| Пѣснь 1-я. Запѣвъ | 39 |
| Пѣснь 2-я. Вѣщее затмѣніе | 45 |
| Пѣснь 3-я. Побѣда | 57 |
| Пѣснь 4-я. Воспоминаніе пѣвца объ усобицахъ | 65 |
| Пѣснь 5-я. Пораженіе | 71 |
| Пѣснь 6-я. Плачь пѣвца | 77 |
| Пѣснь 7-я. Сонъ Святослава | 87 |
| Пѣснь 8-я. Воззваніе къ князьямъ | 97 |
| Пѣснь 9-я. Воспоминаніе о минувшемъ | 109 |
| Пѣснь 10-я. Плачь Ярославны | 119 |
| Пѣснь 11-я. Бѣгство Игоря | 127 |
| Пѣснь 12-я. Возвращеніе | 137 |
| Примѣчанія | 143 |



228.

KH-70

70

P1
F-37